

ПИОНЕР 7

ИЮЛЬ ● 1975 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Мария ПРИЛЕЖАЕВА,
лауреат Государственной премии РСФСР имени Н. К. Крупской.

Дорогой Ленина

Был яркий, сверкающий день 30 марта 1971 года, когда делегаты ранним утром, задолго до открытия XXIV съезда партии собрались в Кремле. С берегов Волги и из студеной Якутии, из цветущего Таджикистана и привольных полей Украины, из солнечной Грузии и озерной Прибалтики съехались самые достойные люди нашей Родины.

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев сделал отчетный доклад. Очень интересный, очень важный доклад! О международном положении Советского государства. О нашей борьбе за мир. О строительстве и творчестве советского народа. О наших планах на будущее.

Съезд коммунистов всегда говорит всему народу и миру о том, что достигнуто за прошедшее время. И всегда намечает, что нужно сделать, построить, создать в предстоящую новую пятилетку.

Сейчас у нас идет завершающий год девятой пятилетки. Советский народ успешно выполняет предначертания двадцать четвертого съезда.

Вы слышите, как торжественно звучит это слово: **Пред-на-чертания!** И смысл его торжествен. Вдумайтесь.

Строительство множества электростанций небывалой мощности. Вот, например, невдалеке от Шушенского, где в прошлом веке отбывал ссылку Владимир Ильич, теперь среди скалистых берегов Енисея воздвигается огромная бетонная плотина и к концу пятилетки разольется новое Саянское море.

Вот строится на Каме гигантский автомобильный завод КамАЗ. Многотысячные отряды комсомольцев — строителей КамАЗа дали слово выпустить первый камский большегруз к открытию XXV съезда КПСС. Дали комсомольское слово — выполнят!

Вы, конечно, знаете о строительстве Байкало-Амурской магистрали в живописнейших и труднопроходимых местах Сибири.

Строятся, строятся заводы, комбинаты, дома, школы, дворцы пионеров, театры — всюду кипучая работа, чтобы все лучше и краше становилась жизнь советских людей. Чтобы все сильней и могущественней была наша Родина. Чтобы вы, ребята, охотно и интересно учились в просторных классах, весело собирались на пионерские костры в лагерях, совершали свои пионерские дела.

Впереди двадцать пятый съезд.

Пленум Центрального Комитета КПСС постановил созвать XXV съезд Коммунистической партии 24 февраля 1976 года.

Советские люди и наши зарубежные друзья с волнением узнали о предстоящем съезде. Перед всеми нами, как прожектором, будут высвечены дальнейшие пути десятой пятилетки.

идет Страна Советов

Мы живем в хорошую пору. Наша великая Коммунистическая партия мудро и страстно добивалась претворения в жизнь принятой на XXIV съезде Программы мира. Все мы, советские люди, от мала до велика, радуемся и благодарим нашу партию и правительство за то, что небо над нами спокойно и мирно. Ленинская внешняя политика торжествует! Ленин всегда присутствует в нашей жизни, работе и мыслях. Мы ощущаем его зоркий, внимательный взгляд; мы с любовью храним его дорогой образ в наших сердцах и, конечно, следуем его великим заветам.

Когда меньше чем через год в Кремлевском Дворце съездов откроется двадцать пятый съезд нашей партии, он будет идти под знаком непобедимых идей Ленина. На съезде будут поставлены перед народом все новые и новые высокие и благородные цели. Партия вновь и вновь проявит огромную заботу о благе народа, позовет к творческому труду на благо Родины.

Мы, коммунисты, комсомольцы, пионеры, все советские люди, не можем, не умеем, не хотим жить без мечты. **Мечты реальной, которая будет воплощена в планы десятой пятилетки.**

Как же нам готовиться к встрече двадцать пятого съезда? А так: еще лучше, просветленней, вдохновенней работать, учиться. На каждом, даже самом скромном участке рабочий человек или школьник, пионер, могут проявить свое умение, дарование, силы.

Не быть в стороне от дел старших — таков закон жизни советской пионерии. «Вместе с партией, вместе с народом!» — вот боевой лозунг пионеров всех поколений, а значит, и пионеров 70-х годов.

«Наша партия превыше всего ценит доверие трудящихся, дорожит им. Всемерно укреплять нашу великую партию, углублять ее связи с народом, с массами — такой завет оставил нам великий Ленин, и мы будем верны этому ленинскому завету!» — так сказал Леонид Ильич Брежнев.

Пионеры! Помните эти слова. Заветам Ленина будьте верны во всем!

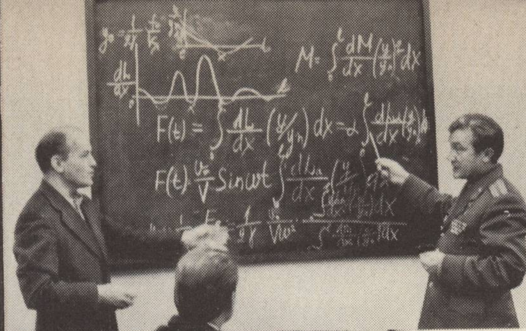
Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ИЮЛЬ 7

Издательство «Правда»
Москва 1975 г.

«КАК МЫ ЖИВЕМ В КОСМОСЕ»

Имя Николая Николаевича Рукавишникова, дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР, хорошо знают все ребята. В те дни, когда проходила эта встреча во Дворце пионеров на Ленинских горах, Николай Николаевич готовился к полету по программе «Союз-Аполлон». Он входил в состав нашего первого дублирующего экипажа. Во Дворец пионеров Николай Николаевич приехал прямо с тренировки. Принимали Николая Николаевича члены клуба юных космонавтов и их гости — пионеры из подмосковного города Балашиха.

«ИДУ НА СБЛИЖЕНИЕ»...

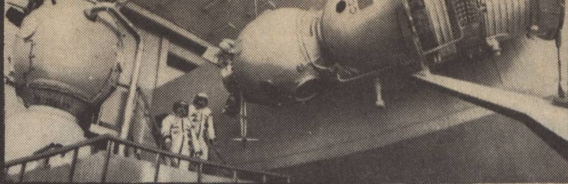
СЕРГЕЙ КОБОЗЕВ.

Николай Николаевич, не могли бы вы рассказать, чем вы сегодня занимались?

Н. Н. РУКАВИШНИКОВ.

Мы с Анатолием Васильевичем Филипченко отрабатывали порядок дальнего сближения с «Аполлоном». Корабли еще далеко друг от друга, между ними пятьсот — восемьсот километров. На таком расстоянии другой корабль и в бинокль не увидишь. Для сравнения представьте себе, что один корабль в Москве, а другой в Туле, причем размером каждый всего с грузовой автомобиль. Только по приборам мы знаем, что «Апол-

И РАБОТАЕМ

лон» где-то близко. Наши корабли начинают маневрировать, изменять свою орбиту, чтобы все больше и больше сблизиться друг с другом.

Тут очень важно следить за скоростью сближения, чтобы не налететь друг на друга. И следить за боковой скоростью, чтобы не разойтись.

Этот этап мы с Анатолием Васильевичем сегодня и отрабатывали на тренажере — точной копии «Союза». В соседней комнате находились люди, которые выполняли «роль» экипажа «Аполлона». Они обращались к нам по-английски, а мы им отвечали тоже по-английски и понимали друг друга.

Те, кто нас тренирует, ставили перед нами в ходе тренировки различные задачи. Например, я иду на сближение, а они сообщают, что у меня отказал двигатель и я могу налететь на «Аполлон». Что делать?

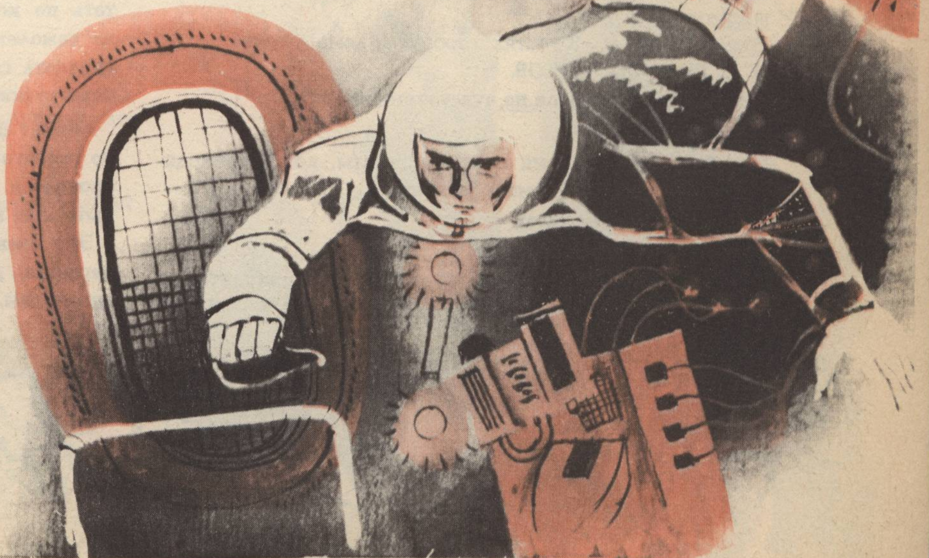
Мгновенно включить все резервные системы, чтобы пройти мимо — выше или ниже второго корабля. Стыковки не произойдет, но корабли будут целы...

Полет «Союза» и «Аполлона» важен не только для исследования космоса. Он поможет дальнейшему сближению наших стран. Совместная космическая программа позволяет нам лучше узнать американцев и американцам лучше узнать нас.

Эти снимки сделаны во время тренировок в Центре подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина. Летчики-космонавты СССР А. В. Филипченко и Н. Н. Рукавишников тщательно готовились к совместному полету, изучали новый стыковочный узел для стыковки с «Аполлоном», занимались математикой, механикой, снова и снова опробовали и осваивали на тренировках все механизмы корабля «Союз», работали за пультом нового тренажера космического корабля «Союз».

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА.

Николай Николаевич Рукавишников беседует с ребятами.

КИРИЛЛ ДЗЮБЕНКО.

А какую работу вы будете выполнять в полете «Союз»—«Аполлон»?

Н. Н. РУКАВИШНИКОВ.

Я бортинженер, буду следить за правильной работой всех систем на корабле.

«ХОЧЕТСЯ — НЕ ХОЧЕТСЯ» ОСТАВЬТЕ НА ЗЕМЛЕ

ЕЛЕНА ТРУСОВА.

За день где только мы не побываем! А вы несколько дней провели в кабине. Неужели вам не хотелось выйти на московские улицы?

Н. Н. РУКАВИШНИКОВ.

Когда вы находитесь в полете, то «хочется — не хочется» оставьте дома. Может быть, мне щей хочется, но щами в космосе не кормят. Всякое хотение надо оставить, оно вам будет только мешать.

Вы, наверное, знаете, как устроен корабль. В «Союзе» две комнаты. В одной оборудование и управление кораблем. В другой — орбитальном отсеке — космонавты спят, умываются, обедают. Надоест сидеть в одной комнате, уходи в другую. Тут надоело, в окно смотри. Но, чтобы надоело, в полете не бывает. Полеты связаны с большими материальными затратами, время полета продумано и рассчитано по минутам. Вот вы проснулись, поели, сделали зарядку. Начинается ваш рабочий день, и просто некогда думать о том, что хорошо бы прогуляться.

Мы все, конечно, привыкли жить иначе — ходить по земле ногами, умываться водой, а не салфеткой, спать на постели, а не висеть в воздухе, дышать запахом трав, хвои. И эти привычки как бы тянут тебя домой.

Но еще больше хочется быть в космосе! Там все ново, необычно, хочется впитать в себя все, что возможно, все необычные ощущения.

НАТАША БРОДЯК.

Есть поговорка: «В гостях хорошо, а дома лучше».

Н. Н. РУКАВИШНИКОВ.

Мы себя на корабле не чувствуем гостями.

СЛАВА ЛЕВИТЕС.

А были ли во время полета моменты, когда приходилось мгновенно принимать решение?

Н. Н. РУКАВИШНИКОВ.

Были. Они у всех бывают.

Но что значит мгновенно? Решение не приходит, как вспышка молнии. Нужно время, чтобы понять, что случилось на корабле, к чему это может привести. Неожиданные ситуации бывают в каждом полете. Это не аварии, конечно, чаще это именно курьезы, которые только выглядят как аварии.

У нас был такой случай. Мы с Анатолием Васильевичем Филипченко спокойно летели в «Союзе-16» где-то над Тихим океаном. Связи с Центром не было. Глубокая ночь, полная чернота за окнами. Не видно было ни воды, ни неба: в кабине горел яркий свет. Было тихо. Вентиляторы шумели, тикали часы.

И вдруг ни с того ни с сего раздался резкий скрежет и звон. Мгновенно мы заняли свои места за пультом управления и стали проверять показания приборов. Никаких изменений не нашли. Корабль вел себя нормально.

Да и шум вскоре прекратился.

Но что же все-таки шумело? На корабле все включается по команде: она приходит либо с Земли, либо от пилота, либо автоматически — от одного из датчиков на борту.

Мы никакой команды не давали. Значит, этот вариант отпал. Земля тоже не давала приказа: под нами был океан, и радиокоманда не могла пройти на борт корабля. Видимо, какая-то автоматика сработала.

Через несколько минут мы выяснили, в чем дело, доложили на Землю, и Земля подтвердила правильность наших выводов. Оказалось, термометры в приборной зоне вдруг решили, что зона охлаждается больше положенного, и дали команду для подогрева. И тотчас же специальный прибор открыл жалюзи. Мы знали, что такой прибор есть, знали, что он включается автоматически, но не сразу поняли, что это именно он так шумно включился. Земле мы доложили об этом минут через пятнадцать.

Видите, реакция не такая уж мгновенная. А вот подойти к пульту для проверки приборов корабля надо было мгновенно! Приборы должны были сказать, что же произошло. Работа в космосе требует только продуманных действий, а не мгновенных, поспешных реакций. Конечно, возможны ситуации, когда нужно действовать молниеносно,— если бы, скажем, образовалась дыра в борту корабля...

«НИКТО НА ЗЕМЛЕ НЕ ЖИЛ В УСЛОВИЯХ НЕВЕСОМОСТИ...»

СЕРГЕЙ ЛУНЬКОВ.

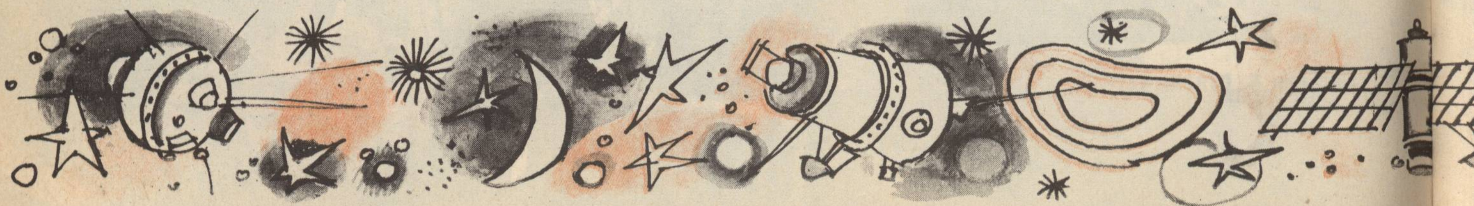
Что вы почувствовали, когда в первый раз оказались в невесомости?

Н. Н. РУКАВИШНИКОВ.

Первый раз это было в самолете. Известно, что на Земле невесомость невозможна. Нет такого аппарата, чтобы с его помощью вот в этой, скажем, комнате создать невесомость. Представляете, сколько было бы тут шума и крика, если бы мы на своих стульях стали летать по комнате! Невесомость создать можно только на самолете и то на очень короткое время — всего на тридцать секунд. Потом сразу вы чувствуете свой вес и перегрузки.

Может быть, вам случалось проезжать на автомобиле по горбатому мостику? Вот в те секунды, когда вас подбросило и вы висели между крышей и сиденьем, вы испытывали невесомость.

Это очень странное ощущение. Жизнь на Земле развивается, допустим, миллиард лет, но ни простейшие организмы, ни животные, ни люди никогда не жили в

невесомости. Это состояние настолько чуждо нам и всему живому на Земле, что его не передашь словами.

Чтобы вам понять необычность жизни в невесомости, приведу пример: если ночью не засунешь руки в спальный мешок, они сами собой поднимаются и, пока спишь, висят перед глазами у вашего носа. Проснешься, первое, что видишь,— руки. Можно даже подумать, что это чьи-то еще руки, но, поскольку рядом никого нет, убеждаешься, что твои.

ВАЛЕРИЙ ФИЛАТОВ.

Невесомость вредна человеку?

Н. Н. РУКАВИШНИКОВ.

Вредна.

В невесомости происходят хитрые и еще неизвестные науке вещи. Уменьшается объем мышц. Если перед полетом обыкновенным портняжным сантиметром измерить руку, получится, допустим, тридцать пять или тридцать сантиметров. После полета рука станет тоньше. Особенно страдают ноги, они ведь висят и практически не работают.

Чтобы этого не было, мы занимаемся в полете физкультурой. На орбитальной станции «Салют-4» была бегущая дорожка, был велоэргометр, велосипед, который дает нагрузку ногам, были эспандеры, специальный нагрузочный костюм. Космонавт носит этот костюм весь день. Если вы сгибаете руку, натягивается резина, и приходится сгибать руку с усилием. Любое ваше движение в этом костюме требует физического напряжения.

При невесомости и кости становятся более тонкими.

Зачем человеку кости? Правильно — чтобы держать тело. Когда я стою на ногах, мой вес, скажем, мои семьдесят два килограмма, принимают кости, они чуть-чуть сжимаются и держат меня, не дают мне упасть.

А в невесомости веса нет, кости не «работают».

Наш организм устроен хитро. Он тогда «думает»: ага, мои кости не нагружены, зачем они мне? И сам себе отвечает: не нужны! И дает команду на рассасывание костей. Кости становятся все тоньше и тоньше. Вот тут-то костюм и физкультура помогают человеку вернуться на Землю с крепкими костями и с более или менее нормальными мышцами.

СЕРГЕЙ МАРУТЯН.

А вам мешали какие-нибудь земные привычки?

Н. Н. РУКАВИШНИКОВ.

Сразу даже трудно сказать...

Скажем, я люблю на ночь почитать в постели. В космосе я мог читать только свой бортовой журнал, хоть вдоль, хоть поперек. Но это было неинтересно: я знал его наизусть.

Нельзя, скажем, поесть горячего супа или щей. К космической пище не сразу привыкаешь, там мы едим из тюбиков.

СЕРГЕЙ МАРУТЯН.

А привычка ходить вертикально?

Н. Н. РУКАВИШНИКОВ.

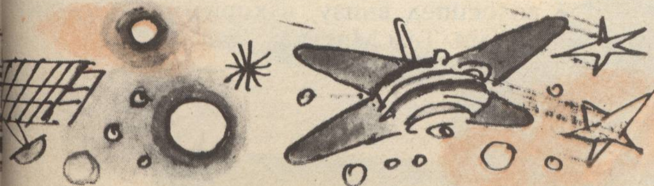
Когда возвращаешься на Землю, сначала чувствуешь себя даже хуже, думаешь, а как все-таки приятно летать!

ВАНЯ ИСАЕВ.

Вы видели, как летает дым в состоянии невесомости?

Н. Н. РУКАВИШНИКОВ.

Нет. А как вода летает, видел.

Если в невесомости наклонить графин, вода не выльется. Шлепнешь по донышку, она вылетит круглым шаром и будет летать по кабине. Поймаешь шар, он разлетится на мелкие шарики. Придется их выловить и выпить, чтобы не летали.

В космосе воду пьют из трубочки, вроде соски. Я както взял эту трубочку и нажал кнопку. На конце трубочки образовался шарик и полетел. Я стал ловить его ртом, чтобы выпить. Филипченко говорит: «Перестань баловаться». Но успел все-таки меня сфотографировать за этим занятием.

ЖЕНЯ ГРАЧЕВА.

Космонавты не курят?

Н. Н. РУКАВИШНИКОВ.

В основном нет.

Бывает, что человек приходит курящий, но на тренировках курить перестает.

«КОГДА ТЫ ВЫРАСТЕШЬ»...

КОСТЯ СОЛОВЬЕВ.

Как вы думаете, кто первым вступит на Марс?

Н. Н. РУКАВИШНИКОВ.

Думаю, полетит советско-американская экспедиция.

ЗОЯ БУХ.

После полета на Луну американские космонавты пять-шесть недель были в карантине. А если люди полетят на Марс и будет установлено, что на Марсе есть жизнь, карантин будет еще дольше?

Н. Н. РУКАВИШНИКОВ.

Вряд ли после полета на Марс карантин будет продолжаться дольше, чем пять недель. Микробы в карантинной камере за это время себя проявят, и будет ясно, что делать.

КИРИЛЛ КОНДРАТЕНКО.

Когда приблизительно может быть полет на Марс?

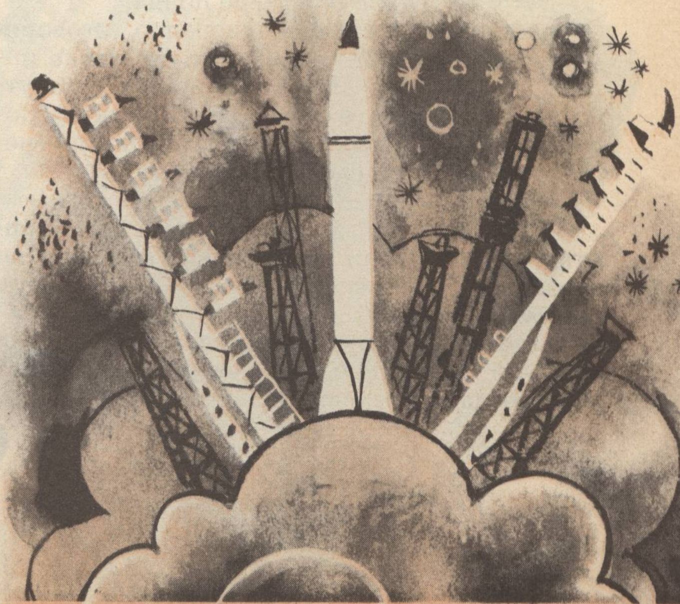
Н. Н. РУКАВИШНИКОВ.

Техника для полета человека на Марс еще не готова. Трудно сейчас назвать срок полета. Я боюсь уподобиться тем осторожным людям, которые до войны говорили, что полеты в космос будут лет через сто. Теперь они сами видят, как здорово ошибались.

Мне-то кажется, что лет через десять, не раньше. Как раз к тому времени, когда ты вырастешь.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Приглашаем всех читателей «Пионера» продолжить этот разговор. Присылайте свои вопросы. Мы покажем ваши письма Николаю Николаевичу и напечатаем его ответы.

ФЛАГ-КАПИТАНЫ

В. КРАПИВИН

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 5.

Случилось чудо: Сережа получил пятерку по алгебре. Весь класс ломал голову над хитрой задачкой, а Сережа присмотрелся и увидел, что задачка совсем простая. Только решать ее надо не так, как прежние, а другим способом. Он так отчаянно запросился к доске, так затряс рукой, что Антонина Егоровна взвела брови и почти простонала:

— Каховский, что с тобой?

— Но ведь совсем просто! Как дважды два.

На доске он писал быстро и с таким треском, что осколки мела сыпались, как скорлупа ореха. Орехом была задачка, которую Сережа расщелкал.

Антонина Егоровна торжественно внесла пятерку в клетку классного журнала. Эта пятерка придавила и заслонила чахлые тройки и подлую двойку, полученную две недели назад. Сережа вернулся на место, как после трудной и блестящей победы на фехтовальной дорожке. Кузнечик обернулся, мигнул ему и показал большой палец. Мишка Маслюк, недавно перебравшийся на парту к Сереже, грустно сообщил:

— А я все равно ничего не понял.

Антонина Егоровна вдохновенно заговорила о том, как много значат в математике интерес и старание. Вот Каховский всегда утверждал, что у него нет математических способностей, а сегодня заинтересовался необычной задачей, сделал усилие и...

— Каховский, ты меня слушаешь?

Сережа не слушал. Дверь класса была приоткрыта, и в ней стоял Василек Рыбалкин по прозвищу Негативчик сокращенно — Нега. Данилкин барабанщик. Удивительное большеглазое создание со светлой пушистой головой и постоянно загорелым лицом, как портрет на негативной пленке.

Рисунки С. ТРОФИМОВА и А. ГРИШИНА.

Что он здесь делает? Во-первых, он учится в ту же смену, что и Сережа, значит, должен быть на уроках. Во-вторых, он из другой школы. В-третьих, он вообще не должен быть ни в какой школе, а обязан сидеть дома, потому что у него ангина.

Василек встретился глазами с Сережей, поманил его ладонью и отступил за дверь.

— Антонина Егоровна, разрешите выйти?

— Что с тобой?

— Ну, очень надо!

— Ты что, переволновался у доски? Ну... иди, пожалуйста.

Встревоженный взгляд Кузнечика: «Что?»

Ответный взгляд: «Не знаю. Кажется, тревога».

Нега ждал у двери. Сиплым от простуды голосом сказал:

— Мой велосипед внизу, в коридоре. Отряд громят. Жми. Там Митька.

Данилка научил своих барабанщиков говорить коротко и четко. Олег научил фехтовальщиков «Эспады» действовать быстро.

Уже на Октябрьской улице, на спуске, с замирающим от тревоги и скорости сердцем Сережа сообразил: правую штанину он ничем не защемил. Если попадет в цепь, будет много грохота. Но скорость не снизил. Все обошлось.

Один из слесарей отдирал от стены доски стеллажей. Другой срывал дополнительную электропроводку, которую ребята протянули для освещения во время киносъемок. Еще двое рабочих вытаскивали декорации и вносили столы и шкафы. Они подошли к двери кают-компании и хотели взять фанерную спинку королевского трона, стоявшего у косяка.

— Назад! — сказал Митя Кольцов.

Он стоял на пороге кают-компании, загораживая дверь. Кулаками упирался в косяки. В левом кулаке была зажата рапира — Митя держал ее за клинок, рукояткой вниз.

— Ну-ка, ты, подвинься,— хмуро сказал небритый дядька и потянулся к декорации. Митя не подвинулся. И вообще не двинулся с места.

— Назад! — четко повторил он.

— Отойди, отойди,— поспешно сказал дядьке домоуправ Сыронисский. — Не трогай, это потом.

Василек встретился глазами с Сережей, поманил его и отступил за дверь.

Слесари ухватили фанерную колонну дворцового зала и поволокли к выходу.

— Назад!— сказал Сережа, появляясь на пороге.

Слесари нерешительно остановились. Один из них сказал:

— Отойди с дороги, малявка...

Сережа только что прошел мимо сваленных в грязь у крыльца декораций, над которыми ребята трудились больше месяца. Увидел грязные следы сапог на полу в коридоре. Заметил царапины на разрисованных стенах спортзала — от острых углов домоуправленческой мебели. Вырванные с гвоздями полки, сорванные провода. И тут еще: «Малявка!» Он ощутил такую злость, какой не чувствовал никогда в жизни. Он даже испугался. Испугался, что забудет обо всем на свете и сделает что-то страшное.

Стоп. Стоп, так нельзя. Нельзя забывать одного: ты капитан «Эспады». Надо отдышаться. Надо сосчитать хотя бы до десяти. И обратно: пять... четыре... три... два.

Почти спокойно он сказал:

— Кто вас сюда пустил? Вы находитесь на территории пионерского отряда «Эспада». Прекратите погром!

Сыронисский повернулся к человеку с приветливо-скучным лицом и большой нижней губой.

— Видите, товарищ Стихотворов? Так они все воспитаны.

Тот сокрушенно покачал головой. Видимо, соглашался, что воспитаны кошмарно.

— Между прочим,— сказал Сыронисский Сереже,— ты бы постеснялся. Это товарищ из районо.

— Догадываюсь, — ответил Сережа. — Странно, что он разрешает вам громить пионерский отряд.

— Это не погром, а подготовка к ремонту. В ваших же интересах,— сказал инспектор Стихотворов.

— Я вижу,— сказал Сережа.

Он повернулся к Мите.

— Ключ от кают-компании у тебя?

— В кармане,— откликнулся Митя, продолжая загораживать дверь.

— А где Олег?

— В институте задержался. Я уже позвонил.

Сережа ушел из прохода. Пусть уносят колонну, не в ней дело. Он подошел к Мите и загородил его.

— Запрись изнутри,— велел он.— Набери по телефону ноль-два, вызови милицию. Скажи: «Взрослые люди громят пионерский клуб».

— Я уже вызвал,— сказал Олег. Он встал в дверях спортзала, запыхавшийся, в расстегнутом пальто. За ним стояли Василек Рыбалкин, Рафик Сараев, Данилка и Генка с двумя портфелями — своим и Сережиным. Видно, понял Кузнечик, что сегодня уже не быть им с Сергеем на уроках.

— Я вызвал милицию,— повторил Олег. — Сейчас приедут.

Постукивая каблуками, вошел смуглый, похожий на кавказца лейтенант и два милиционера. Не обращаясь ни к кому в отдельности, лейтенант спросил:

— Что случилось?

— Домоуправление намерено проводить в помещении ремонт в соответствии с утвержденным графиком,— сказал Сыронисский.— А руководитель детского клуба всячески препятствует, настраивает ребят. Дело доходит до вооруженного сопротивления.

Насчет вооруженного сопротивления лейтенант пропустил мимо ушей. Слегка поморщился и спросил у Олега:

— Вы руководитель клуба?

— Да.

— Разве вопрос о ремонте с вами не согласован?

— Конечно, нет! Какой может быть ремонт в разгар занятий с ребятами! Речь идет не о ремонте. Они просто хотят выселить нас и устроить здесь бухгалтерию.

Лейтенант вопросительно посмотрел на Сыронисского. Тот поспешно сказал:

— Мы дали это помещение для клуба временно. По просьбе райкома комсомола. Вопрос о бухгалтерии еще не решен окончательно. Пока мы собираемся просто ремонтировать.

Лейтенант окинул взглядом помещение.

— Если вопрос не решен, почему сюда вносят столы и шкафы?

Сыронисский слегка обиделся:

— Простите, это уж наше дело. Шкафы — для хранения кистей и красок. Столы — вместо стремянок для штукатуров.

— Чушь какая,— сказал Олег.

Ребята подошли к нему и встали сзади полукругом. Только Митя остался на посту у дверей.

К лейтенанту подошел Стихотворов. Он заговорил негромким и доверительным голосом:

— Видите ли, товарищ милиционер, у районного отдела народного образования к товарищу Московкину есть ряд вопросов. Мы полагали, что пусть домоуправление делает ремонт, а специальная комиссия в этих вопросах за данный отрезок времени разберется. Есть мнение, что товарищ Московкин...

Олег перебил:

— Это ваше личное мнение. А мнение комсомольских органов вы спрашивали?

— Но позвольте...

Лейтенант перебил Стихотворова:

— Простите, это не мое дело. Я хотел бы выяснить: согласован ли вопрос о ремонте с руководителем клуба?

Сыронисский внушительно сказал:

Этот вопрос согласован с райисполкомом.

Лейтенант повернулся к Олегу.

— У вас есть телефон?

— Да.
— Позвоните председателю, выясним.
— Председатель в отпуске,— поспешно известил Сыронисский.— А заместитель на совещании. Этот вопрос я согласовывал с товарищем Подолякиным. Звонить ему незачем. Во-первых, он тоже на совещании, во-вторых, у меня есть график, им подписанный. С печатью. Вот.
Он полез за пазуху и вытащил лист бумаги с лиловым, отпечатанным на машинке текстом.
— Пожалуйста. Детский клуб, улица Красноармейская. Срок ремонта: март — апрель.
— Товарищ Подолякин и не подозревает, что нас хотят отсюда выставить!— сказал Олег.
Лейтенант взял бумагу, внимательно прочел ее. Отдал Сыронисскому и повернулся к Олегу. Сказал чуть виновато:
— Я вас понимаю. Но это документ, и этот человек — должностное лицо. Не могу ему препятствовать.
— Да посмотрите, что они натворили!— возразил Олег.
Лейтенант посмотрел.
— Действительно,— сказал он Сыронисскому.— График графиком, но что за разгром? Имущество клуба, декорации в грязь свалили. Это что, тоже необходимость?
— Ошибочка,— поспешно объяснил Сыронисский. — Результат спешки и недосмотра. Сейчас исправим. Толя, Саша! Все барах... все имущество поставить аккуратно. Потом уберем в сарай... Учтем, товарищ лейтенант... А товарищ Московкин пусть отопрет вон ту комнату.
— Не отопру,— сказал Олег.
— То есть это как? На каком основании?
— На таком основании, что у нас там вещи, принадлежащие отряду, а не вам. Спортивное оружие, барабаны, документы. Флаг отряда.
— Так забирайте их!
— Куда? Предоставьте помещение.
— У меня нет для вас помещения.
— У меня тоже нет,— сказал Олег.
Домоуправляющий помолчал и ледяным тоном потребовал:
— Отоприте замок.
— Не отопру!— хладнокровно откликнулся Олег.
Сыронисский позеленел.
— Я имею право открыть ее, когда считаю нужным!
— Открывайте,— сказал Олег.— Но учтите, что перед дверью, охраняя отряд, стоит мальчик со шпагой.
— Так уберите этого мальчика!
— Зачем? Он на своем посту.
— Товарищ лейтенант, я требую!
Лейтенант пожал плечами.
— Скажите это руководителю клуба.
— Но вы обязаны наводить порядок!

Сереже показалось, что лейтенант заговорил со скрытым удовольствием:
— Видите ли, если бы здесь было нарушение законов, драка, я бы вмешался. Но здесь два руководителя разных организаций не могут прийти к одной точке зрения. Это ведомственный спор. Я тут ни при чем.
Он кивнул милиционерам:
— Пошли.
Сыронисский сказал вслед:
— Тогда мы уберем мальчишку сами!
Лейтенант оглянулся.
— Не советую,— веско произнес он.— Очень не советую. Вы можете нечаянно толкнуть или поцарапать мальчика.
— Тогда что же мне делать?
— Договаривайтесь,— обронил лейтенант и вышел.
Сыронисский опустился на стул.
— Хорошо,— покладисто сказал он.— Подождем, пока вашему часовому не надоест.
Митя впервые вмешался в разговор.
— Нас сорок восемь человек,— вежливо сказал он.— Мы будем меняться через полчаса.
Минуты три все молчали.
— Ладно, ребята, — сказал наконец Олег.— Выйдите во двор, подойдите к окну кают-компании.
Ребята послушались. Сережа задержался. Олег подошел к Мите.
— Дай ключ.
Он открыл дверь, подтолкнул Митю в кают-компанию, зашел сам. Замок щелкнул изнутри. Сережа выскочил во двор.
Олег распахнул окно.
— Принимайте вещи,— хмуро сказал он.— Не можем мы в самом деле дежурить круглые сутки. Пока заберем что нужно, а потом пойду к начальству.
Он стал подавать барабаны. Данилка, Рафик, Нега повесили их на себя. По две, по три штуки. Но скоро подоспели остальные барабанщики, разобрали свои инструменты.
Олег стал подавать рапиры.
Сыронисский и Стихотворов вышли на крыльцо.
— Между прочим, ваше оружие куплено на деньги домоуправления,— заметил Сыронисский.
— Не все,— сказал Олег.— Восемь рапир мои.
— Странно вы себя ведете, Олег Петрович,— мягко заговорил Стихотворов.— Только усугубляете дело. Комиссия все это будет учитывать.
— Представляю, что это за комиссия, — усмехнулся Олег.
— Обычная. Товарищи из уличного комитета, методисты, представители...
— И ни одного комсомольского работника. Так? Ни одного человека из родителей наших ребят!
— Вы что же, не доверяете нашей общественности?

— Я не доверяю Сенцовой и ее приятелям. Вам, кстати, тоже.

— И это вы говорите при детях!

Олег подал Мите кинопроектор. Затем протянул Генке зачехленный флаг. Генка взял его на плечо. Митя и Сережа встали по обе стороны Кузнечика.

Олег оперся ладонями о подоконник и легко выпрыгнул на улицу.

Сыронисский подошел и протянул растопыренную ладонь.

— Все? Теперь прошу ключ.

Олег молча поднял на шнурке плоский ключик и зашвырнул его далеко-далеко. За тополя, за забор.

— Мальчишка! — крикнул Сыронисский.

— Ломайте дверь,— сказал Олег.

Они шли к дому Олега. Их группа напоминала остатки разгромленной армии. Олег молчал. Ребята тоже молчали. «Как во сне,— подумал Сережа.— Идем, смотрим, а все будто ненастоящее». Действительно, то, что случилось, даже в голове не укладывалось. Жили, работали, смеялись, сражались, радовались. Никто не верил, что может так — трах — и кончиться.

Димка подошел к Сереже и шепотом спросил:

— Как мы теперь?

Олег услышал.

— Барабаны возьмите домой,— сказал он.— Рапиры потом возьмут капитаны. Ну... и все остальное распределим. А там посмотрим.

Их догнала желтая милицейская машина. Выскочил на тротуар смуглый лейтенант.

— Олег Петрович, подождите... Вы не помните меня? Мы встречались.

— Да? — сухо сказал Олег.

— Вы, наверное, забыли. Я к вам в интернат, в Красный Берег, двух пацанов привозил.

— А, помню,— сказал Олег.— Было дело.

Все медленно двинулись дальше, и лейтенант пошел рядом с Олегом.

— Я все понимаю,— сказал он.— Только ничего нельзя было сделать... Когда я мальчишкой был, у нас такие деятели во дворе волейбольную площадку загубили. Куры, говорят, пугаются, и белье сушить негде. Мы знаете что? В газету тогда пошли. Почему бы вам не пойти в газету?

Сережу словно толкнуло! Как он мог забыть? Газета! Алексей Борисович!

Всадники...

— Олег! Я знаю, что делать! Я завтра же...

Утро было ветреное, влажное, с проблесками солнца, которое то и дело выскакивало из-за быстрых клочковатых облаков. На газонах, среди рыжей травы дотаивал ноздреватый снег.

Асфальт был мокрый. Двухэтажный особняк, в котором помещалась редакция, отражался в нем, как белый пароход в темной реке. А несколько разнокалиберных автобусов, стоявших у редакции, были похожи на катера.

Сережа перешел дорогу и толкнул тяжелую дверь.

«Лишь бы Алексей Борисович никуда не уехал»,— подумал он.

В бледно освещенном вестибюле было много людей. Одни стояли группами, другие озабоченно расхаживали взад-вперед. И Сережу кольнула тревога. Было что-то непонятное в в поведении людей. И только через несколько секунд Сережа понял: они все молчат или говорят очень тихо. Столько людей, и такая приглушенность. Словно все боятся чего-то...

«А может быть, так полагается,— подумал Сережа.— Может быть, нужно для работы, чтобы всегда в редакции стояла тишина?» Но как-то не вязалось это с Алексеем Борисовичем, с его веселым характером, с его улыбкой.

Сережа оглянулся. Никто не обращал на него внимания. Он подошел к высокой, худой женщине, которая одиноко стояла у колонны и курила.

— Простите... Алексей Борисович, товарищ Иванов... Он сейчас здесь?

Женщина слегка вздрогнула, приподняла подкрашенные брови и напряженно посмотрела на Сережу. Словно не поняла его, но очень старалась понять. Наконец она кивнула, странно моргнув при этом, и медленно показала на лестницу.

«Что с ними со всеми?» — еще раз подумал Сережа. Но главное, что Алексей Борисович был в редакции. Сережа двинулся к лестнице.

— В третьей комнате,— хрипловато сказала ему вслед женщина и закашлялась.

В коридоре второго этажа, как и внизу, стояла напряженная тишина.

Дверь в третью комнату была открыта, но вход загораживали спины неподвижно стоявших людей. Так бывает, когда идет большое собрание и всем участникам не хватило места. Сереже показалось, что сейчас из-за спин донесется голос выступающего. Но в комнате было тихо.

Он подошел, не очень надеясь что-нибудь рассмотреть и понять. Но кто-то оглянулся на него, кто-то вполголоса сказал:

— Пропустите мальчика...

И спины раздвинулись перед ним.

С дико нарастающей тревогой, ощущением непонятной, но большой беды Сережа пошел вперед среди молча расступавшихся людей...

Он сразу узнал Алексея Борисовича, хотя сейчас лицо у него было очень худым. Голова тяжело вдавилась затылком в подушку, а большой подбородок приподнялся и от этого казался еще более острым.

Боковая стенка гроба почти сплошь была закрыта цветами и зеленью. И сверху тоже были цветы. И если бы не белая, нелепая какая-то подушка, могло показаться, что Ива-

нов упал навзничь в траву, от выстрела в упор...

Когда случается неожиданная и большая беда, человек падает в нее, как в пропасть. Все, что есть вокруг, становится расплывчатым, неважным, ненужным и пролетает мимо, не оставляя следа.

В Сереже словно отключился механизм, отсчитывающий время. Совершенно не знал он, прошла минута, или час, или три. Сережа порой встряхивался и замечал тогда кое-что вокруг. Один раз он обратил внимание, что полной тишины все-таки нет: шепотом переговаривались люди, где-то очень глухо играла хмурая, тягучая музыка. Потом он увидел, как у гроба меняется почетный караул — четыре человека с черно-красными повязками на рукавах. Вот встали трое мужчин и девушка с повязкой на рукаве пушистого синего свитера. Девушка вдруг закрыла руками лицо и пошатнулась. Ее быстро подхватили под локти. Но она тряхнула головой, отняла от щек ладони и осталась стоять с мокрым окаменевшим лицом...

Вот такие отдельные вещи иногда замечал Сережа. А потом опять словно тонул в ощущении полного и непоправимого несчастья.

В этом несчастье была не только смерть одного человека. В нем крылась гибель отряда, потому что человек, на которого была главная надежда, лежал мертвый.

Время от времени Сережа спохватывался: как можно думать о своих делах, когда здесь такое горе? Но скоро мысли возвращались к «Эспаде». Смерть Иванова и судьба отряда сплетались в один клубок. И возникало чувство окончательного поражения. Такую безнадежность испытывает, наверно, командир, который, отступая, надеется на последний резерв, на гвардию, и вдруг узнает, что резерв разгромлен: лагерь сожжен и солдаты мертвы. Наступать не с кем, и отступать некуда...

Кто-то взял Сережу за плечо. То ли просто так, то ли чтобы опереться. Он оглянулся. Это была женщина, с которой Сережа разговарил внизу. Она смотрела на Сережу темными, очень глубокими глазами. Потом спросила медленным шепотом:

— Ты... был знаком с ним?

— Да,— прошептал Сережа.

И ему стало очень обидно, что обещал он Алексею Борисовичу зайти или позвонить, да так и не собрался. А теперь уж ничего не поделаешь.

— Я ведь не знал,— с раскаянием прошептал Сережа.— Я к нему по делу пришел, к живому...

Женщина не удивилась. Она тихо кашлянула и сказала:

— Многие не знали... Он работал до последнего дня, а лечиться все было некогда. Торопился книжку закончить. А что болеет, почти не говорил.

— Почему он умер?

— Сердце...

Люди задвигались, стали выходить, и Сережа понял, что ему тоже надо идти. В дверях он оглянулся. И только сейчас увидел на стене большой фотопортрет Иванова. Алексей Борисович улыбался знакомой-знакомой улыбкой, как тогда, на станции. Сережа вдруг подумал, что, может быть, последний раз видит живое лицо Алексея Борисовича. Он остановился, но его мягко подтолкнули, и пришлось выйти в коридор.

Женщина вышла вместе с ним.

— Ты поедешь на кладбище?— спросила она.

Сережа не знал, надо ли ехать. Но сейчас ему показалось, что если не поедет, то опять обманет Алексея Борисовича. Как тогда: обещал навестить и забыл.

— А можно? — спросил он.

— Да.

— А как ехать?

— Садись в автобус. В любой.

Сережа вышел на улицу. Автобусы стояли вереницей. Сережа забрался в самый дальний. Он приткнулся на заднем сиденье и стал смотреть в окно. Из дверей редакции выходила молчаливая толпа. Вынесли венки, потом крышку гроба. Ухнул и тягуче заиграл оркестр.

Автобус шел долго. Потом вереница машин остановилась, и люди пошли в распахнутые высокие ворота, мимо церкви, у которой был какой-то очень праздничный купол: синий с золотыми звездами. На высоком церковном крыльце сидели старухи в черных платках. Время от времени они крестились. На нижней ступеньке крыльца примостилась серая кошка. Она умывалась и равнодушно глядела на проходивших.

Сережа впервые оказался на кладбище. Вслед за незнакомыми людьми он шел по раскисшей дороге, потом пробирался среди могильных оградок, решетчатых обелисков со звездами и крестами. Почти всюду лежал еще серый снег. А там, где он сошел, виднелись прошлогодние листья и поблекшие стружки искусственных цветов.

Наконец подошли к могиле. Она Сереже показалась похожей на окоп с двумя глинистыми брустверами по краям.

На краю могилы поставили гроб. Сережа не решился подойти близко.

Стали говорить разные люди. И говорили в общем-то одно и то же: о том, какой хороший человек был Иванов и как много он работал. И что его не забудут. Это была правда. По крайней мере Сережа никогда не забудет, хотя видел Алексея Борисовича один раз в жизни. Ну и что же, что один раз? Иных видишь каждый день, а лучше бы не видеть совсем...

Сережа тоже мог бы сказать, что за человек был журналист Иванов...

Опять заиграл оркестр. И Сережа заметил музыкантов. На них были серые шинели,

шапки со звездами и голубые погоны. Они играли марш. Не обычный похоронный марш, изматывающий душу. Это была сдержанная, суховатая какая-то музыка. Сквозь негромкие голоса труб иногда пробивалась четкая, почти маршевая дробь барабана.

Рядом с Сережей стоял грузный мужчина в плаще и помятой шляпе. Он посмотрел по сторонам, словно искал кого-то, заметил Сережу, отрывисто сказал:

— Теперь что? Играй, не играй... Теперь все равно...

— А почему такой оркестр? — спросил Сережа.— Разве Алексей Борисович был военный?

— Нет,— откликнулся мужчина.— Но он писал о них много. Особенно о летчиках. Они его помнят.

Снова коротко простучал барабан, и Сережа вспомнил о барабанщиках «Эспады». И опять ему стало неловко перед собой, что думает он об отряде, а не об Алексее Борисовиче. Но ничего он не мог поделать.

Через спины тех, кто стоял впереди, Сережа увидел, как замелькали лопаты. Кое-кто стал расходиться. Пошел и Сережа. Ему навстречу дул мягкий ветер. Медленно качались верхушки темных, почти черных сосен. А небо над ними было серое.

Сережа вышел с кладбища. Сесть в автобус он не решился: мало ли куда они поедут. Он подумал, что отыщет остановку любого троллейбуса и доберется куда-нибудь ближе к центру. А там до дома недалеко.

Он пошел по краю асфальтовой дороги. Шел и смотрел на свои ботинки. К левому ботинку прилип коричневый листик с тремя отростками, похожий на отпечаток птичьей лапы. Это был мертвый листок. Сережа тряхнул ногой, но листок держался крепко. Пожухлый, прошлогодний.

Неужели когда-нибудь снова будет летнее небо с желтыми облаками, живая трава, лиловые метелки иван-чая, пунцовые лампочки клевера и звон шмелей?

А если и будет, никогда не пойдут по этой траве загорелые барабанщики «Эспады»...

Сережа отчетливо вспомнил вечер на реке, огоньки по берегам, стук мотора и густой запах трав, пришедший с лугов. Будто вот сию минуту стоял Сережа на палубе, прижимался коленями к металлическим прутьям поручней, а рядом был Алексей Борисович и держал на Сережином плече крепкую ладонь.

И как ответ на это воспоминание легла ему на плечо тяжелая рука.

Сразу будто тверже стала рука мужчины на Сережином плече.
— А что произошло?— спросил он.

Сережа вздрогнул и обернулся.

Он увидел узкое, жесткое лицо и печальные, не подходящие для такого лица глаза.

— Узнал? — спросил мужчина.

— Да,— сказал Сережа.— Вы тогда приходили в школу.

— Верно. Это я писал о тебе заметку.

— А...— откликнулся Сережа. Но что еще сказать, не знал. Не говорить же спасибо.

— Я думал тогда, вы из милиции,— сказал он наконец.

— Нет, я работал с Алексеем,— проговорил мужчина, медленно шагая рядом.— А теперь... Вот ведь какая беда у нас... Ему бы жить да жить! Столько еще мог написать!

— Он успел закончить книгу?

— Успел... Печатается уже. Не пропусти, смотри! В магазинах она не залежится, это я точно говорю.

— А как называется?

— Как называется? «Верьте всадникам». Разве ты не знал?

— Нет...

— Там про разных людей рассказы. Про разные встречи. И про тебя...

— Про меня?

— Ну да. Про тот случай на станции. Ты помнишь?

— Еще бы!— сказал Сережа.— Но... чего же там про меня-то писать?

— Да уж Алексей знал, что... Разве он тебе не говорил?

С тихим отчаянием Сережа сказал:

— Я его и не видел с тех пор. Если бы я знал! Я ведь и сегодня пришел потому, что беда случилась.

Товарищ Алексея Борисовича помолчал. Потом проговорил:

— Бывает и так. Суетишься, бегаешь, некогда с хорошим человеком увидеться. И приходишь только тогда, когда узнаешь, что с ним несчастье.

— Да не так,— все с той же горечью сказал Сережа.— Я же не знал про Алексея Борисовича ничего. Я к нему к живому пришел, со своей бедой. Вернее, с нашей...

Ничего не изменилось на первый взгляд. Но сразу будто тверже стала рука мужчины на Сережином плече.

— А что произошло? — спросил он уже по-иному, быстро и четко.

— Да не все ли равно! —откликнулся Сережа.— Теперь-то уж...

Мужчина придержал его за плечо, зашел вперед и глянул в лицо. Глаза у него были теперь точными, как у снайпера.

— Да ты что, мальчик... У Алексея же остались друзья... Ведь есть же газета...

Когда умерла мама, Сережа много ночей подряд видел один сон. Не страшный, но какой-то безнадежный. Будто они с папой идут по унылому пустырю, где торчат кусты высохшего бурьяна. И тянется вдоль пустыря неровный серый забор из щербатых досок. А папа молчит, молчит... И все это очень долго. Сережа зачем-то держит на тонком ремешке пустой большой термос, и он при каждом шаге стукает Сережу по ноге... Потом, когда уже совсем темно, приходят они домой. Дом заброшен и пуст. Мебели нет, мусор на полу, клочьями висят на стенах отставшие обои. От одинокой лампочки жидкий желтый свет.

С минуту Сережа и папа стоят на пороге пустой комнаты. Потом папа берет его за руку. Молча. Опять надо идти. И теперь уже неизвестно, куда и зачем. Куда-то сквозь пустые черные улицы с редкими огоньками, через рельсовые пути, по ночному полю. Сережа знает, что шагать придется всегда и, кроме этой дороги, ничего уже не будет. И ему не страшно, не горько даже, а просто очень темно и пусто на душе. А термос по ноге — стук, стук...

Вот с такой же пустотой и безнадежностью возвращался Сережа с кладбища. До той минуты, пока журналист Владимир Матвеевич Ларцев не догнал его на обочине.

«Да ты что, мальчик...»

У него ладонь была узкая и крепкая, как у Иванова.

«У Алексея же остались друзья!»

Как он сам не подумал об этом? Дурак, честное слово! «Ведь есть же газета!»

Сережа улыбнулся. Даже в очень тяжелые минуты человек может улыбнуться, если к нему возвращается надежда. Пусть вместе с болью, с горем, с тревогой, но все равно надежда. Значит, что-то есть впереди. Значит, можно держаться прямо.

— Будут поминки,— сказал Владимир Матвеевич.— Я не пойду. Алексей не простил бы такой траты времени. Мы поедем в редакцию, и ты расскажешь все.

Домой Сережа вернулся в сумерках.

— Сергей, в чем дело? — жестко спросил отец.— Вчера ты убежал с уроков. Сегодня прогулял весь день. Из школы звонят! Хоть в милицию заявляй! Что случилось? Что было вчера и сегодня?

Сережа стащил куртку, медленно повесил на крючок. Голова кружилась от голода и усталости.

— Вчера,— сказал он,— разгромили у нас отряд...

— Это я знаю. Но при чем здесь школа? Ты пропустил два дня.

— Я с утра в редакцию пошел к Алексею Борисовичу... А он умер. Сегодня хоронили,— сказал Сережа и понял, что сейчас заплачет.

Папа наклонился над ним.

— Сергей, ты это что... Это правда?

— Да... Потом я познакомился с Ларцевым. Это друг Алексея Борисовича. Я ему про отряд рассказал. А потом мы с ним поехали к Олегу. Надо было скорее. Надо же спасать «Эспаду».

Сережа сел на табуретку, и наступило молчание, которое они с отцом лишь изредка разбивали короткими вопросами и ответами: «На кладбище ездил?» «Да». «А что с Алексеем Борисовичем?» «Сердце». «Ты не знал?» «Нет».

Наконец папа сказал:

— Я понимаю. Но позвонить домой, чтобы люди с ума не сходили от беспокойства, ты, наверно, мог...

— Не догадался. В голове такой звон... Ты не ругайся, папа.

— Да я не ругаюсь. Ваша завуч ругается, звонила мне... Ужинай и ложись, ты прямо черный от усталости... Постой, позвони сначала Генке, а то он извелся из-за тебя.

Завуч Елизавета Максимовна грохнула указкой по столу.

— Пусть там, на задних партах, помолчат, пока я говорю! Иначе будем говорить подругому! Я спрашиваю не вас, а Каховского, как он посмел самовольно посреди урока уйти из класса? Как он посмел прогулять два дня? Без всякой причины!

На задних партах не хотели молчать.

— Ничего себе, без причины! — громко сказал Павлик Великанов.— У людей клуб громят, а они сиди и задачки разбирай!

— Великанов! Помолчи, будь любезен! Никто ничего не громил, к вашему сведению. Их клуб закрыли по решению руководства. И раз его закрыли, значит, надо!

— Кому надо? — спросил Сережа.— Сенцовым надо? Тетушкам разным, которые жалобы пишут? Они хотят, чтобы мы цветочки поливали, а вместо клинков чтобы вязальными спицами работали!

Елизавета Максимовна помолчала и сказала негромко, даже печально:

— Каховский, Каховский... Что с тобой случилось? Ты мог стать гордостью школы. А ты...

— А что он? — вежливо спросила Люся Колосницына.

— Что он? — доброжелательно переспросила Елизавета Максимовна.— А вы сами не знаете? Его постоянные выходки! В течение всего учебного года. История с дежурной, история с дневниками, его постоянное вмешательство в дела второго класса. Его грубость с учителями, опоздания, прогулы...

Вмешался Кузнечик. Отчетливо и громко он сказал:

— У него друг умер.

— Перестань! И будь добр не перебивать! Друг... Я понимаю. Но он сам сказал, что это случайный знакомый. Они виделись один раз в жизни.

«Ей ничего нельзя объяснить,— подумал Сережа.— Она и слушать не хочет. Она все знает заранее».

— Это не случайный знакомый,— сказал кто-то с третьего ряда.— Он про Сережку в газету писал.

Елизавета Максимовна будто даже обрадовалась:

— Вот-вот! В газету писал! Потому и друг? Лучше бы он написал о его выходках — хороший получился бы фельетон. И пользы больше бы было. Кстати, Каховскому не следует слишком часто напоминать о газете и об этом случае. Один смелый поступок не оправдывает множества других — безобразных!

— А когда я напоминал? — удивленно спросил Сережа.

Но Елизавета Максимовна его не слышала. Она продолжала:

— В этой газете к тому же не написано, как наш герой, воспользовавшись своими приемами, избил палкой товарища по школе...

— Товарища? — громко спросил Кузнечик.— Подонок он, а не товарищ!

— Медведев! — Елизавета Максимовна снова грохнула указкой.— Будь любезен запомнить: в нашей школе нет подонков! Здесь все — наши учащиеся! А Сенцов — гордость своего класса. Учится без троек, выпускает стенгазету! Пусть Гармашева подтвердит, если не верите.

Председатель совета дружины Вика Гармашева присутствовала на собрании. Ее пригласили, чтобы знала, какие дела творятся у шестиклассников. Она слегка пожала плечами, словно хотела сказать: тут и подтверждать нечего — всем известно.

— Подумаешь, «гордость»! — сказал Генка.— Трус он, к шпане подлизывается. Чтоб такой гордостью стать, надо свою гордость подальше спрятать.

Невоспитанный Мишка Маслюк шмыгнул носом и добавил:

— Если так, то у нас всяких гордостев в классе больше половины. Без троек учатся и стенгазету делают по очереди.

— Вашему классу гордиться нечем! — отрезала Елизавета Максимовна.— Разболтались, дальше некуда. Пользуетесь, что Татьяна Михайловна гриппом болеет. А тебе, Маслюк, вообще... С двойки на тройку перекатываешься... Я поражаюсь настроению, которое царит в классе. Вместо того, чтобы принципиально обсудить Каховского, вы его покрываете.

— И меня,— сказал Кузнечик.— Я вчера тоже три урока пропустил. По этой же причине.

— И тебя,— согласилась Елизавета Максимовна.— Но Каховского — прежде всего. Он инициатор... Анатолий Афанасьевич по мягкости характера прощал ему многие фокусы. Надеялся, что Каховский образумится. Напрасная была надежда. Ладно! Пока Анатолий Афанасьевич в больнице, его замещаю я. И решать буду по-своему. Легко вы не отделаетесь.

— Нам легко и не надо,— сказал Генка.— Надо, чтобы справедливо...

— Нам легко и не надо.
Надо, чтобы справедливо...

— Будет справедливо, не волнуйтесь.

— А я волнуюсь,— возразил Генка и встал.— Где же эта справедливость? Сенцов — гордость школы, а Каховский — хулиган и прогульщик! Сергей, отдай Сенцову готовальню, которую тебе милиция подарила!

— Медведев! — Голос у Елизаветы Максимовны стал металлическим.— Еще слово, и ты отправишься за дверь.

— Не отправлюсь,— просто, даже скучновато сказал Кузнечик.

Глаза у Елизаветы Максимовны стали круглыми.

— Ты соображаешь, что говоришь?

— Соображаю. Не отправлюсь! — вдруг взвинтился Генка.— Не отправлюсь, и все! — Он даже в парту вцепился, словно его хотели силой из класса вытащить.— Это мой класс! Каждый день говорят: вы хозяева в классе, вы хозяева в школе! А как слово скажешь — марш за дверь! Что за собрание, когда сказать ничего нельзя!

Елизавета Максимовна овладела собой.

— Сядь, пожалуйста. Вы все уже сказали достаточно, и собрание закончено. Каховского и Медведева прошу иметь в виду, что за третью четверть у них неудовлетворительные оценки по поведению.

— Разве это не педсовет решает?— спросил Павлик Великанов.

Елизавета Максимовна не сочла нужным откликнуться на эти слова.

— А совету дружины следует этими пионерами заняться особо,— добавила она.

Вика Гармашева встала.

— Мы их вызовем, Елизавета Максимовна. В ближайшие дни соберем совет.

...В ближайшие дни собрать совет не удалось: начались каникулы.

А тридцать первого марта вышла газета со статьей Ларцева.

Статья называлась «Удар из-за угла». Там было написано все. Крепко и беспощадно. О вмятине на макете замка, которая осталась от Данилкиной спины. О жалобах, которые строчили обиженные дамы из уличного комитета. О маме Сенцова, которая бегала по

всем учреждениям и даже нашла себе союзника в районо. И о самом союзнике — инспекторе Стихотворове. И о майоре милиции, который отнюдь не усмотрел в занятиях мальчишек-фехтовальщиков «опасные приемы».

Там были и хорошие слова — об отряде. О вечерах, когда собирались в кают-компании все, кто хотел. О звонких боях на дорожке. О маленьком д'Артаньяне — Андрюшке Гарце — и о лихих барабанщиках. И об Олеге Петровиче Московкине, который дни и ночи тратил на то, чтобы мальчишечья компания, обосновавшаяся в старом, кособоком доме, превратилась в отряд «Эспада».

А потом статья снова как бы взрывалась. Строчки раскалялись от негодования. Там были мысли, которые бились в Сереже, но для которых он не мог найти четких слов. Ларцев эти слова нашел. Они были, как удары клинка.

Статья кончалась так:

«Ребята жили радостно и открыто, они хотели только хорошего. Почему же кому-то помешала «Эспада»?»

А ржавый замок по-прежнему висел на дверях «Эспады». И на третий день после статьи, и на четвертый, и на пятый.

Сережа и Генка пришли к Олегу. Уже не первый раз.

Олег лежал. Кашлял. На кашель тихим гудением отзывалась гитара — она висела над кроватью. Та гитара, которую Кузнечик выволок однажды в кают-компании из-под дивана.

— Не садитесь близко — вирусов нахватаете. У меня, кажется, грипп,— сказал Олег.

Но ни Сережа, ни Кузнечик не боялись гриппа. Они боялись неизвестности и тоскливого ожидания. Радость после статьи уже улеглась, и теперь опять пришло беспокойство: когда откроют «Эспаду»?

— Вы же понимаете, сразу ничего не делается,— объяснил Олег.— Будут всякие комиссии, расследования, решения...

— Пусть вернут нам помещение, а потом расследуют,— сказал Сережа.

— Вот и я об этом говорил, когда собрались в редакцию. А Сыронисский заявил, что у него там столы, шкафы, краска. А машина сейчас, разумеется, на ремонте, и вывозить, сами понимаете, не на чем.

— Да мы на руках все его хозяйство утащим в домоуправление! — нетерпеливо подскочил Генка.

— Конечно,— согласился Олег.— Утащили бы, если бы Сыронисский согласился. Но он не согласится.

— Как же быть? — спросил Сережа.

— Завтра позвоню еще раз Ларцеву.

За окнами темнело. Олег приподнялся, дотянулся до выключателя. Зажглась у потолка неяркая лампа в пластмассовом плафоне.

Комната была небольшая. Стол, кровать, четыре совершенно разных стула. Два книжных шкафа стоят рядом. Книги не только внутри, на полках, но и сверху, на шкафах. Лежат покосившейся грудой, могут посыпаться. Скрещенные рапиры и шпага висят на стене у двери. На сизых обоях — рисунки братьев Ворониных и фотографии: двое незнакомых мальчишек с клинками, один маленький и лопоухий, другой — высокий и смуглый. Наверное, Ромка и Федя. Еще незнакомые ребята в костюмах и масках зверей — видимо, театр в интернате. И веселая компания барабанщиков с Данилкой на правом фланге.

Олег тоже посмотрел на фотографию.

— Соскучился я по этой барабанной команде...

— Я Данилке позвоню, они сразу прискачут, все вместе,— предложил Сережа.— Они просто стесняются появляться, пока не позвали.

Олег усмехнулся:

— Эти-то пираты стесняются?

— Да брось ты!— сказал Сережа.— Сам знаешь. Они только в отряде на головах ходят, а вообще они вполне спокойный народ... Ты скажи Данилке «Осенняя сказка», и он опять будет весь день хмуриться и мурлыкать.

Олег подумал.

— Не надо их сюда — наглотаются микробов, опять слягут. Коська Сапожков и Рафик только-только от гриппа избавились. Может, скоро все наладится, и тогда все опять: «Барабанщики, марш!..»

— Ты прямо стихами говоришь,— сказал Генка.

— А это и есть стихи. Только ужасно нескладные. Когда в интернате работал, занимался рифмотворчеством. О вожатской жизни писал.

— Почитай, а? — жалобно сказал Кузнечик.

— Да вы что, люди! А я вам кто? Евгений Евтушенко?

— Почитай! — уже строго сказал Генка.

Олег вздохнул.

— Вон там, на шкафу, коричневая тетрадка торчит среди книжек. Достань.

Генка вскочил на стул и вытянул тетрадь. Книги, конечно, посыпались на пол.

— Ладно, оставь,— сказал Олег.— Потом соберем. Давай сюда.

Он, лежа на спине, открыл тетрадь, полистал, хмыкнул и мотнул головой. Потом сразу стал серьезным и сказал:

— Вот эти строчки.

День летит сквозь часы, как живой метеор,
И сгорает в сигнале «отбой».
Мне опять не закончить с тобой разговор
И не встретиться нынче с тобой.
Ночь пришла. Я взбегаю на третий этаж
Посмотреть: все ли спят в тишине?
...А потом все опять:
«Барабанщики, марш!» —
Новый день разгорелся в окне.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Тимофей БЕЛОЗЕРОВ

Утро в затоне

Верхушки мачт окрасила заря...
Заговорили палубы и трапы,
Из темных волн выходят якоря,
В сырые клюзы втягивая лапы.
Поют гудки, грохочут рупора,
Мелькают лица, влажные от пота,
Все говорит:— Пора, мой друг, пора!—
Встает заря, да здравствует работа!

Мои соседи лодку конопатят...

Зазеленела старая ветла,
Седой Иртыш крутые волны катит...
Забросив все домашние дела,
Мои соседи лодку конопатят.
Уже в пазы последний мох забит,
Сверкает лодка, пóлитая варом,
И празднично, как колокол, гудит
На весь Иртыш от легкого удара!

Прощай, июнь!

Шумят леса:— Прощай, июнь!
Луга заставлены стогами...
Над синим озером кругами
С утра летает старый лунь.
Прощайте, гнезда!.. На крыло
Встают горластые гагары,
Шумят грачиные базары,
И на душе — светлым-светло!

Лось

Когда весной в поток журчащий
Сольются талые снега,
Могучий лось в лесные чащи
Уходит сбрасывать рога.
И, словно воин безоружный,
Домой шагающий с войны,
Он верит в мир большой и дружный,
Объятый радостью весны.

Мы были на БАМе!

В. АРСИРИЙ

Сто шестнадцатую школу хорошо знают в Одессе. Она победительница Всесоюзного похода по местам боевой и трудовой славы.

Летом прошлого года двести пятьдесят ребят из этой школы работали в совхозе «Правда», Тарутинского района. Когда кончилась трудовая четверть, на торжественной линейке были названы двенадцать лучших школьников, которые получили в награду поездку на строительство Байкало-Амурской магистрали.

Ребятам предстоял путь в семь тысяч километров — это сто двадцать шесть часов езды! Расположившись в вагоне, ребята сразу же занялись делом. Семь часов сна, зарядка, завтрак и поиск людей, едущих этим же поездом на строительство БАМа. Они записывали их рассказы — так появились первые страницы дневника этой трудовой экспедиции.

Комиссар Наташа Кудряшова скомплектовала библиотечку для строителей БАМа. И во время коротких остановок она старательно пишет на титульных листах книг: «Одесская 116 — первостроителям».

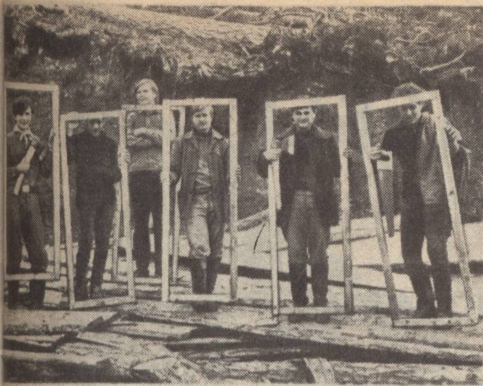
В Усть-Куте железная дорога кончилась. Ребята пересели на вертолет, и он доставил их в Звездный. Здесь они встретились со своими земляками Виктором Молотяком и Сергеем Головченко. И вместе с комсомольцами начали работать на строительстве школы-десятилетки.

Однажды вечером в клубе Звездного собрались бамовцы. Ребята вручили строителям собранные ими книги и табличку, на которой было написано: «Дерибасовская, 2».

Лесоруб.

Фотографии автора и Игоря СЕЛИВАНОВА.

Наша готовая продукция.

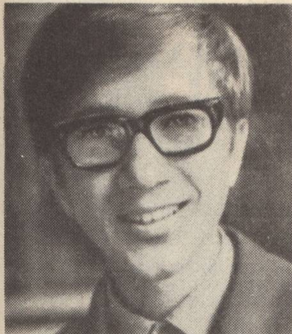
По «тротуару» в Звездном.

Мы строим школу.

Парторг Звездного А. С. Бусаров сказал, что эта первая настоящая городская табличка — залог того, что здесь, в тайге, построят города с такими же прекрасными улицами, как Дерибасовская.
Табличку прикрепили к сосне около палатки, в которой жили комсомольцы из Одессы.

Вот что рассказали о своей поездке ребята, когда вернулись домой

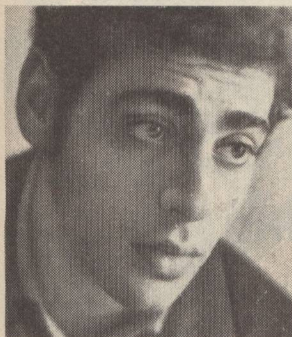

ИГОРЬ СЕЛИВАНОВ.

Мне больше всего понравилось то, что строители БАМа всегда готовы прийти на помощь друг другу.

Мы своими глазами увидели, что такое Сибирь. И когда я смотрел на Звездный с вертолета, так захотелось, чтобы скорее в этом краю выросли новые города и чтобы побольше ребят открыли для себя Сибирь.

Игорь Селиванов — фотокорреспондент.

ИГОРЬ КУРЛЯНД.

Я много читал о Байкало-Амурской магистрали. А теперь я самый счастливый человек на свете: видел ее собственными глазами.

Но такого грандиозного размаха и представить себе не мог. Меня поразили масштабы строительства. Представляете: шагу нельзя сделать, чтобы не упереться в дерево. И вот в этих диких джунглях пролегла просека шириной в пятьдесят метров. Люди, работающие здесь,— ровесники Павки Корчагина, и, как Павка, они своими руками приближают будущее чудесного, богатейшего края — Сибири.

Игорь Курлянд — комбриг.

НАТАША КУДРЯШОВА.

Меня поразил размах стройки. Там, где сейчас непроходимая тайга, завтра вырастут новые города. Это кажется чудом!

В Звездном собрались молодые ребята ненамного старше нас. Но как они работают!

Их заедают комары, мошка, и погода не балует: сегодня жара невыносимая, а назавтра такой дождь, что кажется, будто небо падает на землю. Мы все это сами испытали. И вот в таких тяжелых условиях комсомольцы работают самоотверженно. И еще у них хватает сил на спортивные соревнования и на танцы в клубе.

Мы увидели, что такое трудовой подвиг!

Наташа Кудряшова — комиссар бригады.

В ЭТОМ НОМЕРЕ МЫ РАССКАЖЕМ О ДЕВОЧКАХ, СРАЖАВШИХСЯ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

В. КАРАВАЕВ

ТРИ СУДЬБЫ

ДОКУМЕНТЫ ВОЙНЫ

Клара Солоненко

Пятнадцатилетняя Клара Солоненко ушла на фронт из далекого тылового города Кизляра в Дагестане, где она жила.

Девочка она была рослая, ей удалось выдать себя за семнадцатилетнюю, и ее зачислили в воинскую часть.

Вот строки из писем, которые писала Клара родным с фронта:

«...Работаю пока телефонисткой. Обещают направить санинструктором. Вот тогда я буду счастлива!»

«...Наконец-то я в разведке. Как я рада этому!»

«...Приехала в свою дивизию. Можете поздравить меня, получила орден Славы III степени... Пусть мне пишут ребята из нашей школы. И пусть знают, честь нашей школы я не опозорю».

Клара бережно хранила фотографию улицы, на которой она жила. На обратной стороне фотографии она написала: «Мой городишко! Я возвращусь к тебе!»

Но Клара не дожила до победы. Она погибла в Польше.

Теперь улица, на которой жила смелая девочка, названа улицей Клары Солоненко.

Нина Исакова

Нине исполнилось тринадцать лет, когда началась война.

Она была связной в партизанском отряде «Смерть фашизму!», который проводил диверсии на железных дорогах, взрывал мосты и вражеские эшелоны.

Однажды командир отряда позвал к себе Нину и сказал:

— Бери гитару и иди к раненым, им нужна песня, как хлеб.

Он знал, как хорошо поет Нина...

Из партизанского отряда Нина попала в Московскую консерваторию.

Теперь Нина Исакова народная артистка РСФСР, и, наверно, многие из вас, ребята, слышали, как она поет.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Тов. Солодухина Л. Г. в ожесточенных боях Великой Отечественной войны с немецкими захватчиками проявил бесстрашие, воинскую доблесть и мужество. За отличные боевые действия, способствовавшие разгрому фашистской Германии и полному торжеству нашего правого дела, товарищу Солодухиной Верховным Главнокомандующим Маршалом Советского Союза товарищем Сталиным объявлено девять благодарностей.

Командир воинской части № 67745

М. П.

Люда Солодухина

От Невской Дубровки, от знаменитых Синявских болот под Ленинградом, где насмерть стояла героическая 86-я стрелковая дивизия, почти до Берлина прошла за четыре года войны воспитанница 14-го отделения медико-санитарного батальона Люда Солодухина.

Когда Люде выдали красноармейскую книжку, ей было всего пятнадцать лет.

Тысячам раненых бойцов оказала помощь эта мужественная девочка. Ей приходилось сутками дежурить в медсанбате, помогать хирургам при операциях.

Люда была награждена несколькими правительственными наградами. Она получила девять благодарностей от Верховного Главнокомандующего.

Сейчас Людмила Георгиевна Копнина (Солодухина) — инженер, она живет в Ленинграде.

Красноармейскую книжку иметь всегда при себе. Не имеющих книжек — задерживать.

1. Фамилия Солодухина
2. Имя и отчество Людмила Георгиевна
3. Звание и должность
4. Наименование части (учреждения) 14 медсанбат 86 сд
5. Наименование подразделения (батальон, рота)
6. № личного знака

Личная подпись владельца книжки

Командир роты

27 . 01 . 1943 г.

(Место печати части)

I. Общие сведения

1. Номер военно-учетной специальности
2. Грамотность и общее образование (если окончил техникум, рабфак или ВУЗ, то указать его название)
3. Национальность русская
4. Год рождения 1928
5. Год призыва (указать также — нормальный или досрочный призыв)
6. Каким военкоматом призван
7. Специальность до призыва

2

«ПИОНЕР» ПОЛУЧАЕТ ДОНЕСЕНИЯ

Ответственная задача

В доме нашей старенькой бабушки в небольшой красной коробочке бережно хранятся пять орденов и пять медалей, которыми был награжден наш дедушка — летчик-бомбардировщик подполковник Александр Тарасович Цибульский.

Орден очень похож на ромашку с золотыми и красными лепестками. Называется он орденом Отечественной войны I степени.

В сорок третьем году фашисты сильно укрепили станцию Орша зенитными пушками и пулеметами. На путях стояли эшелоны с фашистскими танками, орудиями, горючим. Прорваться туда сквозь заградительный огонь было очень трудно, и эту ответственную задачу поручили комиссару полка — моему дедушке.

Рано утром девять наших бомбардировщиков взяли курс на Оршу. Гитлеровцы встретили их ураганным огнем. Но самолеты, умело маневрируя и маскируясь в лучах восходящего солнца, прорвались все же к железнодорожной станции и обрушили на вражеские эшелоны полный груз бомб. Все вокруг станции покрылось дымом пожара. Горели составы с горючим и боеприпасами. Был очень тяжелый бой в воздухе, но все самолеты, ведомые дедушкой, вернулись на базу. За это и получил он свой орден.

Сейчас, когда весь наш народ празднует 30-летие Победы над фашистской Германией, мы особенно внимательно рассматриваем боевые награды нашего дедушки, который мужественно сражался за наше счастливое детство.

Ира и Лена Цибульские.
г. Красноярск.

Рисунки Ю. ФОМЕНКО.

Фашисты рвались к Москве

Я родился и вырос в Таджикистане и никогда не был в Тульской области. Но мне кажется, я хорошо знаю ту деревню, лес, школу на высоком пригорке, ветлу перед окнами.

Шел ноябрь 1941 года. Фашисты рвались к Москве, были близко от Тулы, подошли к деревне Теребуги. Рядом с домом моего прадеда фашисты сделали штаб. Через несколько дней жители села услышали выстрелы. В сени нашего дома вбежал незнакомый человек. Бабушка, а ей было тогда двадцать шесть лет, на мгновение растерялась. В доме много гитлеровских солдат, четверо маленьких детишек да трое стариков. Человек сказал: «Слышали выстрел? Это фашисты расстреляли моего товарища...» Бабушка прошептала: «Залезайте на чердак и ждите». Через два часа бабушка вывела этого человека в сени. Он уже переобулся в дедушкины валенки, надел его одежду, положил за пазуху краюху хлеба.

Бабушка предупредила его, когда шли по дороге к лесу: фашисты разогнали скотину, и они идут собирать овец. На краю деревни стоял часовой. Знаками бабушка объяснила, что овец ищут, и они спустились в овраг. Этот овраг вел к лесу, а там — партизаны. Бабушка так волновалась, что не спросила даже, как зовут того человека, офицера Красной Армии...

С тех пор прошло больше тридцати лет. Всю свою жизнь бабушка учительствовала. Ее наградили орденом «Знак Почета» и медалью «За трудовое отличие». Сейчас она живет со мной в Душанбе и рассказывает мне о войне. О мужестве простых советских людей.

Мухтор Кабилов,
г. Душанбе.

План перевыполнили

Мой папа во время войны не воевал, он был маленьким. Папа работал в колхозе, в селе Пойволо. Папа говорит, что особенно трудно было зимой сорок второго и сорок третьего. Мужчин в колхозе не осталось — все ушли на фронт. Всю работу выполняли женщины и подростки. Пахали на людях: всех лошадей отдали для армии.

Папе было двенадцать с половиной лет, когда он получил извещение о гибели отца. Он обещал перевыполнять свой план. И перевыполнял его.

Потом пришла Победа. Сколько было радости! Но двадцать человек не вернулись в село с войны...

За свою работу в колхозе папа получил медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Я горжусь своим отцом и хочу быть достойным его сыном!

Вячеслав Шараватов,
г. Сколе, Львовская обл.

На фронт ушла добровольцем

Моя мама на фронт ушла добровольцем. Зачислили ее медсестрой в 471-й зенитный дивизион 2-го Украинского фронта. До войны мама училась в медицинском училище.

Мама многое рассказала мне о войне, но я напишу только о том бое, за который она получила орден Красной Звезды. Было это зимой сорок четвертого года. На узловой станции Дарница ночью была объявлена воздушная тревога. Появились фашистские самолеты, сбросили светящиеся бомбы. Завязался бой в воздухе и на земле. Бой был тяжелый. Мама выносила раненых с поля боя и несла их к машинам. Сама оказывала первую помощь: накладывала жгуты и повязки. И спасла многих...

Зовут мою маму Вера Федоровна Лейченко, и я очень горжусь ею.

Тамара Лейченко,
г. Краснотурьинск,
Свердловская обл.

Мой сосед товарищ Викторин

Я вам посылаю рассказ об ордене нашего соседа, товарища Викторина. Товарищ Викторин получил много наград — он участвовал в Словацком национальном восстании.

Он рассказывал мне, что еще до восстания они передавали партизанским отрядам оружие и продукты, которые доставала для партизан всей Словакии жилинская нелегальная партийная организация. Оружие привозили из Нового Города над Вагом, продукты — с венгерской границы. Однажды, когда ехали за продуктами, остановились в Мартине. Там повсюду висели красные советские и чехословацкие флаги. Стало ясно, что вот-вот начнется восстание. Товарищ Мартин и его друзья очень обрадовались — они давно уже боролись против фашизма.

Партизанский отряд Деланноувиенна, в котором состоял товарищ Викторин, действовал между Стречно и Жилина. Однажды получили задание: уничтожить отряд фашистов, который обосновался в соседнем лесу. Партизаны окружили фашистов и выполнили задание. Завладели двумя грузовиками и легковой машиной. Правда, легковую машину не удалось завести, и пришлось ее уничтожить...

Еще товарищ Викторин вспоминал, как они совершали разные диверсии на железной дороге. Один раз увидели перед тоннелем отряд фашистов. Они спускались по крутому склону насыпи на железнодорожное полотно. Возглавлял группу молодой офицер. Партизаны залегли за деревьями и, когда гитлеровцы подошли близко, начали стрелять из винтовок, пулеметов и

автоматов. Фашисты растерялись, они не могли сначала понять, откуда стреляют. Завязался бой, в котором было убито и ранено много врагов.

Сражался товарищ Викторин в составе 1-й партизанской бригады имени Штефаника, а командиром был майор Черногоров. С тех пор прошло больше тридцати лет, но товарищ Викторин хорошо помнит каждый бой, каждую вылазку партизан, всех своих друзей по оружию.

Люба Неурочна,
г. Братислава, ЧССР.

Вместе с югославскими партизанами

С первых дней войны мой дедушка Николай Герасимович Фостин был на фронте. В одном из боев в Эстонии он был ранен, контужен, потерял сознание, и фашисты угнали его в концентрационный лагерь. Вместе с товарищами дедушка бежал из лагеря и ушел к югославским партизанам. Два с половиной года делил он с ними голод, и холод, и все ужасы войны. Дедушка был еще два раза ранен, но выжил и в конце 1945 года вернулся домой. А в 1967 году дедушку вызвали в Советский Комитет ветеранов войны. Герой Советского Союза А. П. Маресьев собрал там всех дедушкиных товарищей, сражавшихся в партизанских отрядах Югославии, и они все поехали в Югославское посольство. Там дедушке вручили югославский орден Братства и Единства. Так рядом с другими дедушкиными наградами появился в нашем доме югославский орден.

Сейчас дедушка на пенсии. Он очень часто выступает в школах, пионерских лагерях и рассказывает о Красной Армии и югославских партизанах.

Олег Фостин,
г. Дзержинск, Донецкая обл.

Десант

А я хочу вам рассказать о человеке, которого мы считаем своим близким другом. Его имя носит наш отряд, это защитник нашего Заполярья — Георгий Дмитриевич Курбатов.

Во время войны Георгий Дмитриевич Курбатов служил на торпедном катере. Я расскажу только об одном его подвиге.

Катер офицера Успенского, на котором группой мотористов командовал старшина 1-й статьи Георгий Курбатов, прорвался сквозь зону заградительного огня, подошел к причалу. Курбатов первым выскочил на пирс, чтобы закрепить швартовые концы и дать возможность десантникам сойти на берег. Но на обледеневшем пирсе не оказалось ни одного устройства, за которое можно было закрепить трос. Тогда Георгий уперся ногой в бревно и, обмотав конец троса вокруг ноги, удерживал катер у пирса до тех пор, пока последний десантник не выскочил на берег. На обратном пути катер получил несколько пробоин, потерял кронштейн с рулем, погнул средний вал, побил винты. Старшина Курбатов по приказу командира удерживал с помощью моторов катер на заданном курсе.

Катер с трудом двигался по заливу, вода в котором вскипала от разрывов тяжелых снарядов. Курбатов маневрировал и уклонялся от смертельных трасс, действуя только моторами.

Один из снарядов разорвался в рубке. Курбатова подхватило воздушной волной и отбросило в сторону. Пальцы левой руки у него были раздроблены. Но катер должен был продвигаться вперед, иначе ему грозила неминуемая гибель. Высокое мастерство старшины Курбатова спасло корабль. Курбатову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Почти каждый год к нам в поселок приезжают ветераны войны, защищавшие от врагов нашу землю, наше Заполярье. Вместе с ними приезжает и Георгий Дмитриевич. На сборе, посвященном 30-летию освобождения Заполярья, наш почетный пионер Георгий Димитриевич Курбатов вручил первым в нашем классе комсомольцам комсомольские билеты. Для нас это большая честь.

Лена Полоротова,
пос. Гранитный, Мурманская обл.

ПО ЗАДАНИЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР

По вашему заданию мы встретились с партизанкой Евгенией Трофимовной Дученко — она имеет медаль «Партизану Отечественной войны». Мы записали ее рассказ и посылаем вам.

Нужно было уметь все

Мне было 14 лет, когда началась война. Помню тот день, митинг на колхозном дворе, взволнованные лица, слезы. Жила я тогда в селе Чаповичи, Житомирской области. Фашисты пришли в наше село, заняли наши дома. В сорок втором году собрали молодежь и хотели угнать в Германию. Но партизаны под командованием Виктора Александровича Карасева освободили нас: отцепили вагон, в котором мы ехали, и увели в Брянские леса.

Партизанское житье трудное. Однажды фашисты прочесывали лес и с самолетов зажгли его. Пожар охватил огромную площадь леса. Это было ужасно, много людей погибло. Я приняла присягу и стала отрядной медсестрой. Отряд наш имел связь с Москвой, и скоро к нам прислали врача. Я помогала ему при операциях, ухаживала за ранеными. Но в отряде нужно было уметь делать все. Помню такой случай.

Партизаны отбили у фашистов скот, который тоже хотели угнать в Германию. Коров загнали в лес, но долго не доили. Коровы громко ревели, и это становилось опасным. Фашисты могли обнаружить место партизанской стоянки. Нужно было срочно их выдоить. Я доила коров всю ночь... Нужно было печь хлеб — я становилась пекарем. Когда партизанский отряд соединился с Действующей армией, меня отправили учиться в техникум. Сейчас я работаю в Киеве на заводе.

Рассказ Евгении Трофимовны Дученко записали пионеры отряда имени Вали Котика из Ирпенской санаторно-лесной школы, Киевской области.

КОРАБЛИК ● ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ ● ПЕЧАТАЕТ ТОЛЬКО ТЕБЯ

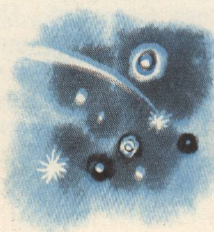
Ладе СМИРНОВОЙ 8 лет. Она учится во втором классе Ленинградской школы-интерната № 4. Там со второго класса изучают язык хинди, а с пятого еще и английский. Лада занимается в кружке хореографии и в кружке лепки. Ее прошлогодняя работа по керамике «Осьминог» выставлялась в Русском музее на городской выставке детского творчества и была отобрана на всесоюзную выставку в Москве. Стихи Лада пишет с пяти лет.

Земля

Земля моя!
Ты терпишь все дома,
Ты носишь ведь весь
мир.
Ты круглая, Земля.
Ты шар земной,
Как я тебя люблю,
Ласковый ты мой.

Туман

Ползет туман тихонько.
Вот он до обрыва дополз.
Как тихо, легонько ползет он по скалам,
Плывет по реке...
Откуда он родом,
И кто он такой?
О, дальний туман,
Ты — сильный туман.

Луна

Как прекрасно луна
В черном небе сияет.
Золотиста луна,
Серебриста луна.
Как красива луна,
Рядом звезды мерцают...

Оле КАРЯКИНОЙ 12 лет. Она живет в Челябинске. Оля прислала в «Кораблик» стихи про своего младшего брата, с которым она очень дружит. Вот одно из ее стихотворений.

Про братишку

Есть братишка у меня,
Но не видел он коня.
Раз увидел он огонь
И сказал: «Вот это конь!»

Эти «зеленые стихи» сочинила Марина РЫХЛОВА, москвичка тринадцати лет.

Зеленая ночь

Зеленый сад. Зеленый дом.
Зеленые глаза.
Зеленый месяц над прудом,
Зеленая звезда.

Встает зеленый шумный
день,
И в роще над листком
Зеленой ночи злая тень
Танцует босиком.

Различные события толкают людей на тропу поэзии. «Я заскучал на контрольной, потому что не мог решить задачу, потом разозлился и написал стихи о том, как сижу и не могу решить задачу. Стихов, однако, с тех пор написал я не очень много, так как пишу их по вечерам, а иногда так хочется спать, что засыпаю, не написав ни строчки».

Володя ПРИВАЛОВ, г. Иркутск.

Володя прислал несколько своих стихотворений, они все нам понравились, одно мы печатаем.

Осень

От дождя мокры березы,
Ясень бледен, вял.
Пролила калина слезы.
Клен затосковал.

Пригорюнились осины.
Заскучала ель.
Приутих и дом осиный.
Дремлет старый хмель.

Захирел укроп на грядке.
Сыро комарам.
Уж не делают зарядки
Куры по утрам.

А петух, простыв, бедняга
Горестно хрипит.
В конуре своей дворняга
Беспокойно спит.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Петр БАГИН

Рисунки автора.

Путешествие за Полярный круг

Мне давно хотелось побывать на севере. Но велик север, и куда поехать, я пока не знал.

Как-то встретил приятеля, бывалого человека. Заговорили о поездке.

— Поезжай-ка ты на остров Врангеля!

— Почему на остров Врангеля?

— Ну как же! Представь себе остров во льдах, а на оттаявших сопках цветут желтые маки, летают бабочки. И все это за Полярным кругом. Весной потянет туда всякая птица. Тронется лед — появятся моржи...

— И олени там есть?

— И олени. И песцы и белые медведи...

— А как туда добираться?

— Самолетом до мыса Шмидта, а там до острова — рукой подать.

Амадина

Лечу на Ил-18.

Стекло покрывается инеем.

Светящийся круг пропеллера, а внизу синяя земля с лентами рек и паутинками дорог.

Где мы сейчас?

Пахнет апельсинами — самолет везет апельсины и нас, пассажиров, человек десять.

Рядом сидит толстая тетенька, держит клетку. Клетка накрыта клетчатым платком.

— Кого везете? — спрашиваю.

— Амадину, — охотно отвечает она и снимает платок с клетки.

Крохотная серая птичка с коричневыми щеками и крепким красным клювом. На груди и хвосте — темные полоски. А голос скрипучий, похожий на писк резиновых игрушек.

Высота и гул моторов ей нипочем!

Амадина смотрит на меня, вытягивает шею, решив, что я не очень опасен, она продолжает клевать просо.

Захватит зернышко, покрутит его в клюве, и — «щелк» — летят очистки в разные стороны. Щелк да щелк, а сама все поглядывает на меня одним глазом. На всякий случай.

Так вот, поглядывая друг на друга, мы летим дальше.

Летим, летим... И наконец Чукотка! Через четырнадцать часов!

В тундру

Аэропорт. На улице мороз и ветер. Я, подхватив рюкзак, бегу в зал ожидания. Здесь тепло и полно народу. Летят кто куда!

— На материк? — спрашивает один.

— Да. В отпуск! — отвечает другой и спешит на посадку. В руке коричневый чемодан. На чемодане нарисовано северное сияние, белый медведь и написано: «Привет с Арктики».

Схлынула людская волна...

«Что за «материк»?» — думаю я.

Оказывается, на Чукотку можно добраться только самолетом. Прилетел на Чукотку — прилетел с «материка». Улетел с Чукотки — улетел на «материк».

Я с «материка», и мне еще дальше — на остров Врангеля, но самолет туда улетел, а следующий — через неделю.

Как же быть?

И тут я узнаю, что завтра к оленеводам в тундру летит самолет. И, чтобы не ждать неделю, я решил лететь к оленеводам.

Летим в глубь Чукотки. На самом горизонте белеют горные хребты, а под нами пестрые сопки.

Мелькнет вдруг желтая наледь. Речка! По берегам кустарник, следы вездехода. Оленья

упряжка! На белом снегу хорошо видны бегущие олени, нарты и человек.

И снова летим час, другой.

— Яранги! — кричит кто-то.

— Смотри, яранги!

Я вижу едва заметные пятнышки среди сопок, фигурки людей, стадо оленей.

Тень самолета на мгновение накрывает их.

Скользят лыжи по насту. Самолет останавливается у стойбища.

Стойбище

Снег искрится, сияет до боли в глазах. На склоне пять конусообразных яранг. Струится дымок. Около яранг стоят нарты, бегают собаки, выглядывают детишки в меховой одежде.

К нам подходят чукчи. Лица загорелые до черноты. Мужчины в кухлянках, меховых штанах и коротких торбазах. Кухлянка подпоясана ремнем. На ремне нож в самодельных ножнах, мешочек с патронами. Женщины в меховых

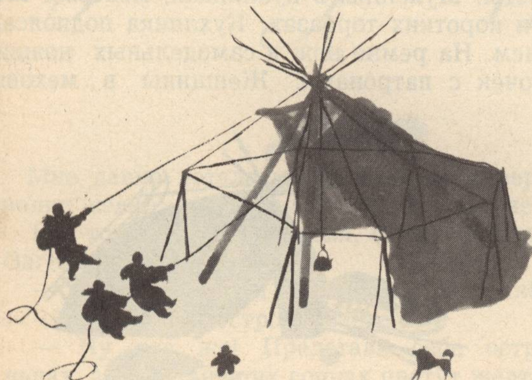
шубах-керкерах с длинными широкими рукавами и пушистым воротником.

Подбежали собаки, подошли дети.

Приветствия. Приехавших со мной все знают. Разговаривают по-русски и по-чукотски. Но какой разговор без чая? Идем в ярангу пить чай.

Чай

В чоттагине — холодной части яранги — горит костер. На длинном ремне с железным крюком на конце висит котел. Варится мясо. Над котлом поднимается легкий парок.

Запахи и синеватый дым окутывают нас.

Очаг обложен камнями. Около очага прокопченный зеленый чайник, разнокалиберные кружки, сахар, пачка чая.

Сразу же за очагом, в глубине яранги, полог — место, где спят. Край полога откинут, и оттуда выглядывает ребячье лицо: «Что за люди приехали?»

Садимся на шкуры вокруг костра. Говорят по-чукотски. Выкладываются последние новости. Я сижу, помалкиваю и понемногу осматриваюсь.

Хозяйка тем временем приносит большой кусок мороженой оленины и строгает острым ножом.

Строганина! Белесо-розовые завитушки падают в деревянное корытце. Корытце придвигают на середину.

Рядом со мной старик чукча. Кивает головой на строганину: «Ешь, мол!»

«Хороший человек», — думаю.

Ем. Мясо под пальцами оттаивает, алеет. Довольно приятно на вкус, особенно с солью. Кусок за куском. Потом откуда-то появляется миска с тягучей жидкостью — нерповый жир! Макаю кусочек мяса в нерповый жир, но больше одного куска осилить не могу.

Строганина кончилась, и хозяйка угощает нас мороженой рыбой.

После холодных закусок поспело вареное мясо по-чукотски — с красноватой серединой, ароматное и сочное.

А старик опять кивает головой.

«Ешь, мол!»

«До чего же хороший человек!»

Но я давно уже сыт!

Тут я замечаю, что разговор стих и все смотрят на меня, а мой сосед Толя говорит по-чукотски:

— ...Москва... рисоватик...

Оказывается, Толя объяснил, что я из далекого теплого края и приехал сюда посмотреть, ка. они живут, порисовать.

Старики кивали головой.

— Москва... рисоватик... месенке...

— Месенке, — повторяю я. А что значит... месенке?

— Месенке — хорошо.

Потом мы пили густой, пахучий чай.

Ловля оленей

Чем ловят оленей? Арканом. Это я знал. А вот как ловят, увидел впервые.

На нартах съезжаем с сопки и в низине ждем, когда подгонят стадо. Олени серым пятном растекаются по распадку. Чукчи, крича и посвистывая, собирают их. Кружатся встревоженные олени. Часть их потихоньку отделяют и прогоняют между двумя пастухами с арканами — чаутами.

Мчатся олени. Глухой топот и треск копыт.

Короткий, резкий бросок! Чаут падает в гущу оленьих спин.

Промчалось стадо, а на истоптанном снегу прыгает олень. Петля захлестнула рога, и чаут теперь как струна.

Прыжок! Еще прыжок! Летят комья снега из-под копыт. Пастух перебирает руками чаут, приближается к оленю и хватает его за рога. Пойманного оленя отводят в сторону и привязывают.

И вновь прогоняют стадо. Бросок! Чаут падает чуть впереди оленя.

«Эх, промахнулся!» — подумал я.

И вдруг вижу, что олень скачет на трех ногах. Петля затянулась на задней ноге. Ловко!

Олени проносятся то слева, то справа. Свистят чауты, покрикивают пастухи. Пастухи сбросили верхние кухлянки. Пот заливает их лица. Наконец пойман последний олень. Их разводят и запрягают в нарты.

Разобраны поводья, в руках березовые хлысты с костяшкой на конце.

Хей! — и полетели упряжки, поднимая снежную пыль.

Ягель

Солнце согнало снег и обнажило камни. «Черные, мертвые камни», — думаю я и кладу один камешек на ладонь.

Но он вовсе не черный! Камень в темных пятнах и зарослях седого ягеля, похожего на сказочный лес. Но лес этот маленький и растет медленно.

Ягель — любимая еда оленя. Зимой ягель под снегом. Олень пробивает копытом твердый наст и раскапывает яму.

Туп! Туп! — бьет копыто. Смотришь потом, а из ямы спина да задние ноги видны.

Камешек с ягелем я увез в Москву, и теперь он на моем столе. Ягель высох и пахнет сушеными грибами.

Олeнята

По склону плывет оленье стадо. Это важенки с телятами. Апрель — месяц рождения. Появляются на свет оленята, пестрые, коричневые и совсем темные.

Мне хочется поближе их рассмотреть, и я подхожу к стаду. Тут замечаю совсем белого олененка — он только что родился. Стоит на ножках-растопырках, покачивается. Потом шажок, другой — и ко мне.

«Вот дурашка! Куда ты бежишь?» — Я машу руками, кричу и даже рычу, как страшный зверь.

Олененок останавливается и с удивлением смотрит на меня.

«Нет! Совсем это не олень», — наверно, думает он и пятится назад.

«Хорк! Хорк!» — зовет мать, и белый пушистый комок ковыляет к ней.

Мне говорили, что родившихся оленят нельзя трогать руками, — запах человека отпугивает важенку, и она бросает олененка.

Вечер

Красный диск заходящего солнца медленно опускается за горную гряду. Вот оно скрылось, из-за горизонта поднялся тонкий зеленый луч. Посветил и погас.

Я еще долго жду чего-то. Зеленое небо выцветает, сливается со снегом.

Наступают сумерки.

Стало холодно, пора было возвращаться к ярангам.

Коля

Я сижу на нарте и рисую. Около яранги мальчишка лет пяти бросает аркан — чаут на кучу сухих веток.

Р-раз! И петля затягивается вокруг сучка. При каждом удачном броске подхваливаю его, цокаю языком: дескать, молодец!

Мальчишка улыбается и подходит ко мне. На чистом листе я рисую ярангу, над ней дымок.

— Яранга! — говорит он.

Рисую оленя с рогами.

— Коран! — слышу я.

Тогда рисую его самого, в кухлянке, подпоясанной ремнем, в меховых штанах и коротких торбазах.

— Коля! — изумленно шепчет мальчишка.

Так мы и познакомились.

Тени

В яранге горит костер, едва освещая лицо чукчанки. Она насыпает заварку в фарфоровый чайник, заливает кипятком и ставит его рядом с костром.

Дрожат языки пламени. Колеблются тени, напоминая танец неведомых существ, залетевших в эту морозную ночь на огонек, и оживают образы чукотских сказок: ударила маленькая птичка в травяной бубен, и полетела яранга над цветущей тундрой, над озером. А на озере черный лебедь. Подлетел черный лебедь к яранге, ударился о камень и стал старичком, подошел он...

Шаги! Мне показалось, что около меня кто-то тихо прошел. Я смотрю в темноту.

Кто это? Не старичок же?

Хозяйка поворошила угли, вспыхнул огонь и выхватил из темноты собачью голову и горящие глаза. Собака подошла к костру, улеглась, положив голову на лапы, и закрыла глаза.

Полог

На улице мороз и ветер. Я, сняв валенки и полушубок, забираюсь в полог. Он довольно мал. Стою на коленях, а голова упирается в потолок.

Полог похож на меховой ящик. Снизу шкуры, сверху шкуры — со всех сторон шкуры.

У стенки напротив входа горят три свечи. Они освещают и согревают полог.

Вскоре приходит хозяин яранги, довольно крепкий старик. Он неторопливо снимает торбаза и чижи — меховые носки, выворачивает их, вешает сушиться.

Хозяйка вносит вареное мясо. Пар клубами поднимается и заполняет полог. Стало совсем жарко. Старик сбрасывает кухлянку и сидит теперь обнаженный по пояс. Резко выделяются загорелые руки и лицо.

Едим мясо, пьем чай. Потом мы укладываемся спать.

Слышно, как хлопает ретэм * под ветром да поскрипывает снег под копытами оленей.

Свечи горят всю ночь.

Торбаза

Сапоги я забыл в поселке, а валенки мои насквозь промокли.

Где же их сушить? У костра их не высушишь.

Однажды проснулся я, выглянул из полога, а рядом с моими валенками торбаза! Совсем новые, с твердой лахтачьей ** подметкой.

Какие хорошие торбаза! Чьи же это?

— Твои, — говорит хозяйка, раздергивая оленьи жилы на нитки.

— Спасибо! — говорю я.

Хозяйка кивает головой, не отрываясь от дела.

Ночь

Я выхожу из яранги. Звезды рассыпались по всему небу. Месяц округлился. Ярко светит Полярная звезда, или Кол-звезда, — так называют ее чукчи.

По снегу бредут олени. Они бьют копытами снег, забираются в снежные лунки, ищут ягель.

Вот белый олень. На снегу он совсем незаметен. Видны лишь рога и темный глаз. Плывут рога, плывет большой олений глаз.

Позвякивает колокольчик, сухо пощелкивают копыта.

* Ретэм — покрытие яранги, сшитое из шкур оленей.

** Лахтак — самый крупный тюлень северных морей.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Л. СИМОНОВ

Родилась еще одна новая пионерская организация — ПИОНЕРЫ ШРИ ЛАНКА.

ШРИ ЛАНКА — суверенная и независимая республика, провозглашенная в мае 1972 года на острове Цейлон.

Коммунистическая партия еще в 1967 году начала создавать пионерскую организацию. В нее вступали тогда только дети коммунистов, и называлась она «Ленинские пионеры». В мае 1973 года Центральный комитет коммунистической и прогрессивной молодежи Шри Ланка собрался, чтобы обсудить вопрос о создании пионерской организации в республике. В сентябре возникли первые пионерские отряды в столице республики Коломбо. Они появлялись в тех районах, в тех школах, где работали коммунисты. Члены организации коммунистической и прогрессивной молодежи стали первыми пионерскими вожатыми.

Хороший сосед

Пиядаса Потумулла Канкана маге живет в Коломбо, в районе Борема. Пиядаса считает, что ему повезло: у него отличный сосед. Сосед Суриясена намного старше Пиядасы, но он нисколько не зазнается. Всегда разговаривает с Пиядасой как с равным.

Суриясена собрал всех своих соседей-мальчишек и предложил им организовать спортивный клуб. Мальчишки обрадовались. Стали учиться по всем правилам играть в футбол, в крокет, занялись самбо.

У Пиядасы большая семья. Вместе с ним — семеро ребят. Мать с детишками возится — не работает. Отец один тянет семью. Он механик. И когда им особенно трудно, всегда появляется Суриясена. Вот и дедушка когда умер, Суриясена во всем помогал им.

Пиядаса думает, что Суриясена его лучший друг. Все мальчишки на их улице знают, что Суриясена их самый лучший друг.

Когда Суриясена предложил ребятам вступить в пионерскую организацию, ни у кого не было сомнений.

Товарищ Суриясена — член организации коммунистической и прогрессивной молодежи. Его соседи-мальчишки раньше об этом не знали. Так и хотели коммунисты. Если придет к ребятам известный коммунист, многие родители испугаются, не позволят своим детям вступать в пионеры. Сначала и взрослые и ребята должны убедиться, что человек, который пришел к ним, — хороший человек и многому полезному может научить.

Пиядаса-пионер

Отец сказал:

— Ты стал взрослым, сынок. Могу теперь сказать тебе, что я всегда сочувствовал коммунистам. Они борются за правое дело. Иди за Суриясеной — не ошибешься...

И Пиядаса вступил в пионерский отряд. Он участвовал в демонстрации, организованной коммунистической партией. Он выступал против фашизма. За солидарность с народом Чили. За дружбу с СССР.

За два года он успел многое сделать сам. Он ходил по домам и дорогам. Он собрал много денег. У пионеров Шри Ланка есть такие специальные карточки. Они разграфлены на квадратики. Каждый квадратик — один цент. Получил цент — оторвал от карточки квадратик и отдал человеку, который пожертвовал цент. Вроде бы квитанция. Все квадратики квитанции розданы, значит, ты собрал 2 руппи 50 центов. Эти деньги очень нужны пионерской организации, которая начинает свою жизнь.

Еще Пиядаса гордится тем, что помог создать два новых пионерских отряда в своем районе.

У каждого пионерского отряда есть свой капитан и помощник капитана. На сборах пионеры узнают об Октябрьской революции, о В. И. Ленине, о Советском Союзе и

Пионеры Шри Ланка

и других странах социалистического содружества. Отряды создают клубы интернациональной дружбы, собирают материалы о пионерских и детских демократических организациях других стран. Пионеры занимаются в кружках филателистов, юных санитаров, юных поваров, в кружках «Умелые руки», в спортивных клубах.

Торжественное обещание

Вступая в пионеры, ребята дают торжественное обещание:

Я стану патриотом своей Родины.

Я уважаю всех патриотов и героев, которые отдали свою жизнь за независимость Родины, за мир, демократию, социализм.

Я не боюсь трудностей.

Я постараюсь как можно лучше учиться.

Я уважаю своих родителей и постараюсь быть послушным.

Я буду дисциплинированным.

Я буду бороться за справедливость.

Я буду дружить с пионерами и детьми трудящихся всего мира.

Я солидарен с ними.

Я уважаю свою организацию и буду бороться за нее.

Пионерские отряды возникают во многих городах республики. Пионеры носят красивую форму: синие пилотки, белые рубашки, синие шорты, красные галстуки.

Прошлым летом в Артеке я познакомилась с двумя руководителями пионерской организации Шри Ланка. Один из них, Сириянанда Неттасингхе, — учитель русского языка в колледже. Он коммунист, и в колледже есть свой пионерский отряд.

Диас Вольвин — секретарь организации коммунистической и прогрессивной молодежи города Коломбо. Он член ЦК этой организации. При городском комитете коммунистической и прогрессивной организации Коломбо тоже действует пионерский отряд.

Подружилась я и с двумя капитанами пионерских отрядов. Пиядаса Потумулла Канкана Маге зовут одного из них, Пирис Нимал Галла Арасриге — имя второго.

Теперь, когда ты отыщешь на карте, чуть севернее экватора и чуть южнее Индии, остров Шри Ланка (Цейлон), знай: здесь в республике Шри Ланка живут твои друзья — ребята из организации «Пионеры Шри Ланка».

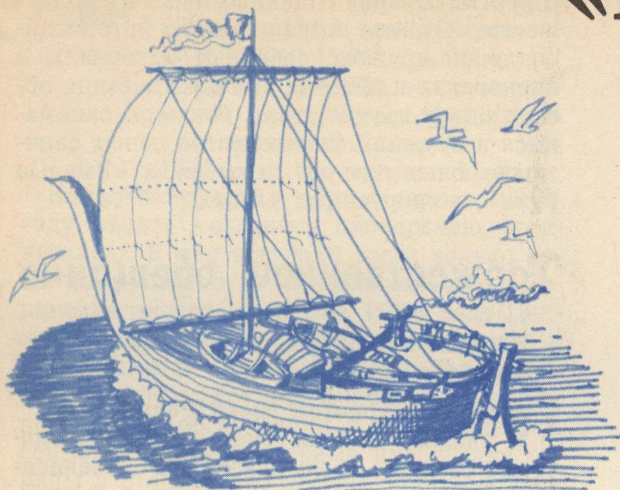
Твой отряд может написать им письмо по такому адресу:

Пионеры
Шри Ланка
Коломбо — 8
Шри Ланка

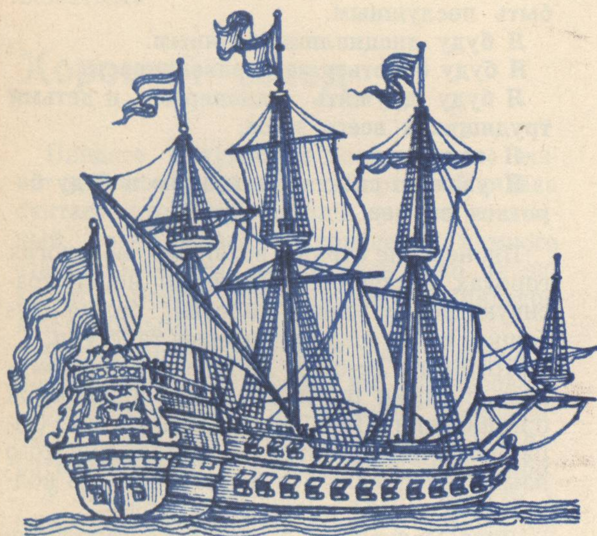
Sri Lanka youn pioneers № 8 Chandra Leka Mawatha. Colombo — 8 Sri Lanka

Рисунки Н. МАРКОВОЙ.

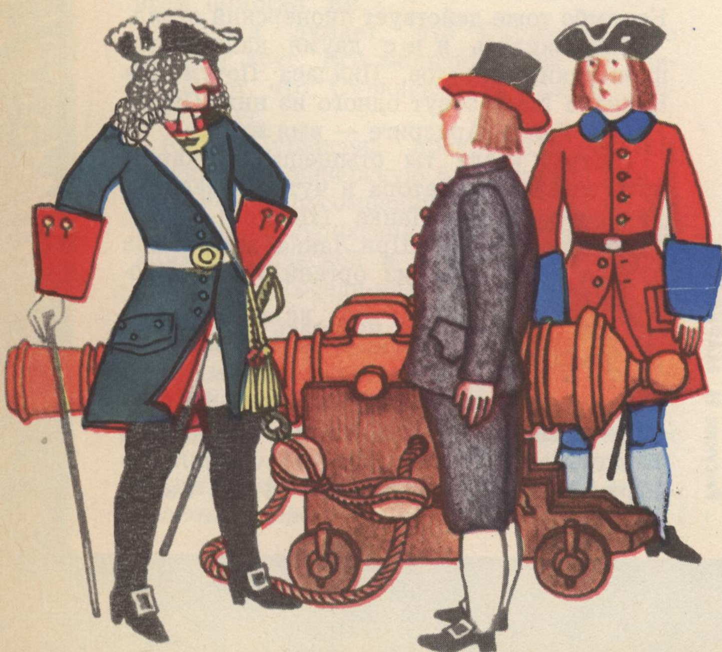
Маленький поморский кораблик — коч.

Корабль «Орел» был построен еще до Петра, в 1668 году.

Вот какая форма была в XVIII веке у русских офицеров, матросов и артиллеристов.

«Плывут по морям корабли»

Ты, наверно, знаешь книгу писателя С. САХАРНОВА «Морская энциклопедия. По морям вокруг Земли». Рисунки к ней сделали художники Б. КЫШТЫМОВ и Э. БЕНЬЯМИНСОН. Сейчас автор и художники «Морской энциклопедии» заканчивают работу над другой книгой — «Плывут по морям корабли». Выйдет эта книга еще не скоро. Мы предлагаем тебе несколько страниц из нее.

Коч

Стылое море. На облаках светлые зайчики — это отражается в небе плавающий по морю лед.

У крутого берега маленький кораблик — коч. Вышли на промысел поморы. На носу — охотник, на корме — кормщик. Зорок охотник, а кормщик зорче.

— Что там, Маркел, под берегом, не зверь ли?

Точно — зверь. Лежат на камнях огромные красноватые туши. Шеи нет, из-под усатой губы — клыки. Моржи! Закопошилась, завозилась охотничья дружина. Кто дубину готовит, кто веревку, кто топор. Крадется к берегу коч.

Вдруг упало на море серое облако. Закружились белые мухи. Снег! В один час лето зимой обернулось. Пронеслось облако, а моржей уж и нет. Ушли. И снова плывет маленький корабль.

Как начинался русский флот

Петр Первый, чтобы постичь корабельную науку, поехал в Голландию. Там под именем плотника Петра Михайлова поступил на верфь.

Раз туда приехали бояре. Они приехали из России повидать своего царя. Из-под днища корабля, весь в стружках и пеньке, к ним вылез мастеровой с рубанком. Бояре грохнулись на колени!

А потом спускали корабль. Петр бегал со всеми вокруг него, держал канат, выбивал клинья из-под кормы.

«Полтава» — первый боевой корабль, построенный в Петербурге Петром I.

Будущих штурманов и адмиралов российских Петр разослал учиться по всей Европе. На острове Котлин построил морскую крепость и порт Кронштадт.

Холодный ветер гнал по Балтике мелкие злые волны. Над крепостью трепетали флаги. К острову подходили один за другим первые русские корабли.

— Хороши старинные корабли, а?

— Хороши! И в парусах вся красота!

— Не только. Вон посмотрите, на носу — фигура морского бога, на корме — целый замок из дерева. Башенки, балкончики, наличники на окнах, медные фонари. Корабль — дом моряка, ушел в плавание, считай, на годы... Вот и строили с любовью.

Время великих открытий

Долгие месяцы ждали моряков семьи. Но вот корабль возвращается. На палубе поредевшая команда, волны разбили борт, паруса истлели от сырости... Зато сколько рассказов!

Гудит причал.

— Мы доплыли до самых берегов Америки. Люди там — не поверите! — красного цвета. Золота у них — что песку. А сошли мы на берег — в джунглях развалины каких-то городов...

— А наша посудина добралась до Индии. Вот потеха: люди там ездят верхом на слонах! Идешь по улице — змеи танцуют под музыку...

— Ну, а мы из Австралии. Плыли туда год. В тамошних степях полно непонятных зверей. Вообразите: каждый величиной с теленка, а скачет, как заяц. Кен-гу-ру...

— Чем знамениты парусники?
— Они открыли людям весь мир.

На таком корабле плавали русские моряки двести пятьдесят лет назад.

Крейсер «Варяг».

Крейсер «Варяг»

«Варяг» был самым быстроходным крейсером в мире.

Война с Японией застала его в корейском порту Чемульпо. К порту подошла японская эскадра.

«Сдавайтесь!» — передал японский адмирал.

Командир «Варяга» решил дать бой. Крейсер вышел в море. Впереди — вражеские корабли, позади — берег.

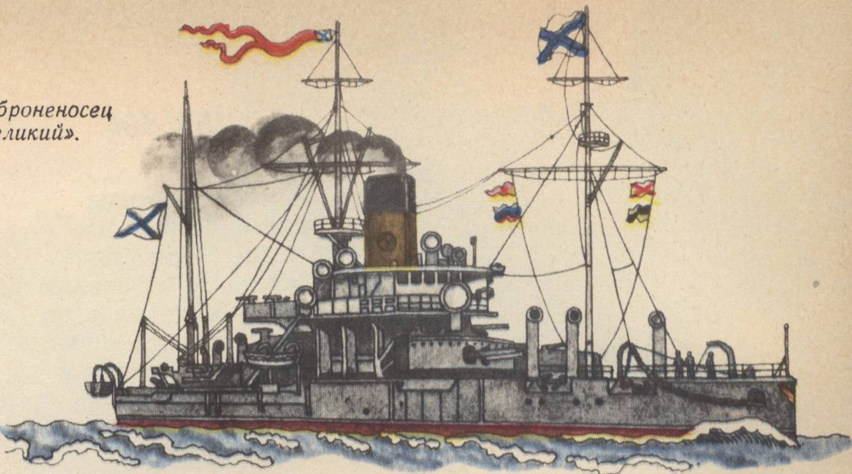
«Сдавайтесь!»

Залп! Японский миноносец задымился. Еще залп! Другой вражеский корабль пошел ко дну.

Но силы были неравными. Японские снаряды накрыли крейсер.

Только тогда раненый корабль повернул назад. Боевой флаг по-прежнему развевался на мачте.

«Красин»

Русский броненосец «Петр Великий».

Несколько итальянцев отправились на дирижабле к Северному полюсу. Стояли сильные морозы. Дирижабль покрылся льдом и упал. Итальянцы оказались на льдине.

На помощь вышел советский ледокол «Красин».

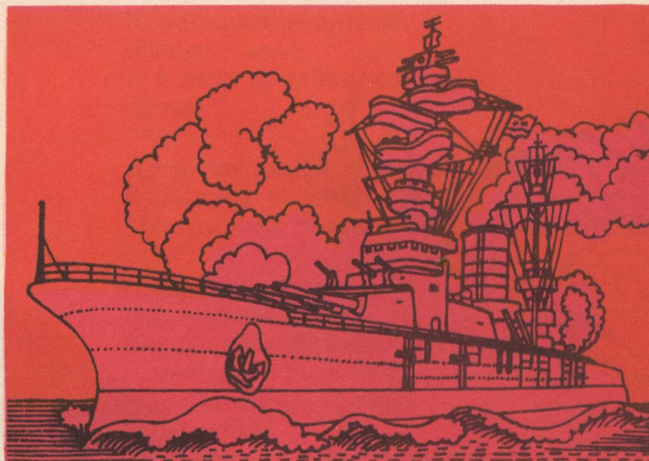
Среди итальянцев были больные и раненые. Еды оставалось мало. Лед под палаткой трещал.

А ледокол все шел и шел. Он подминал под себя тонкие льдины, крушил и расталкивал толстые. А если ледяная глыба сразу не поддавалась, «Красин» отступал, разгонялся и с размаху обрушивался на нее.

И вот итальянцы увидели на горизонте дымок. Потом показался красный флаг на мачте. Это шел «Красин». Людей, плачущих от радости, подняли на борт.

Линкор «Марат»

Линкор «Марат».

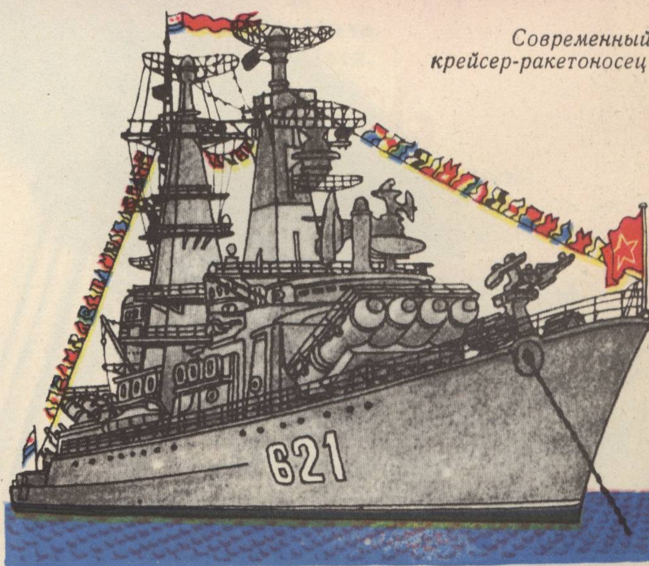

Шла война. В линейный корабль «Марат», в то время как он стоял у причала, попала бомба. Вода хлынула внутрь, линкор лег носом на грунт. Было это в Ленинграде во время блокады. Над городом то и дело появлялись самолеты. Выли сирены. Огненные залпы опоясали горизонт. Город был окружен. Вражеские пушки стояли вокруг города, спрятанные в землю, и обстреливали Ленинград. Бороться с ними не хватало орудий.

И тогда на линкор пришли рабочие. Они отрезали полуоторванный нос, заделали все дырки в корпусе и починили моторы артиллерийских башен. Старый линкор ожил. Командиры закричали слова команд, матросы заняли свои места.

Грохнул выстрел. Первый снаряд, большой, как чемодан, воя, умчался к врагу. Стоило теперь какой-нибудь фашистской пушке выстрелить, как на нее обрушивался огонь «Марата». Раненый корабль снова вел бой.

Современный крейсер-ракетоносец.

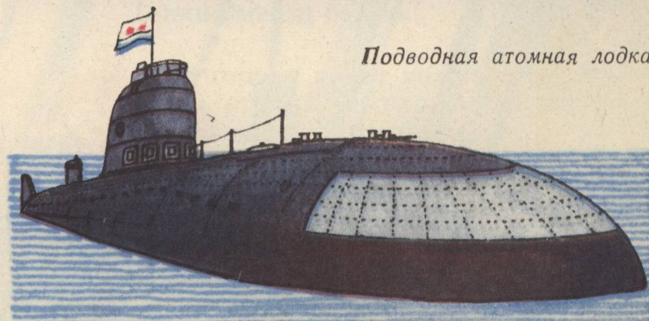

На нашей обложке — современный ракетный корабль.

— Ох и силища, ох и громада — ракетный корабль! Мачты, трубы, ракеты — прямо стальная крепость. Такой нагонит на врага страху!

— Верно. Да только теперь самый страшный для врага корабль — подводный. Подводный флот самый грозный. Он тоже с ракетами, и он невидим.

Подводная атомная лодка.

Каникулы

В. ДАНЬКО

Летние каникулы
Рано просыпаются,
Летние каникулы
В кровати не валяются.
Летние каникулы
Прыгают с крылечка:
Прямо за калиткою
Поле,
лес
и речка!

Дождик под зонтиком

Как-то Дождик
Шел с работы
И под дождик
Угодил.
С этих пор,
Идя с работы,
Надевал он
Плащ и боты,
А без зонтика под мышкой
Вообще не выходил.

Мой дом

Все думали, что это дом,
А это был корабль.
Он стал сегодня кораблем,
А домом был вчера.
И он поплыл, корабль мой.
Весна волною шла.
Гудели пчелы за стеной,
И яблоня цвела.
Все думали, что это дом,
Входили, выходили,
Совсем не ведая о том,
Что навсегда уплыли.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Страшно

За окном полночный час.
Ветер хороводит.
А по комнате у нас
Кто-то ходит-бродит.
Кто там ходит?..
— Дверь закрой,
Сядь поближе, мама.
Ветер охает сырой.
Вздрагивает рама.
— Спи, мой мальчик,
Время спать.
Потеплей укройся.
Я с тобою,— шепчет мать,—
Никого не бойся.

* * *

Они поглядели
И видят: уснул и лежу.
Они и не знают,
Что я ухожу, ухожу.
Бесшумною кошкой
Скользнул из ночной темноты.
На тоненьких ножках
За мной побежали цветы.
Просторы степные,
И поступь, как танец, легка.
Цветные, цветные
Летят надо мной облака.
И ясность приходит,
Как детский восторг по утрам.
А путь мой восходит
К сверкающим дальним горам.
И там, на вершине,
На страшном, на жутком краю,
Я долю секунды,
Счастливую долю, стою.

Лунный кораблик

Никто не услышал,
Никто не заметил,
Спали все мамы,
Все папы на свете,
Никто не увидел,
Так было темно,—
Кораблики выплыли
Ночью в окно,
А в этих корабликах —
Дети.

Дети, возьмите с собою меня.
Взрослым я стал, и не верится чуду.
Можно мне тоже в кораблике плыть?

Плыли бесшумно
Над улицей нашей
Кораблик с Илюшей,
Кораблик с Наташей,
Кораблик серебряный
И золотой,
Кораблик раскрашенный
И кружевной,
В лодочке — Мила,
В лодочке — Петя.
Уплыли, уплыли
В корабликах дети.

Дети, возьмите с собою меня.
Взрослым я стал... Но я больше не буду!
Можно мне тоже в кораблике плыть?

Часы стучали на стене,
Сосед во сне храпел,
Кораблик тоненький ко мне
Вдруг в комнату влетел.
Чуть слышно парусами
Хрустальными звеня,
Из комнаты с часами
Увозит он меня.
И летит впереди
Лодочкою смелой
Серебристая луна,
Тонкий месяц белый...

А по городу ходит волшебник седой,
Очень старый и мудрый. Он знает,
Что кончается сказка
Рассветной звездой.
И кончаются сны, и растает
В небе светлая лодочка
Легкой луны,
И все дети домой
Прилетают.

МИОМБО

Н. СЛАДКОВ

Фотографии автора.

Про Африку сейчас все знают всё. Особенно те, кто никогда в Африке не был. Гора Килиманджаро, озеро Виктория, лес Итури, пустыня Калахари. Пигмеи, массаи, зулусы. Барабаны тамтам и мухи цеце.

Когда я пытался рассказывать об Африке, меня слушали ровно минуту. А потом начинали подсказывать. А птица-секретарь? А львы-людоеды? А тропическая жара, тропические дожди, тропические леса и тропическая лихорадка?

Через две минуты уже не я рассказывал об Африке, а мне рассказывали о ней.

Я взбунтовался. А знаете ли вы, что такое миомбо? Наконец-то никто не знал!

Миомбо — так называют светлые леса на зеленых холмах Африки.

Гряды холмов разделены широкими впадинами — низинами. Почва низин вязкая, волокнистая, сырая: тут зарождаются медленные заболоченные ручейки. В мокрую зиму земля совсем раскисает, и низины становятся непроходимыми.

Незнакомые, непривычные кусты и деревья. Брюхатые баобабы-мбуйу. Оплывшие их бока исчерчены слоновьими бивнями. Баобабы и сами на слонов похожи: слоновья толщина и слоновья кожа.

Пальмы-мкуми. Тонкое длинное веретено и вихор зеленых листьев на маковке. Раскидистые зонтичные акации — «жирафьи зонтики». Деревья, похожие на букеты желтых цветов. Деревья-колонны: голый желтый ствол, как из слоновьей кости. Лес миомбо. Невиданный мною лес, который еще надо открыть для себя.

Живу в гостинице для туристов. От шоссе к ней ответвляется узенькая дорожка. От леса гостиница отгорожена тоненькой проволочкой. Это граница, за которую не положено выходить. И не поймешь, кто тут за кем наблюдает: люди ли из окошек за жирафами и слонами, или слоны и жирафы из-за проволочки за людьми?

Я сейчас же превратил свою комнату в засидку. Стену стеклянную задернул штрой, высунул в щель фоторужье. В жизни не сидел в такой роскошной ухоронке! Ветер не пронизывает, дождь тебя не полощет. Комары не жрут насмерть, и зубы от холода не бренчат. И ждешь не какую-нибудь там сойку или сороку!

Из озерка под окнами торчат высохшие деревья. На них сидят задумчивые марабу. А под ними из воды спина бегемота торчит!

Под акацией «жирафий зонтик» и в самом деле жирафа стоит! Вроде ажурного подъемного крана. Длинная шея на четырех ногах. Обмахивается хвостом, словно метелкой пыль с боков сметает. Пошагала — медленно, как во сне. Этакая ходячая пожарная вышка. У воды расставила «вышка» передние ноги-ходули, свесила пятнистый шланг шеи, воду сосет. Снова подняла голову, осматривается с высоты: с припухлых замшевых губ стекают длинные блестящие капли.

Три слона идут к озерку. Какими же они кажутся маленькими с моей «скалы», не крупней кабана! А ведь громады: ростом в четыре метра, весом в шесть тонн. Только теперь я понимаю, как велики деревья, которые окружают их.

Блестят бивни. Уши, как два одеяла, повешенные на просушку. Знатоки все подсчитали. Каждое ухо в сорок килограммов. Из одного уха можно сделать стол на шесть человек. И делают. Из ушей — столы, из ног — корзины для мусора, из бивней — безделушки...

Слоны все время колышут ушами. Слоны-ушехлопы. Но не мух они отгоняют. Уши для слона все равно, что змеевик для парового котла или радиатор для автомобиля: спасают от перегрева. Уши пронизаны густой сетью артерий; обмахиваясь, слон остужает кровь. Если холодно, он и ухом не поведет. А в жару уши колышутся, как флаги на ветру. Будь кожа на ушах понежней, у слонов в жару краснели бы уши. Представляете: слон с розовыми ушами! Как игрушечный...

Но слоны толстокожие. Но только в самом прямом смысле. А так они очень сообразительные и живые. Любят играть, например. Вот и сейчас затевают возню: двое, несомненно сговорившись, толкают третьего в воду. Уперлись лбами и жмут, как два бульдозера. Третий, конечно же, упирается: кому приятно, когда силком! Пятился, пятился и сорвался. В последний миг успел схватить хоботом хобот обидчика, стащил и его с берега. Теперь оба в воде, а все равно толкаются. Но уж больно вода хороша — блаженно повалились в разные стороны и окунулись. Волны захлюпали в травяной берег. Уф-ф, благодать! Один слон с головой окунулся, выставив наружу кончик хобота. Другой на

Выходить из лендровера строго запрещено — опасно!

боку лежит, изогнув хобот крючком. Хобот для них все равно, что дыхательная трубка для ныряльщика.

Третий слон, глядя на них, сам ссунулся с бережка. Поливает бока и спину из хобота-шланга.

Долго слоны ворочались и окунались. Рыжие облака мути клубились вокруг них. Недовольный бегемот уплыл к другому берегу, повернулся к слонам задом и сердито уткнулся в траву, даже смотреть на слонов не хочет.

Первые двое опять сговорились. Торопясь, оскользаясь и падая на колени, два толстяка быстренько выбрались на бережок. Когда за ними увязался и третий, слоны стали спихивать его назад в воду. Только тот вскинет на берег ноги-тумбы, упрутся лбами — раз! — и спихнут. Так вся троица и шлепает вдоль озерка: двое по берегу, третий в воде. Один хочет выбраться, двое его не пускают. Бодают лбом, отпихивают хоботом. Слоновьи шуточки и забавы.

По пути срывают пучки травы и суют в рот. Ушами обмахиваются: снова жарко. Опять в воду надо.

Удобная у меня засидка, но разве это охота? Сидя в кресле, через окно. Другое дело, когда сам выследишь, сам поставишь укрытие, да с ночи в него спрячешься, да побудешь с ночью наедине, да наслушаешься лесных голосов.

Не терпелось побродить по африканскому лесу. Но бродить-то по лесу тут и нельзя! Хозяева в лесу не люди, а звери. Звери живут на свободе, а людей возят к ним в клетках — лендроверах. И выходить из лендровера строго запрещено — опасно!

— Неужели нападет слон? — выпытывал я.

— Не обязательно слон,— объясняли.— Может, и лев.

Страшнее слонов тут... крапива. Выше головы, толщиной в удочку; даже слоны обходят ее. Ну и вездесущие лесные шипы и колючки! Я долго пытался отломить ветку с пустым птичьим гнездом; исколол ладони и пальцы, но так и не открутил. А когда сорвал цветок кактуса, невидимая стеклянная щетина, как живая, расползлась по рукам и впилась в кожу. Чем больше я ее смахивал, тем сильнее она впивалась. Только к вечеру кончился этот ползучий зуд.

Из шипов можно делать гвозди! Заколки, булавки, крючки рыболовные, иголки для патефона. А из веток — колючие заграждения.

Ветки в руки не взять, сапогом наступить страшно, а их... едят! Слон сует в рот целые мотки этой колючей проволоки. Жирафы мягкими — нежными и припухлыми! —

Львы здесь совсем не такие покладистые, как в других заповедниках.

губами срывают ветки, утыканные гвоздями. Обламывают длинным и нежным розовым языком.

Много неожиданностей для новичка. «Не пейте сырую воду, берегитесь малярийных комаров, мошек, вызывающих зуд, жалящих ос, ядовитых пауков и скорпионов, бродячих муравьев. Будьте осторожны с огнем, сухая трава вспыхивает, как порох». Правда, с голода не умрете: «Ящерицы, змеи, гусеницы, саранча, кузнечики вполне пригодны для еды».

Предостережения убедительные. Не станем лезть в чужой лес со своими привычками.

Каждое утро за нами приходит побитый и разболтанный лендровер. Разболтали его тяжелые лесные дороги, а побили обитатели звериного рая: бодали буйволы, носороги пинали, лягали жирафы. У жителей рая характер совсем не райский.

Тарахтим по красной дороге среди зеленого редколесья. Торчу из люка по пояс, с «ружьем» наперевес. Сверху хорошо видно, удобно снимать, уперев локти в крышу автомобиля. Это уже настоящая охота, охота в лесу, а не на задворках отеля.

Через дорогу, мягко ступая, шагает слон. Как легко этот верзила идет! На обочине, в тени дерева, машет ушами целая слоновья компания. Шепчу: «Стоп, стоп!» Лендровер тормозит, и я открываю «стрельбу». Слоны в видоискателе четки, как в капле росы. Кожа морщинистая, словно кора дуба. Глаза в поросячьих ресницах, уши в царапинах, нашлепки грязи на бивнях.

Слоны на меня не обращают внимания. Что, если вылезти и подойти?

А вот что. «Пешком тут ходить небезопасно. Четырнадцать дней назад моего знакомого, который вздумал пройтись по окрестностям, догнала слониха и пропорола насквозь бивнем. Но чтобы кто-нибудь погиб, сидя в машине,— этого я не слышал; даже в тех случаях, когда на машину нападал носорог или слон. Инцидент обычно кончался несколькими вмятинами или пробоинами в кузове». Это слова большого знатока Африки доктора Гржимека; ему верить можно. «Нарушив запрет, оператор вылез из машины и стал снимать пасущихся слонов. Неожиданно один из них повернулся и погнался за незадачливым фотографом. Он вытащил его хоботом из кустов, куда тот спрятался, и трижды подбросил в воздух. К счастью, оператор отделался только раной на ноге и переломом щиколотки».

«Незадачливым фотографом» мне совсем не хочется стать. Итак, от дома не отходи, из машины не выходи! Звери на свободе, человек в клетке!

И все-таки как-то трудно поверить, что добродушные эти глыбы вдруг нападут на тебя ни с того ни с сего. Мы привыкли к слонам в зоопарках, в цирке. Нам трудно представить их в ярости. Мирно стоят, обмахиваются ушами. Или шагают, срывая на ходу пучки травы и засовывая их в морщинистый, стариковский рот. Впрочем, проводник-шофер все равно из машины не выпустит: его за это прогонят с работы.

Бивни и у слонов и у слоних. Выдрав пучок травы с корнем, слон околачивает землю о бивень или о колено, а уж потом сует в рот. Поэтому бивни у слонов грязные. И оттого еще грязные, что бивнями, как лопатой, слоны выкапывают клубни и корни. Если грязней левый бивень, то слон — «левша», а правый — «правша». А вот в зоопарках у слонов бивни чистые: в клетках им бивнями делать нечего. Слоны-«белоручки».

Самыми опасными — как ни странно! — становятся мудрые старцы. Годам к пятидесяти у слонов начисто стачиваются зубы. И «зуб мудрости», видимо, тоже. Есть хочется,

Уж больно вода хороша!

Сегодня мы сворачиваем к лесным холмам, в лес миомбо. Лендровер осторожно, словно щупая колесами путь, пробирается по лесной дороге. Дождевые ручьи промыли в глине борозды, колеи превратились в канавы. Дорога запущенная и неезженая. И оттого особо заманчивая.

Едем не спеша, с оглядкой. По сторонам лес и поляны. Поляны доверху налиты солнцем. Белеют на них сухие скелеты упавших деревьев. А за полянами тяжелый темно-зеленый занавес леса. Ослепительное сияние полян и непроглядная лесная тень. А в просветах синеют далекие волны холмов.

На поляне холмик заброшенного термитника. Наверху — словно из бронзы отлитый! — замер рогатый импала. И вокруг холма антилопы. У них игра: кто займет пьедестал? Бронзовый импала сталкивает с холмика всех любителей покрасоваться, сам хочет. Пока едем мимо, никому не удается удержаться на пьедестале. Лихо постукивают рога, мелькают черно-белые хвостики. Антилопы играют.

Почему-то нам представляется, что жизнь беззащитных животных в лесу что-то вроде ночного кошмара: тебя ловят, хватают, а ты никак не можешь убежать и спастись. Мы забываем, что на одного хищника приходится с полтысячи таких вот беззащитных антилоп. Даже по подсчетам, они сталкиваются с опасностью не чаще раза в году. К тому же такую «беззащитную» в открытую не догонит ни один хищник. Другое дело, если антилопа ослабла, заболела. Или уши развесила. Так по неосторожности и мы с вами под машину угодить можем. Но мы же не унываем, хоть машин в сотни раз больше, чем львов. Вот и антилопы не унывают: играют и веселятся. Хотя львы где-то рядом. И, может, даже следят за ними из-за кустов.

На соседней поляне семьи бабуинов. Бабуинам явно не по себе: бредут по поляне, как по минному полю, то и дело останавливаются и осматриваются. Высматривают дерево, к которому можно броситься. Удаляясь от леса, они его все время как бы ощущают спиной: чуть что — и назад, на спасительную высоту. Наверное, тут леопард живет: приучил обезьян по струнке ходить!

На поляне табун зебр среди упавших серых стволов. Стоят неподвижно, и мы видим каждую. Но вот зебры столпились, задвигались и... расплылись в туманное облачко! Словно видел четкое отражение в воде, а дунул ветер, заструилась рябь, и все перемешалось.

Удивительна окраска этих лошадок! Же-

а жевать нечем. Кора, корни и ветки стали не по зубам. Кончилась беспечная зубатая молодость, когда сучья и ветки на зубах только похрустывали! В молодые годы даже в зоопарках слоны с удовольствием поедают метлы, табуретки и деревянные лестницы.

Протез не вставишь, на манную кашу не перейдешь. Характер портится: вскипает раздражительность и озлобленность на весь белый свет. Солидному слону, как разгильдяю-мальчишке, приходится ночью в чужой огород лезть, мягкие овощи воровать. А там крикливый хозяин с палкой набрасывается. Ну и попадет иной под горячий хобот или торопливую ногу...

Тарахтит лендровер, ветер обдувает лицо. Много надо поколесить по дорогам и без дорог, чтобы хоть что-то понять в этом незнакомом лесу.

На обочине главной дороги стоят указатели: «Осторожно, слоны».

Еще бы не осторожно! У самой дороги стоит слон — всем слонам слон! До него мы видели бурых, обсыпанных пылью. А этот серый, даже с голубизной. Громила. На боках складки тяжелые. Брюхо чуть не до земли. Дирижабль. Не дай бог уткнуться в такого ночью! В гармошку машину сплющит. Когда бегут такие слоны, земля, наверное, содрогается и пыль завивается вихрем. Словно груженый состав идет...

ребец на обочине — полосатей пограничного столба. Зебра в тельняшке от ног до ушей до того напряжена, что вот-вот взлетит!

Все полосатые, а ни одной одинаковой, у каждой свой собственный узор! Как отпечатки пальцев. Природа одинаковости не любит. Если присмотреться, то не найдешь и двух одинаковых воробьев.

Для фотографа зебра единственный в мире зверь, который на негативе и позитиве совсем одинаковый! Белый в черную полоску. Или черный в белую? Старый спор: какого цвета зебра? Я сравнивал негатив с позитивом: ни то ни се! Передняя половина зебры раз на раз, белого и черного поровну. А вот задняя скорее черная в белую.

Выше холмы, все гуще лес — тут царство жирафов и зебр.

Вид у зебр игривый и добродушный. Симпатичные игрушечные лошадки. Этакие толстушки: миловидные, резвые, озорные. Уши торчком, грива пучком, хвост веничком. Гоняя слепней, так бьют ногой по животу, что живот, как барабан, гудит! Но эти толстушки строптивы, сварливы, драчливы, брыкасты. Еще и кусаются. А что делать: среди львов живут! Говорят, что зебры потому и полосатые, чтобы львов обмануть. Будто бы львы издалека принимают полосатых зебр за... обглоданные скелеты!

Вот они, львы... Гривастые головы под тенистым деревом, как два рыжих муравейника.

Лендровер осторожненько, как бы принюхиваясь, сползает с дороги. Катим по целине. Львы лежат, смотрят. Широкие плюшевые носы, треугольники светлых «бровей». Впалые, небритые щеки. Тяжелые, отвисшие челюсти. И всклокоченные прически до плеч.

Один не выдержал, вскочил, побежал, тяжело колыхая набитым брюхом. Другой только выше поднял голову. Хвост с черной кистью согнулся крючком и шлепнул о землю.

Ближе нельзя. Лендровер старый, ему не взять рывком с места. Или забуксуют колеса. А львы здесь совсем не такие покладистые, как в других заповедниках. Так проводник говорит. Нам же, конечно, хочется ближе, чтоб во весь кадр...

Как нападает лев? Сейчас это совсем просто представить. Вот перестанет бить хвостом, привстанет на толстых полусогнутых лапах, нацелится глазами, осядет и рванется, вышибая лапами пухлую пыль. Наверное, заревет. Когда лев ревет, трава стелется, как от ветра, и пыль клубится у ног.

Лев перестал бить хвостом, привстал, нацелился и... побежал к лесу. Теперь оба стоят на опушке и смотрят на нас. Рыжие товарищи, два львиных холостяка. А может, они из львиной стаи прайда, что видели мы километрах в семи отсюда? В тени большого дерева лежали львицы и львята. Сонные, разморенные, равнодушные. Когда мы подъехали, они лениво открыли желтые глаза и тут же снова зажмурились. И отвернулись. Этакие ленивые кошки.

Львята словно плюшевые игрушки. Сразу видно, что в стае их очень любят и балуют.

На поляне — холмик заброшенного термитника.

Львята переползают по львицам, тычутся носами в их губы — львицы не огрызаются. Всем им жарко и скучно. Все дышат полураскрытыми пастями. Подергивают ушами, жмурятся. Разморенные кошки на теплой завалинке, только что не мурлыкают.

От нас отворачивают носы: бензином тянет. А если и посмотрят в упор, то словно не видят. Смотрят сквозь тебя, как в окошко... Будто бы ты стеклянный. В упор не замечают.

Мы терпеливо объехали дерево, чтобы посмотреть львицам в глаза. А они снова носы отвернули! Как от надоедливой мухи.

Так тянутся львиные дни: в безделье и дреме. Жирафы и зебры проходят вблизи — никакого на них внимания. Словно зебры для львов не еда.

Как проходят львиные ночи, не видел. Ночью можно услышать только далекий рев. Тот самый, от которого трава стелется и клубится пыль. Львы охотятся. Не думаю, что и ночью жирафы, зебры и антилопы так же беззаботны, как днем...

На обратном пути с холмов мы снова свернули к дереву. Оба льва лежали на старом месте! Есть у львов свои излюбленные деревья; чем-то они для них лучше других.

Снова один сразу же отбежал. А второй снова поднял голову и бил хвостом. И даже в этот раз бросился к нам. Так, для острастки. Пригнул голову, отвалил челюсть и, загребая лапами пыль, побежал. Но тут же и осадил, пробороздя задними лапами.

Обиделся. Второй раз сгоняют с теплой лежанки! И кто: какая-то ржавая жестянка, пропахшая бензином!

Когда-то львы жили не только в Африке. В Закавказье у нас, например, львы исчезли только в десятом веке: на них охотились у Тбилиси и Еревана! В Иране последний лев был убит в 1930 году. В Индии сейчас осталось всего с сотню львов в заповедном лесу Гир у Бомбея.

Исчезли североафриканские берберийские львы. Тартарен из Тараскона уже ни одного не смог отыскать. Нет больше и капских львов Южной Африки. Этих и зоологам уже не найти. Это были самые гривастые львы: пышная грива, густые подвесы на плечах, на локтях и на брюхе. Головой заплатили львы за свою прекрасную гриву...

Сейчас перед нами массайские львы. Грива у них не черная и не густая. Пожалуй, даже невзрачнее, чем у клеточных львов: ведь не одна прядь волос из их гривы осталась на колючках кустов! Но не это спасает их: не будь заповедников, охотники перебили бы и жидкогривых. Не возвращаться же с охоты с пустыми руками...

Львам надоело ждать, пока мы уедем, и они разлеглись на поляне. Хоть и жарко на солнце, а не хотят уходить от своего дерева. Ждут, когда в нас совесть заговорит. Лежат на припеке, на ветру и в пыли...

Лендровер, подвывая, лезет на гору. Прелесть машина! Солнце — торчишь из люка, дождь — закрой люк и в окошко гляди. Засидка на колесах, скрадок повышенной проходимости. Вездеход-ухоронка!

Всех африканских птиц и зверей я «подстрелил», высунувшись из люка лендровера. Добыл даже больше, чем «стрелял»! «Стрелял» в одного, а на снимке потом находил двух! А то и трех, четырех! Снял зебр, а потом в кустах разглядел гну. Зебру снял, а рядом в траве зеленую мартышку нашел. Просто щелкнул пейзаж, а после — в лупу! — разглядел на нем слонов под деревьями, жирафов у кустов, даже каких-то антилоп, которых ни разу в лесу не видел. В лесу не встречал, а на снимке встретил!

Зверя нетрудно увидеть в лесу, если сам он не хочет прятаться...

Выше холмы, все гуще лес. Деревья подступают к дороге, заставляя ее вилять. Тут царство жирафов и зебр. Они возникают на повороте тропы и тут же исчезают в зарослях. Листья затуманивают тела зверей; видишь животное и вдруг уже не видишь его. В глазах дробящаяся пестрота. Сухостоины вдруг оживают и оборачиваются жирафами. А в сучьях серых валежин видятся зебры.

Шея жирафа в листве, как сухой ствол дерева с нашлепками старой коры. Еще и «дят-

лы» ползают по нему — красноклювые волоклюи. Чаще их сперва увидишь, а потом и «ствол» разглядишь. Или вдруг заметишь на суку глазастого филина. А это голова затаившегося жирафа. Пятнистое «оперение», совиные большие глаза, ушки-рожки. Умеет жираф в лесу спрятаться, если захочет.

Пасется жираф не в траве, а в вершинах деревьев. Про такого не скажешь, что он на подножном корму! Высоко в ветвях «порхает» его сухая головка. Известны ему все тайны древесных вершин: ветка с птичьим гнездом, дупло с пчелами. Тут змея притаилась, там леопард залег. Не потому ли у жирафа такие большие птичьи глаза? Два огромных глаза, притененных длинными изогнутыми ресницами.

Жираф молчалив, хоть язык у него в полметра. Длинным языком, как ловкой рукой, ощипывает он листья с ветвей. Три метра ноги, три метра шея да полметра язык — вот и дотянулся до самой вершины! Но никак не понять, как не измочалит жираф свой нежный язык о стальные колючки!

Очень любит жираф перейти дорогу у самого радиатора машины с высоко поднятой головой, тем самым проявить полное презрение к этой вонючей раскоряченной черепахе.

Но чаще, когда машина неожиданно с рокотом выползает из-за поворота дороги, жирафы, раскачиваясь на бегу, скрываются в лес. Как только головой о сучки не споткнутся! Ноги-то через любые валежины перелетят, а голова может в ветках застрять. Но ни один жираф не унизится и не станет на бегу головой вилять. Скачет по лесу, высоко задрав шею. И ухитряется не спотыкнуться.

Жираф только с виду мечтателен и беззащитен, сопернику он быстро «намылит шею». Шея у жирафа, что доска дубовая. И бьет он этой «доской» наотмашь, да так, что соперник с ног летит и теряет сознание. А победитель стоит и смотрит на него с высоты — грустно-грустно... При встрече каждый жираф знает, кому из них голову задирать, а кому скромно опускать. А так жираф не заносчив, покладистый и компанейский. Дружит с зебрами и антилопами. Если и смотрит на них свысока, то поневоле. Он ведь и на слона свысока смотрит...

Боковое яркое солнце. Блестящие выпуклости зелени леса, провалы и гроты синих теней. Сияющие кораллы малахитовых кустов. И лесное пятнистое диво — жираф, вдруг выступающий из-за деревьев.

Прекрасный зверь.

Прекрасный зверь, украшающий герб Танзании. Чудо африканского леса миомбо.

Рисунки В. ДУДКИНА.

В. ТАРАС

ПОД СОЗВЕЗДИЕМ ЛЬВА

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 6.

Рисунки В. РУДАКОВА.

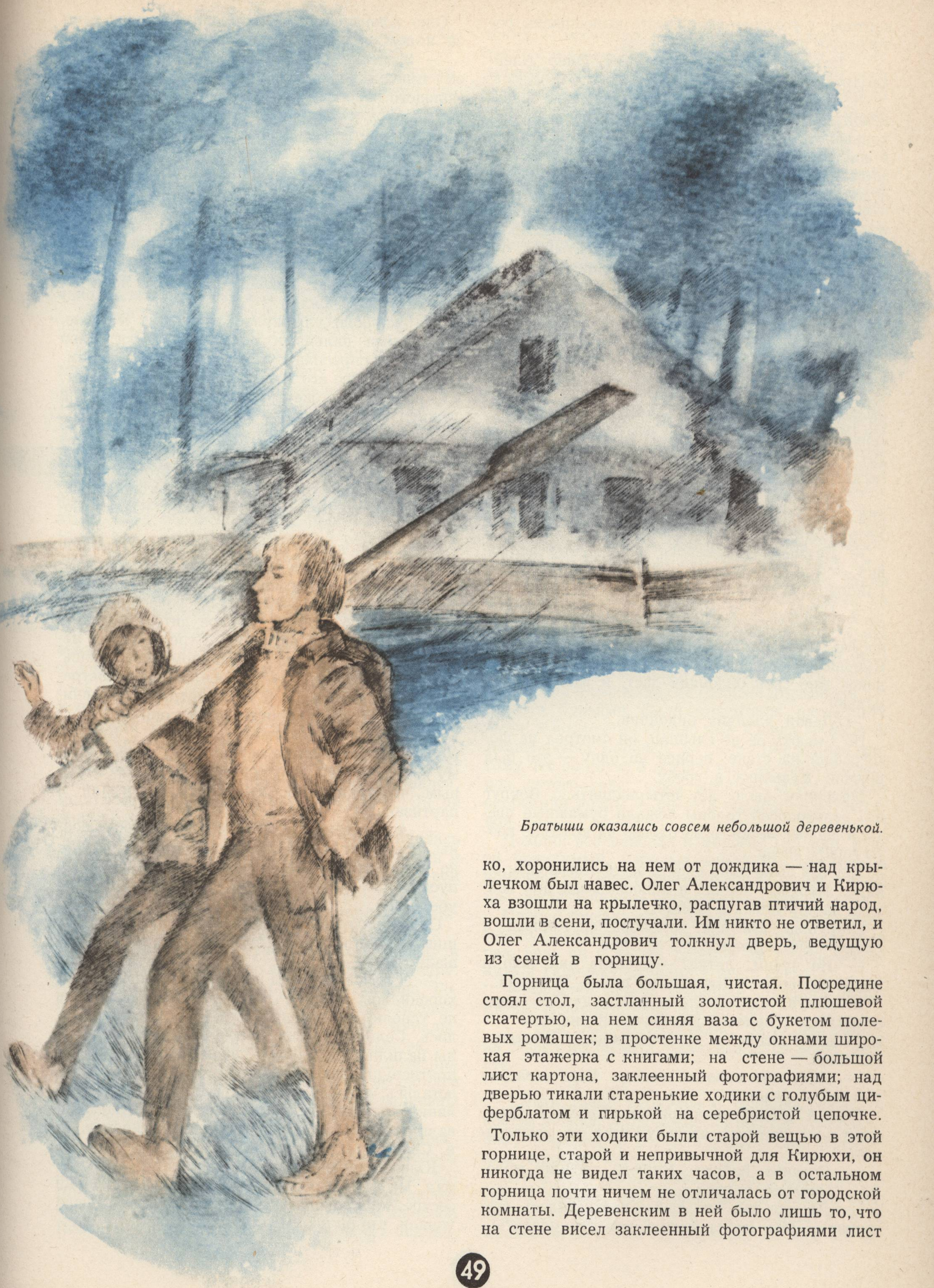
Юзик Боровяк

Братыши оказались совсем небольшой деревней: пять хат на обрыве над рекой, хат десять — двенадцать метрах в двухстах от берега. И на всех хатах торчали телевизионные антенны.

— Удивительная деревушка, — заметил Олег Александрович. — Только где же телезрители? Никого не видно...

Хаты были закрыты, но не на замки, а так, условно. В дверной пробой воткнута сосновая щепка — вот и весь замок. Это было удивительно для Кирюхи, он ведь ни разу не бывал в глубинных белорусских деревнях, где люди, уходя из дому, никогда не запирают двери на замок потому, что не думают плохо о своих соседях и о путниках, которые могут забрести в деревню.

Только в одной из хат дверь была приоткрыта, куры и цыплята обсели невысокое крылеч-

Братыши оказались совсем небольшой деревенькой.

ко, хоронились на нем от дождика — над крылечком был навес. Олег Александрович и Кирюха взошли на крылечко, распугав птичий народ, вошли в сени, постучали. Им никто не ответил, и Олег Александрович толкнул дверь, ведущую из сеней в горницу.

Горница была большая, чистая. Посредине стоял стол, застланный золотистой плюшевой скатертью, на нем синяя ваза с букетом полевых ромашек; в простенке между окнами широкая этажерка с книгами; на стене — большой лист картона, заклеенный фотографиями; над дверью тикали старенькие ходики с голубым циферблатом и гирькой на серебристой цепочке.

Только эти ходики были старой вещью в этой горнице, старой и непривычной для Кирюхи, он никогда не видел таких часов, а в остальном горница почти ничем не отличалась от городской комнаты. Деревенским в ней было лишь то, что на стене висел заклеенный фотографиями лист

картона: у горожан не принято вывешивать фотографии на стены.

— Есть кто-нибудь? — спросил Олег Александрович.

— Есть, есть, — послышался голос из-за боковой двери, и в горницу вошла седенькая, сухонькая старушка в темном бумазейном платье, в войлочных опорках на босу ногу; в руках она держала наполовину очищенную картофелину и кухонный ножик.

— Здравствуйте, бабуся, — сказал Олег Александрович, — мы по Неману плывем на лодке. Остановились возле ваших Братышей, отдыхаем. Молочка хотим купить, яиц. И насчет одного человека спросить. Что-то у вас в деревне никого нет? А где ж детишки, старики?

— Старики, родненький, поумирали почти все, — просто сказала старушка. — Наша деревня малолюдная, кто в ней остался, тот в лесхозе работает. У кого дети есть, дак малые в яслях круглосуточных, там жа, в лесхозе, а старики в этом... в интернате. По субботам и воскресеньям, правда, все дома. И мои унуки приходят к бабке на пироги. Дочка с мужем тоже в лесхозе, техники.

— А ты это чего с веслом? — вдруг спросила она с улыбкой. — От собак сыночка своего боронить? Дак у нас нету собаки.

— Да нет, — засмеялся Олег Александрович, — мне это весло посылкой послать надо, в Гайновку. У вас здесь почта есть?

— Почта аж в Селибе, — сказала старушка. — По реке километров пятнадцать, а пешшу восемь. Только кто это весло почтой посылает? Смеешься, хлопец!.. Ну, ладно, нехай твой сыночек мне свой бидончик даст, я вам молочка налью.

— Давай, хлопчик, бидончик.

Но Кирюха ее не слышал, он смотрел на фотографии на стене, вернее на одну — это был снимок мальчика в гробу.

Мальчику было лет четырнадцать... Вокруг его беловолосой головы лежали бумажные цветы и еловые ветки, в изголовье на краешке гроба горела свеча...

Кирюхе было дико видеть эту фотографию, он видел мертвых только в кинофильмах про войну и на картинках в книгах.

Старушка заметила, чем поражен Кирюха, и словно тень набежала на ее лицо.

— Не чуешь, детка? — сказала она тихо и взяла бидончик у Кирюхи из рук. — Я зараз...

Вздохнув, она вышла в боковушку и скоро вернулась с полным до краев бидончиком и с маленьким ситом, в котором лежали желтенькие яйца.

— Вось вам молочко и яйца. Есть у вас во что яйки класть?

Олег Александрович прислонил весло к стене, вынул из кармана авоську, стал ее распутывать.

— Спасибо, бабуся. Кирюха, возьми молоко... Сколько с нас?

— Да что ты, что ты! — спохватилась старушка. — Мы не на базаре, что тут платить!..

Олег Александрович, осторожно опуская яйцо за яйцом в авоську, спросил:

— У вас в деревне живет Юзик Боровяк? Мы ему привет должны передать от батьки этого молодого человека. — Он кивнул на Кирюху. — Это, бабуся, не мой сын, он сын своего батьки. В сорок третьем году... — Олег Александрович вдруг осекся. — Что с вами, бабуся? Вам плохо?

Старушка как-то странно смотрела на него и молчала.

— Что с вами, бабуся? — растерянно переспросил Олег Александрович. — Что случилось?

— Снимочек хлопчик на стенке приметил, — сказала она еле слышно. — Дак это и есть Боровяк Юзик... Сыночек мой... Аккурат вы в нашу хату потрафили...

Она жалобно улыбнулась, подошла к стене, дрожащими пальцами погладила фотографию мальчика, спросила с горестным недоумением:

— И кто это его вспомнил через столько лет, как живого? Он же тридцатый год в земельке лежит...

Они тихо сидели за столом, не притрагиваясь к угощению: сыр, топленое молоко в глиняном кувшине и тарелка черники. Все это старушка принесла после того, как они разговорились, рассказали ей, почему они искали Юзика Боровяка.

Старушка, которую звали Людвига Францевна, сказала, что она помнит отца Кирюхи, помнит хлопчика-партизана.

— Он моему Юзичку был ровесник. Господи, конечно, помню!.. Такое дите горькое, и со стрельбочкой, с наганом!.. Стрельбочка у него была невеличкая, карабином называлась. Все мой Юзичек у него просил: «Дай пострелять из карабина...» Я вот смотрю на хлопчика и думаю: это ж такими детьми они были...

«Смотрю на хлопчика» — это она о Кирюхе говорила, смотрела на него с удивлением, потому что теперь ей казалось странным, невозможным, что такие дети, как Кирюха, воевали в партизанах.

— А Юзичек в сорок пятом погиб, после войны. Всю войну его берегла, всю войну!.. Сколько разов он говорил: «Уйду в партизаны!» Не пускала, слезами умоляла... А после войны не уберегла...

Они не торопили ее, не перебивали, не расспрашивали, как и почему погиб ее сын, молча слушали.

— Тут после войны недобитки всякие в лесах хоронились, злыдни, каратели, которые убечь не успели, как фашист отступал. В банду сбились. Сельсоветчиков стреляли, учителек, школы палили. Ну, в сорок пятом годе, осенью, их притиснули, всю банду переловили. А пятеро остались, зарылись в лесу, в глухомани, в землянку подземную, что волки в логово, наскакивали по ночам то в Братыши, то в Гайновку, то в Селибу, лютовали...

Юзичек ничего мне не сказал, что он надумал. Не только мне — никому. Ни батьке, ни сестре, ни хлопчикам соседским. Это мы после узнали, что он надумал, сыночек мой...

Она помолчала, стараясь не заплакать, собираясь с силами: трудно было ей говорить.

— А надумал он их землянку выследить, найти ее в лесу, он хорошо лес знал, все стежки, все тропиночки... Выследить, значит, и заявить властям, где они ховаются. А они его возле той землянки и поймали... Затащили в землянку, измывались, били... А там у них в землянке граната лежала, бонба, на ящике, который заместо стола был... Юзичек изловчился, схватил ту гранату, они и опомниться не успели... Один из нелюдей живой остался, его только поранило в голову, он и рассказал посля, как все было... Юзечку осколками грудь посекло, а личико чистое было, ясное...

Людвига Францевна заплакала, стала утирать платочком покрасневшие глаза.

— Тридцать годочков плачу, так и состарилась в слезах... Мне в ту пору тридцать восьмой год шел, а теперь шестьдесят восьмой... Тольки сыночек мой так хлопчиком и остался... Вы кушайте, детки, кушайте, сырок свеженький, молочко с черницами. Юзичек мой любил... Покушайте!.. А посля, если вы не спешите, я вам могилку его покажу, она тут недалеко, его не на кладбище поховали, а возле деревни, под этим... под обелиском. Там партизаны лежат. Когда его ховали, начальник из района приезжал, молодой, речь говорил, что мой Юзичек герой, банду сничтожил...

Она снова заплакала, негромко, привычно, как плачут матери в безутешном горе.

— Обязательно сходим на могилу,— тихо сказал Олег Александрович и так же тихо обратился к Кирюхе: — Книгу все равно нужно отдать, это ведь поклон от твоего отца... Где она у тебя?

Кирюха вытащил из-за пазухи книгу, положил на краешек стола.

— Мой папа вашему сыну эту книжку послал. Он обещал...— Кирюха немного смешался, запнулся, чувство вины охватило его.— Он не знал...

— Унуки мои прочитают,— улыбнулась сквозь слезы Людвига Францевна,— Лёничек и Стася, дочкины дети... Поклади, сыночек, вон туда, где ихние книжки...

Кирюха поднялся, взял книгу, подошел к этажерке.

...Старые школьные учебники по русскому и белорусскому языкам, по литературе, по алгебре, геометрии, физике, химии. Книги Пушкина, Гоголя, Толстого, Кассиля, А. Дюма, Рэя Брэдбери, на белорусском языке — Янки Купалы, Якуба Коласа, Янки Мавра, Василя Быкова.

Новенький том Марка Твена чуть потеснил старые, зачитанные книги, он ярко выделялся своим корешком,— внуки Людвиги Францевны сразу его увидят, когда придут домой.

«Я этому парнишке, Юзику, и другим деревенским пацанам рассказывал про Тома Сойера и Гека Финна... они и не слышали о книгах, которые я прочел... Братыши были глухой деревней, там до тридцать девятого года, в панской Польше, даже школы не было, не то что библиотеки»,— вспомнил Кирюха папины слова, сказанные тогда, в день отплытия. И Кирюху вдруг пронзило острое неизведанное чувство: никогда не увидит, никогда не возьмет в руки, никогда не прочитает ни одной из этих книг Юзик Боровяк!.. Н и к о г д а!..

Он подорвал себя гранатой, себя и тех, кто не хотел, чтобы он читал книги, которые стоят сегодня на полке в его родной хате. И хотя о Рэе Брэдбери и Василе Быкове он и услышать не мог в те годы, потому что в те годы Василь Быков еще не писал книг, а только-только вернулся с войны, и Рэй Брэдбери в своей далекой Америке еще только задумывал свои прекрасные рассказы о звездах, Юзик Боровяк умер и за их книги. За книги, которые еще не были написаны. И вот его фотография, скорбный снимок мальчика, лежащего в простом сосновом гробу, висит над этажеркой, где стоят эти книги. Но он никогда их не прочитает...

Он ясно представил этого мальчика живым. И отца своего представил, увидел его таким, каким он был на фотографии из семейного альбома: четырнадцатилетний мальчик в домотканой свитке, в больших кирзовых сапогах, с карабином и гранатой. Вот они сидят здесь, в этой горнице, и папа рассказывает Юзику Боровяку про Тома Сойера и Гека Финна... Кирюха не знал, что все это вовсе не та горница, не та хата. Старенькую, трухлявую, подслеповатую хату давно снесли, разобрали на дрова и срубили новую из гулких, звонких, смолистых наднеманских сосен.

Обелиск, к которому привела Олега Александровича и Кирюху Людвига Францевна, стоял под тремя высокими соснами. У его подножия росли алые маки, на белизне пирамидки золотыми буквами были начертаны пятнадцать имен, и последним стояло имя Юзика — «Юзеф Казимирович Боровяк, 14 лет». Последним, потому что он погиб в ноябре тысяча девятьсот сорок пятого года, семь месяцев спустя после окончания войны — он был последней ее жертвой...

Дождик все моросил и моросил, мелкий, почти невидимый, тусклые капли скатывались с кончиков сосновых игл и набегали снова, где-то над рекой печально вскрикивала каня.

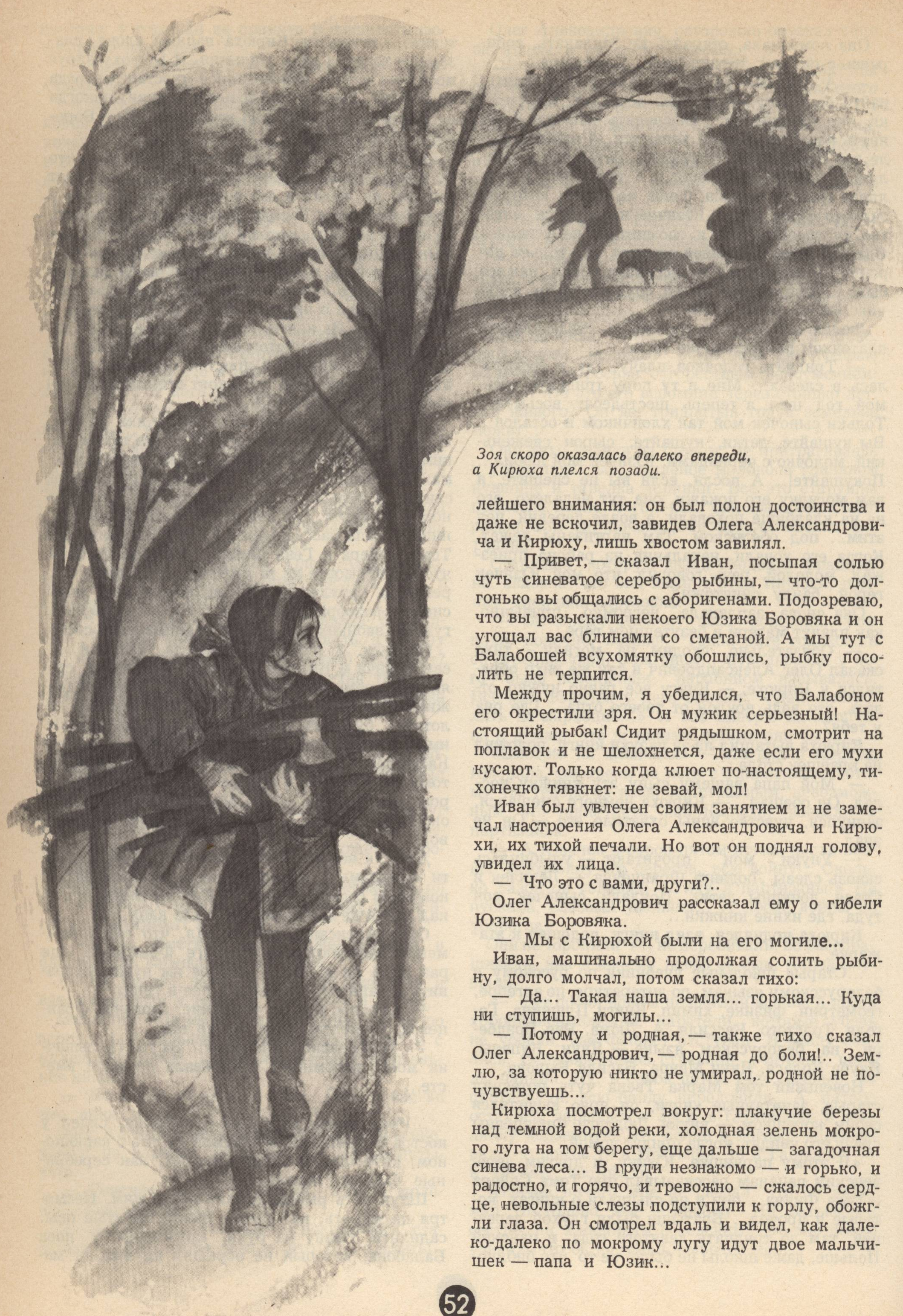
Олег Александрович сказал, что они непременно наведаются к Людвиге Францевне еще раз, ведь он и весло, которое им нужно отправить в Гайновку, оставил у нее в сенях.

— Спасибо вам за угощение, Людвига Францевна. Извините, если что не так...

— Вам спасибо, хлопчики!.. За то, что сыночка моего вспомнили, погоревали со мной вместе...

...Иван давно вернулся с рыбалки, сидел у костра в своей непромокаемой куртке с капюшоном, потрошил и солил круглых, как серебряные блюдца, лещей.

Штук пять рыбин лежали перед ним. Несмотря на морось, над рыбой вились желтые осы, садились Ивану на руки, кружились у носа Балабона, который не обращал на них ни ма-

Зоя скоро оказалась далеко впереди, а Кирюха плелся позади.

лейшего внимания: он был полон достоинства и даже не вскочил, завидев Олега Александровича и Кирюху, лишь хвостом завилял.

— Привет, — сказал Иван, посыпая солью чуть синеватое серебро рыбины, — что-то долгонько вы общались с аборигенами. Подозреваю, что вы разыскали некоего Юзика Боровяка и он угощал вас блинами со сметаной. А мы тут с Балабошей всухомятку обошлись, рыбку посолить не терпится.

Между прочим, я убедился, что Балабоном его окрестили зря. Он мужик серьезный! Настоящий рыбак! Сидит рядышком, смотрит на поплавок и не шелохнется, даже если его мухи кусают. Только когда клюет по-настоящему, тихонечко тявкнет: не зевай, мол!

Иван был увлечен своим занятием и не замечал настроения Олега Александровича и Кирюхи, их тихой печали. Но вот он поднял голову, увидел их лица.

— Что это с вами, други?..

Олег Александрович рассказал ему о гибели Юзика Боровяка.

— Мы с Кирюхой были на его могиле...

Иван, машинально продолжая солить рыбину, долго молчал, потом сказал тихо:

— Да... Такая наша земля... горькая... Куда ни ступишь, могилы...

— Потому и родная, — также тихо сказал Олег Александрович, — родная до боли!.. Землю, за которую никто не умирал, родной не почувствуешь...

Кирюха посмотрел вокруг: плакучие березы над темной водой реки, холодная зелень мокрого луга на том берегу, еще дальше — загадочная синева леса... В груди незнакомо — и горько, и радостно, и горячо, и тревожно — сжалось сердце, невольные слезы подступили к горлу, обожгли глаза. Он смотрел вдаль и видел, как далеко-далеко по мокрому лугу идут двое мальчишек — папа и Юзик...

Неожиданная встреча

Вечерело, дымил костер, низкие тучи все плыли и плыли, сбивались на западе в одну иссиня-сизую громадную тучу, чтобы вернуться мелким, моросящим дождем.

Все трое, подняв капюшоны своих непромокаемых курток, стояли у костра, на котором варился ужин, и смотрели на огонь.

Вокруг костра шнырял Балабон, то и дело отряхивался всем телом и становился все более взъерошенным — точь-в-точь дикобраз. Вдруг он замер, насторожился, уставился на реку... Все тоже стали смотреть на реку и скоро увидели байдарку: она шла вниз по течению, две пары металлических весел поблескивали над водой, стригли темные завитки волн. На траверзе «Аэлиты» байдарка повернула к берегу. В переднем отсеке байдарки сидел мужчина, в заднем — то ли мальчишка, то ли девчонка.

— Разрешите причалить к вашей стоянке? — крикнул мужчина, и в ту же минуту байдарка ткнулась носом в берег, прижалась бортом к «Аэлите».

...Это была девочка лет четырнадцати, кареглазая, смуглая, темноволосая. Она, нисколечко не смущаясь, быстро, деловито перетаскала из байдарки на берег необходимые вещи, помогла своему отцу ставить палатку. Пять минут, и рядом с белым домиком команды «Аэлиты» возник еще один белый домик, только крыша у него была не оранжевая, а ярко-синяя.

Потом, когда они, поставив палатку, подошли к костру и стали знакомиться, девочка приветливо улыбнулась Олегу Александровичу и Ивану, Кирюхе же подала твердую прохладную ладошку:

— Зоя.

Кирюха смутился и назвался несколько неопределенно.

— Кир...

Балабон дружелюбно принял новых знакомых, приветливо вилял хвостом, терся у ног, как кот. Зоя нагнулась к нему.

— Здравствуй, песик! Дай лапу...

И Балабон дал ей лапу, хотя никто никогда не учил его этому!

— Умница! — сказала Зоя. — Хороший!.. Как тебя зовут?

Балабон деликатно высвободил лапу из Зоиной руки, посмотрел на Кирюху: представь, мол, меня, пожалуйста!..

— Его зовут Балабон, — сказал Кирюха.

— Балабон? — весело удивилась Зоя. — Но он совсем не похож на пустобреха!

Она потрепала Балабона по загривку, погладила его по голове, и он зажмурился от удовольствия.

— Давай дров подрубим для костра! — вдруг сказала Зоя. — Я люблю высокое пламя. Где ваш топорик?

Но тут она сама увидела прислоненный к валуну топорик, схватила его и побежала. За ней побежал Балабон, а за ним Кирюха.

Довольно далеко от стоянки они нашли кучу валежника.

Кирюха с невольной завистью смотрел, как ловко и умело Зоя взмахивает топориком, какие у нее точные, сильные удары.

Он почувствовал себя неловко и стесненно.

— Ты из какого города, Кир? — спросила Зоя. — Я из Ленинграда.

Кирюха сказал, что он из Минска, а она сказала, что совсем недавно там была, они с отцом приехали из Ленинграда в Минск поездом, затем автобусом добрались до небольшого городка Раков, через который протекает речка Ислочь; по Ислочи через всю Налибокскую пущу они прошли на байдарке до Березины, а по Березине до Немана. И теперь пойдут по Неману до Неринги.

— Мы тоже идем до Неринги, — сказал Кирюха.

Зоя стала накладывать Кирюхе на руки еловые поленца и хворост. Кирюха с трудом удерживал огромную охапку. Зоя взяла еще бо́льшую охапку, и они двинулись на стоянку, сопровождаемые Балабоном. Однако Зоя скоро оказалась далеко впереди, а Кирюха плелся позади. Руки у него онемели, плечи стали болеть, казалось, что он несет целый пуд металлолома. Когда Кирюха наконец добрался до костра и разжал руки, бросив на землю свою ношу, они долго не разгибались. Никто, правда, не заметил, как уморился Кирюха, только Зоя насмешливо стрельнула глазами.

А в костре уже гудело, трещало высокое пламя, искры, как рой огненной мошкары, устремлялись к тучам и гасли на лету — пылал принесенный Зоей хворост. Все отступили от костра, и лица у всех стали бронзовые, чеканные.

— Кир, — сказала Зоя, — а ты можешь перепрыгнуть через костер?

— Через костер? — простодушно удивился Кирюха. — А зачем? Огонь вон какой высокий!..

— Зачем? — воскликнула Зоя, и глаза ее насмешливо сузились. — А зачем прыгают со скалы в море? Зачем Джомолунгму штурмуют? Зачем по канату ходят?

— Э-гей! Посторонитесь! — крикнула она взрослым, которые стояли по ту сторону костра. — Я прыгаю!

Она отошла от костра еще шагов на десять, разбежалась — и хоп! — прыгнула через пламя. И тут же назад, к Кирюхе. Взрослые засмеялись, захлопали в ладоши. Иван тоже отступил от костра, разбежался и прыгнул сквозь пламя, за ним Олег Александрович, за ним Зоин отец.

А Кирюха стоял, ноги у него стали тяжелыми-тяжелыми, и громко бухало сердце.

Вдруг оно замерло, в груди стало как-то просторно и холодно — Кирюха разбежался, зажмурился и прыгнул! Прыгнул и удивился, что почти не почувствовал жара, лишь на долю секунды стало горячо лицу, и волосы стали горячими. Радостное, ликующее чувство охватило Кирюху, и страха как не бывало.

Зоя схватила его за руку, Иван за другую, все взялись за руки и закружились вокруг костра.

— **Гори, гори ясно,**
Чтобы не погасло!
Веселее гори,
целый мир озари! —

кричали все, кружась вокруг костра. Заливисто, восторженно лаял пес Балабон.

Утихомирившись, поужинали, но не успели помыть миски и ложки, как дождик из мелкой водяной пыли вдруг превратился в частый дождь.

— Пошли в нашу палатку! — Зоя вскочила, потащила за рукав Кирюху, и он вслед за ней нырнул в палатку с небесно-голубой крышей, а все взрослые скрылись в домике с оранжевой крышей.

— Хорошо! — сказала Зоя. — Я люблю вечерний дождь!.. Особенно когда сидишь в палатке!.. Слышишь, он как будто шепчет, сказку рассказывает, баюкает... Но мне совсем спать не хочется. А тебе?

— И мне, — сказал Кирюха.

— Расскажи мне что-нибудь, — попросила Зоя. — Ты каждое лето путешествуешь? Где ты бывал?

— Нет, — честно сказал Кирюха, — я первый раз путешествую. Нигде не бывал... Ну, в Крыму только, с родителями.

Зоя оказалась бывалой путешественницей.

— Я с десяти лет хожу в походы, — сказала она. — С мамой и с папой. Но в этом году мама не смогла, она диссертацию кончает. А по Десне, по Волге и по Карелии мы вместе путешествовали. В Карелии мы были в прошлом году. Знаешь, как там интересно!

— **В Карелии чай с комарами!**
В Карелии день облаками
Завален, как грузчик мешками.
В Карелии резко, свежо
И радостно пахнет дубами,
Березами, хвоей, цветами...
В Карелии ночью светло! —

прочитала она на одном дыхании, без пауз, и только в конце перевела дух: — Представляешь?

— Представляю! — сказал Кирюха. — В Карелии ночью светло!..

И спросил:

— Это ты сама сочинила?

— Ну что ты, я не умею стихи сочинять, — с легким сожалением сказала Зоя. — Это стихотворение поэта Шкляревского. А так хочется иногда самой написать стихи! И про Карелию, а теперь вот про Белоруссию. Мне здесь нравится. Когда мы через Налибокскую пущу плыли, я видела партизанские землянки. И еще мы там в одной деревне с бывшими партизанами познакомились. А ты знаком с партизанами? У вас в Белоруссии их много!..

— Мой папа был партизаном, — сказал Кирюха с гордостью. — Он партизанил здесь!.. В этих местах!

И Кирюха рассказал Зое о папином детстве, пересказал все те истории, которые слышал от папы: и как он был ординарцем командующего партизанским соединением, и как взорвал мост через речку Ислочь, по которой недавно плыла Зоя на своей байдарке, и как в бою возле деревни Нелюбы в голову ему угодил осколок мины, и как он уходил от полицейской погони вместе с командиром отрядной разведки, и как задержал в дозоре переодетого крестьянином фашистского диверсанта. Удивительное дело: все эти истории, которые он выслушивал вполуха, теперь разволновали его самого.

— Знаешь, я завидую таким людям, как твой папа! — сказала Зоя. — Если бы я жила в те годы, я бы тоже ушла воевать — я отчаянная! А ты?

Кирюха промолчал, вспомнил обелиск под тремя вековыми соснами, и его вдруг поразила мысль, что на этом обелиске могло быть написано имя его отца, отчетливо представил золотые буквы на белой стеле: АНДРЕЙ ПИРОЖКОВ, 14 лет... Он весь похолодел от этой мысли.

— А если бы тебя убили? — сказал он каким-то чужим, незнакомым голосом. — Не страшно?

— Меня бы не убили! — беззаботно сказала Зоя. — Смелого пуля боится, смелого штык не берет! Не убили же твоего папу! Нет, я завидую тем, кто сражался в четырнадцать лет!..

— Папу могли убить, — тихо-тихо сказал Кирюха. — И... меня не было бы!.. Ни папы, ни меня... Как нет Юзика Боровяка...

— А кто это? — спросила Зоя. — Юный герой Белоруссии? Партизан, да? А какой он подвиг совершил?

— Он подорвал себя гранатой, — сказал Кирюха, — себя и бандитов. Он жил в этой деревне, в Братышах. Здесь живет его мама Людвига Францевна, мы с Олегом Александровичем были у нее в гостях и на могиле его были... Он был товарищем моего папы. Ну, тогда, во время войны.

И Кирюха рассказал Зое всю историю Юзика.

Зоя притихла, молчала, в темноте палатки тревожно и печально блестели ее глаза. И такой же тревожно-печальной была тишина, и все шуршал, шелестел, шептал дождь, тихонечко повизгивал во сне свернувшийся калачиком в ногах у ребят пес Балабон, что-то ему снилось...

— Я, наверное, глупая, — виновато сказала Зоя. — Получается, как будто я хочу, чтобы была война!.. Я не хочу, Кир! Только я все равно завидую... Твоему папе и этому Юзику. Понимаешь, они себя проявили, а я?.. А мы?..

— Папа говорит, что нужно не завидовать, а просто брать пример, — сказал Кирюха. — А сам шагу не дает ступить самостоятельно! Все время говорит, что я какой-то не такой, но даже

в этот поход не хотел отпускать. И мама тоже.

— Ой, правда! — воскликнула Зоя обрадованно. — Мой дед тоже как начнет, как начнет! Вот, говорит, поколение выросло! Маменькины сынки, маменькины дочки! На всем готовом, белоручки, в школу как на танцы наряжаются, никаких трудностей не знают. А сам папу моего и маму ругает: что вы ребенка в Карелию тащите? Я там воевал, я Карелию знаю! Реки там холодные, опасные, комаров тучи. Вот заболеет ребенок, тогда будете знать!.. Это я-то ребенок! — Зоя рассмеялась, но тут же вздохнула: — А в самом деле, Кир, какое мы поколение? Как узнать, смелые мы, отважные или... никакие?

— Не знаю... — Кирюха тоже вздохнул.

— Кем твой папа стал? — спросила Зоя. — Он не военный?

— Нет, архитектор, — сказал Кирюха.

— А мама?

— Мама работает на телевидении. А кто твоя мама?

— Астроном, — сказала Зоя, — астрофизик. Ее тему даже на искусственном спутнике Земли отрабатывали! А папа инженер по астрономической оптике. Я звездное небо, как свои пять пальцев, знаю. А ты знаешь звезды?

— Я? Нет. Плохо, — признался Кирюха.

— Распогодится, я тебе все звезды покажу! — воскликнула Зоя и вдруг спросила: — Ты в каком месяце родился?

— В августе... А что?

— Я покажу тебе твое созвездие, твой знак зодиака!

— Я знаю, я родился под созвездием Льва, — сказал Кирюха. — Но разве ты веришь в гороскопы?

— Я верю в звезды, — помолчав, серьезно сказала Зоя. — Я их люблю. — И тут же засмеялась: — Но если хочешь знать, — я астролог! Всем нашим девчонкам гороскопы составляю!..

Кирюха недоверчиво засмеялся, и Зоя азартно воскликнула:

— Ты думаешь, это чепуха, да? Если хочешь знать, совсем не чепуха! Луна в миллионы раз меньше звезд, а вызывает океанские приливы и даже земную кору приподымает на целых двадцать сантиметров! Ты знаешь, что в полнолуние и Ленинград, и Москва, и твой Минск становятся чуть-чуть выше?

— А при чем здесь гороскопы? — удивился Кирюха.

— Ты слушай! — еще азартнее продолжала Зоя. — Ты думаешь, на живые организмы Луна не действует? Еще как действует! Почему же ты думаешь, что звезды не воздействуют? Ты слыхал про такого ученого — Чижевского? Он изучал солнечную активность и доказал, что всякие эпидемии на Земле зависят от солнечных пятен. И еще он доказал, что Солнце вообще влияет на всю жизнь, на людей, на то, как они себя ведут. Понимаешь? А солнце разве не звезда? Звезда. А созвездие — это целая группа звезд. Представляешь, как они должны на тебя воздействовать все вместе?

Кирюха озадаченно молчал. Ему было непонятно, шутит Зоя, фантазирует, разыгрывает его или говорит всерьез.

— А под каким созвездием ты родилась? — спросил он. — Ты свою судьбу знаешь?

— Я? — Голос у Зои стал таинственный. — Под созвездием Скорпиона!.. Рожденный под созвездием Скорпиона — человек скрытный и коварный, а в женщинах живут демоны!..

— Врешь ты все! — сказал Кирюха. — Какие еще демоны?

— Демоны как демоны, — засмеялась Зоя, — разве ты не слышал такого выражения — «демоническая натура»?

Полог палатки отпахнулся, в нее, пригнувшись, кто-то вошел, спросил весело:

— Кто это здесь демоническая натура? Ты, Зой?

— Папа? — откликнулась Зоя. — Ты хочешь лечь, да?

— Всем пора ложиться, — сказали в ответ. — Одиннадцатый час.

— Спокойной ночи, Кир, — сказала Зоя, — до завтра!..

— Спокойной ночи!..

Кирюха вздохнул и пошел в свою палатку, лег на надувной матрас.

— Понравилась тебе Зоя? — спросил в темноте голос Олега Александровича. — По-моему, боевая девчонка!

— Ага! — раздался бас Ивана. — Держись, юнга! Не оплошай!

Кирюха молчал. Он не мог сказать, понравилась ему Зоя или не понравилась. Просто с Кирюхой никогда не бывало, чтобы он не стеснялся, не робел, не чувствовал себя скованным и глупым, разговаривая с девочкой. А с Зоей ему было легко, только чуть тревожно. Но это была какая-то счастливая тревога.

— Между прочим, — сказал Олег Александрович, — завтра вы с Зоей останетесь в лагере одни. Ее отцу нужно позвонить в Ленинград, а Ивану в Минск. Мы втроем с утра отправимся в лесхоз: там, наверное, есть отделение связи. Я тоже позвоню в Минск, в частности твоим родителям. Что им передать? Ты доволен? Тебе хорошо?

— Доволен! — сказал Кирюха. — Хорошо!

Скоро все уснули, а Кирюха долго лежал с открытыми глазами, и ему казалось, что сквозь брезентовый потолок палатки просвечивают звезды... Из созвездия Льва...

Дождь кончился, и Кирюху разбудило солнце. Его лучи, как длинные золотые спицы, пронзали марлю, которой было забрано оконце палатки, щекотали Кирюхины ресницы. Он открыл глаза, но тут же зажмурился.

«Как хорошо! — подумал Кирюха. — Как все здорово!»

И тут за палаткой послышался голос Зои:

— Кир, хватит валяться! Уже восемь часов, все давно ушли. Вставай, Кир, вода в реке — чудо!

Кирюха не откликнулся, и, немного погодя, Зоя приподняла полог палатки:

— Вставай, Кир!

Кирюха притворился спящим, его прекрасное настроение улетучилось. Каково признаваться да еще девчонке, что ты не умеешь плавать?!

— Вот соня! — сказала Зоя и позвала: — Балабон, Балабоша, иди сюда, разбуди Кира!

Балабон тут же юркнул в палатку, трижды ткнулся влажным холодным носом Кирюхе в лицо и звонко пролаял над самым ухом:

— Гав! Гав! Гав!

Кирюха сонно открыл глаза, сел и тяжело вздохнул.

— Доброе утро...

— Притворяка! — сказала Зоя. — Ты ведь не спал. Зажмурился, а ресницы дрожат! У спящих так не бывает. Ведь не спал, правда?

— Не спал... — уныло согласился Кирюха.

— Лентяй, — сказала Зоя, — лежебока! А ну-ка пошли купаться! Вода мигом взбодрит.

Зоя отошла от костра, разбежалась — и хоп! — прыгнула через пламя.

— Я не могу... — снова тяжело вздохнул Кирюха. — Я... я потом...

— Почему? — не отставала Зоя. — Плохо себя чувствуешь?

Кирюха низко опустил голову.

— Я... плавать не умею, — выдавил он угрюмо, — а здесь глубоко.

Зоя, конечно, удивилась, но удивилась както необидно для Кирюхи.

— Не умеешь плавать? Вот это да! Ладно, вставай, — сказала Зоя. — У меня спасательный жилет есть. Морской! Наденешь его — лучше меня поплывешь. Вставай!

Она опустила полог палатки, оставила Кирюху одного. Он вскочил, снова стало легко и весело. Как все просто с этой Зоей!

Она сама надула жилет, помогла Кирюхе надеть его, и они пошли к реке. Вода была, как стекло, без единой морщинки на чуть выпуклой синевато-зеленой глади.

— Прыгай, Кир! — сказала Зоя. — Прыгай, не бойся! Оп-ля!

Она нырнула — стремительно и почти бесшумно. Ни всплеска, ни брызг — только широкие круги пошли по зеркалу воды и чуть покачнулась потревоженная невидимой волной «Аэлита». Покачнулась и замерла, и круги на воде пропали — речная гладь снова казалась неподвижной. А Зои все не было! Не было и не было! Вот уж воистину канула в воду!.. Кирюха похолодел, ему стало жутко. И пес Балабон обеспокоенно смотрел на воду. И время от времени посматривал на Кирюху. Кирюха с ужасом огляделся вокруг — никого! И, едва не закричав от страха, он плюхнулся в воду, вдребезги разбил зеркальную гладь, замахал руками, замолотил ими, подымая фонтаны брызг. Он пытался нырнуть, чтобы высмотреть, где же Зоя, но спасательный жилет выталкивал его на поверхность, как пробку. Кирюха глотнул воды, еще больше испугался, таращился во все стороны и ничего не видел, кроме солнечных бликов... И тут...

— Э-гей, Кир! — весело и звонко крикнула Зоя. — Плыви сюда, здесь мель! Подводный остров!

Она была почти на середине реки, махала ему рукой. Но Кирюха, увидев, что ничего с ней не случилось, как-то сразу устал от пережитого только что страха и неуклюже поплыл к берегу. Он заплыл довольно далеко и только теперь почувствовал силу и быстроту течения. Пока он доплыл до берега, его снесло еще дальше, и берегом он брел к «Аэлите» минут десять. Зоя уже сидела на бережку, дурачилась с Балабоном.

— Ну как? — беззаботно спросила она. — Хорошо, правда? Неман — сильная река! Вон куда тебя снесло.

Кирюха молча сел на траву. Его немножко мутило, в ушах стоял звон. И почему-то злил беззаботный Зоин голос.

— Ой, какой ты бледный? Что с тобой, Кир? Наглотался воды, да?

— Наглотался, — хмуро сказал Кирюха, — а ты больше так не делай!..

— А что я сделала? — удивилась Зоя.

— Я думал, ты утонула. Тебя знаешь, как долго не было? Целых десять минут!.. Я... испугался... — Голос у Кирюхи упал. — Ныряю, ныряю, а тебя нигде нет...

— Десять минут? — Зоя изумилась, брови у нее стали крутыми дугами, глаза широко раскрылись. — Каких там десять минут? Я по счету ныряю: сосчитаю до двадцати и выныриваю. Ну, иногда до тридцати.

Кирюха молчал и смотрел на реку.

— Скажешь тоже, десять минут! — оправдывалась Зоя. — Это только ныряльщики за жемчугом могут, я в журнале «Вокруг света» про них читала. Они до двенадцати минут находятся под водой. А вот индийский йог, наверное, смог бы и целый час продержаться! Как ты думаешь, смог бы?

По-видимому, она была болтушка, эта Зоя, все тараторила и тараторила. Но тут она увидела, какое у Кирюхи обиженное лицо, и голос у нее стал виноватым:

— Ты не сердись, Кир, я ведь не хотела тебя пугать. Честное пионерское!.. А ты смелый! Сразу на выручку бросился, хотя и плавать не умеешь.

И как только она сказала, что вовсе не нарочно так долго была под водой, что вовсе она не задавалась своим умением нырять и плавать, и сказала, что он смелый, — у Кирюхи загорелись от радости уши. Он смутился этой своей радости и от этого слова «смелый» смутился, пробормотал сконфуженно:

— Подумаешь, бросился... Я ведь в жилете...

Они встали и пошли к валуну, где тлел костер. Зоя сказала, что пора завтракать.

Подбросили в костер сучьев, вскипятили чай, а Балабону сварили гороховый суп из концентрата. Балабон за дни похода сделался еще более пушистым и шустрым, глаза у него сияли, с морды не сходил довольный оскал — очень ему нравилась загородная жизнь и компания была по душе.

— Какой добрый пес! — Зоя ласково потрепала Балабона по загривку. — Просто чудо! А он чей? Твой?

— Олега Александровича. — Кирюха почему-то вздохнул.

— А я думала, твой! — Зоя снова потрепала Балабона по загривку. — Вы похожи. Только ты не сердись! — Она предостерегающе подняла руку. — Я читала, что каков хозяин, такова и собака. Ты посмотри! — Зоя ухватила в горсть шерсть на загривке Балабона, повернула его голову к Кирюхе: — Такой же курносый!

Она засмеялась, а Балабон деликатно высвободил голову, виновато посмотрел на Кирюху и застенчиво вильнул хвостом: вот, мол, балаболка!..

И вдруг Балабон насторожился, приподнялся на передние лапы, поднял торчком правое ухо: где-то вблизи зафыркала машина.

Это был «газик»; он выскочил из-за пригорка, за которым скрывалась деревня, подкатил чуть ли не к самым палаткам и остановился. «Газик» был весь заляпан засохшей грязью, клешни почему-то работающих «дворников» размазывали по ветровому стеклу мутные пятна; такими же мутными, белесо-желтоватыми пятнами казались сквозь стекло лица сидящих в кабине людей: один из них держал руки на баранке руля, второй сидел рядом. Он был в шляпе, тот, второй.

Замолк мотор, замерли клешни «дворников», водитель «газика» вылез из кабины и, оставив дверцу открытой, направился к ребятам. У Балабона шерсть сразу поднялась дыбом, он вскочил, оскалился и глухо зарычал на незнакомца.

— Сидеть, Балабон! — приказала Зоя. — Сидеть!

Балабон сел, стал бить по земле напряженным хвостом, продолжая глухо рычать: очень ему не понравился незнакомец.

Он был невысокого роста, в стеганых ватных

штанах и в засаленной телогрейке, в грубых кирзовых сапогах — совсем не по-летнему одет, только без шапки. Волосы у него были жиденькие, прилизанные, а лицо все в мелких морщинах, как печеное яблоко.

— Здрасьте, — сказал Печеное Яблоко и показал в улыбке мелкие, как семечки, желтовато-серые от никотина зубы. — Здрасьте, мальчики-девочки, юные пионерчики! А где вашши папашши-мамашши? Рыбку удют?

Узнав, что ребята одни, Печеное Яблоко вытащил из кармана штанов измятую пачку сигарет «Прима», выколупнул из нее черным, блестящим от мазута пальцем сигарету, сунул в рот и нагнулся к костру за головешкой, покосился на сдержанно рычащего Балабона, который не сводил с него настороженных глаз.

— Значит, говорите, вашши папы-дяди ушшли в лесхоз? — Он прикурил от головешки, бросил ее в костер. — Ну что жь, это даже хорошшё! — Печеное Яблоко не шепелявил, а как-то удваивал «ш» и «ж», шипел. — Место вы, понимаешшь, чужжёе заняли, тут я завсегда рыбку беру. Очень удобное место. Ну, да ладно, помиримся. Я ее сегодня быстро возьму: бах, и в кошшик!.. Байдарочку одолжжите?

Печеное Яблоко остановился возле байдарки, попинал ее сапогом, как шоферы обычно пинают скаты, проверяя, не спустило ли. Попинал и махнул рукой второму, который сидел в кабине «газика»: давай, мол, сюда!.. Человек в шляпе вылез из кабины, в руках у него было широкое плетеное лукошко, картофель в такие собирают. Он прошел мимо костра, словно бы и не видя ребят, грузный, надутый какой-то, в кожаном пальто и тоже в сапогах, хромовых, приспущенных «гармошкой».

Подойдя к Печеному Яблоку, Грузный о чем-то посовещался с ним, и Печеное Яблоко стал спускать байдарку на воду, спустил, забрался в нее, и тут Грузный передал ему лукошко.

— Я не разрешала вам брать байдарку! — крикнула Зоя. — Немедленно вернитесь!

Печеное Яблоко только помахал ей в ответ, а Грузный словно бы ничего не видел, стоял, как чугунная тумба в шляпе. Но вот он сунул во внутренний карман пальто руку и вынул что-то похожее на толстую стеариновую свечу — на верхнем кончике этой свечи был красный ободок, а в тыльную часть был вставлен короткий черный шнур. Держа свечу в правой руке, Грузный левой рукой вынул из кармана брюк зажигалку, щелкнул ею и поднес лепесток пламени к кончику шнура — шнур загорелся без дыма, как палочка бенгальского огня. И в следующий миг Грузный швырнул свечу в реку!

А Кирюха и Зоя все еще ничего не понимали, лишь Балабон припал к земле и прижал уши: почуял, что сейчас произойдет взрыв!.. Но в реке не рвануло, а глухо ухнуло, водная гладь вздыбилась горбом, горб этот тут же опал с тяжелым плеском, и вода запестрела белыми брюшками рыб... Это была мелкая рыба, плотвички, красноперки, пескарики, лишь два-три крупных окуня колыхались среди них.

Печеное Яблоко, маневрируя на байдарке поперек течения, подобрал окуней и бросил в лукошко.

— Ерунда, Пал Ваныч! — крикнул он Грузному. — Одна мелкота! Пройдите нижже, надо в старый омут кинуть! За тем плесом, знаете? — Он указал рукой вниз по течению. — Можжет, сома подымем!

Грузный отрицательно замахал ему руками, натужно закричал в ответ надсаженным, хрипатым голосом:

— Эт-то!.. Тут еще кинем!.. Под коряги!.. — Лицо у него стало багровым от крика. — Эт-то!.. Подгони под берег!..

— Вы браконьеры! — отчаянно подступила к Грузному Зоя. — Как вам не стыдно?! Вы!.. Вы губите мальков!

Грузный небрежно, тем жестом, каким убирают ветку дерева, мешающую пройти, отстранил Зою, цыкнул на Балабона, хватавшего его за полы, зыркнул на Кирюху равнодушно-злыми буркалами.

— Это-то!.. Брысь отсюда!

И он вытащил из кармана новую свечу с черной змейкой шнура.

— Вы!.. Вы бандиты! — полным яростных слез голосом крикнула Зоя.

А Кирюха, как завороженный, смотрел на толстую белую свечу в руке у Грузного, смотрел, как он подносит к черной змейке шнура пламя зажигалки, и сердце у Кирюхи бухало тяжело и громко, как тогда, когда он собирался впервые в жизни прыгнуть через костер, и ужас охватывал его, как тогда, когда ему показалось, что Зоя утонула, — слепой душный ужас!.. Но еще не понимая, не осознавая, что он собирается сделать, Кирюха рванулся к Грузному и вырвал у него свечу!.. Она была чуть шершавая на ощупь — и впрямь стеариновая свеча, хотя это была не свеча, а взрывпакет!.. Бикфордов шнур шипел совсем нестрашно — точь-в-точь как палочка бенгальского огня.

— Бросай!!! — рявкнул Грузный и плашмя повалился на землю.

Кирюха увидел белое — одни огромные глаза на нем! — лицо Зои, увидел, как она схватилась обеими руками за голову, словно уши зажимала, увидел прижавшегося к ее ногам Балабона, оглянулся и отбросил свечу в сторону палаток. И в тот же миг в лицо ему ударила горячая тугая волна воздуха, щеки и лоб обожгло, как искрами. Что-то где-то звенело — на одной тоскливой ноте. Как будто комар ныл. Кирюха не понимал, что этот звон — у него в ушах, стоял и смотрел на Зою, которая медленно-медленно опускала руки, проводила ими по лицу, словно невидимую паутину с него снимала, смотрел на Балабона, который все еще жался в страхе к ногам Зои, на лежавшего ничком Грузного, на стремительно плывущую к берегу байдарку, — Печеное Яблоко греб изо всех сил, что-то орал, но Кирюха ничего не слышал, кроме тоскливого комариного звона.

Но вот Грузный перевернулся с живота на спину, сел, ошалело уставился на Кирюху, стал

шарить вокруг себя растопыренной пятерней, нашарил какой-то сук, с трудом стал подыматься. Ткнулась носом в берег байдарка, из нее с лукошком в руке выпрыгнул Печеное Яблоко, бросился к Грузному.

— Шшё? Шшё, Пал Ваныч? Шшё? Вы целые? Целые вы?

— Эт-то!..— прохрипел Грузный.— Помоги встать!..

Печеное Яблоко бросил лукошко, помог Грузному подняться, суетливо и вертляво бегая вокруг него.

— Зашибу! — сказал Грузный и двинулся на Кирюху, сжимая в руке сук.

Из ушей Кирюхи словно пробки вынули, в них ворвался и хриплый голос Грузного, и лай Балабона, и перепуганно-веселый какой-то голос Зои: — Взять, Балабон, взять!

— Щенки-и-и! Малахольные! — завопил Печеное Яблоко.— Я сичас машиной подавлю весь ваш табор! Тут Пал Ваныч хоззяин!.. Понаехали тут, туррисгы! — Он нагнулся в поисках какой-нибудь палки, не нашел и схватил камень, взвизгнул: — Держжи собаку!

А Балабон свирепел, бесстрашно наскакивал то на Грузного, то на Печеное Яблоко, захлебывался лаем и рычанием, уворачивался от взмахов сука, и от камня увернулся, еще свирепее стал бросаться на браконьеров. Но все-таки их было двое, двое взрослых разъяренных негодяев, и они наступали!.. И неизвестно, чем бы окончилась эта схватка, если бы вдруг не закричала Зоя:

— Идут! Идут! Наши идут! Папа и Олег Александрович! И дядя Иван! Вон они, Кир! Видишь? Там, за соснами! Они по берегу идут!

Сложив ладони рупором, она закричала что есть мочи:

— Папа-а-а! Папа-а-а! Скорей сюда-а-а! На помощь! — И побежала в ту сторону, в которую указывала Кирюхе, продолжая кричать: — Пап-а-а! Папа-а-а!

Грузный и Печеное Яблоко переглянулись и, ругаясь, стали отступать к «газику», отбиваясь ногами от Балабона.

Вот они забрались в кабину. Стукнула дверца. Заработал мотор. «Газик» рванулся вперед, на палатки, тут же дал задний ход, снова подался вперед, круто развернулся и помчался.

Балабон припустил за «газиком», он бежал сперва позади, затем приналег изо всех сил, поравнялся с левым передним колесом, бешено облаивая его. И тут «газик» вильнул влево. И лай Балабона оборвался внезапно и страшно. Только хрястнуло что-то под колесом. В следующее мгновение «газик» скрылся за пригорком. А в траве осталась лежать груда лохматой шерсти...

К Кирюхе подбежала запыхавшаяся Зоя:

— Я... их... обманула!.. Они... испугались..: да? А где... Балабон?

— Что? — оторопело спросил Кирюха и механически повторил Зоин вопрос: — А где Балабон?

Он все еще ничего не понимал. Там, на пригорке, лежит Балабон? Но почему он лежит так неподвижно? Страшно неподвижно, хотя ветерок и шевелит его черную лохматую шерсть...

Но Зоя все уже поняла, осторожно тронула Кирюху за руку.

— Пойдем посмотрим...

Пасть у Балабона была мучительно оскалена, глаза остекленели, передние лапы судорожно скрючились... Ребята молча смотрели на него, и им казалось, что это вовсе не Балабон, что он вот-вот выбежит из-за пригорка...

— Ты не запомнил номер? — нарушила молчание Зоя.

Кирюха не понял: номер? Какой номер?.. Он покачал головой, машинально.

— Я тоже не запомнила,— тихо сказала Зоя.— Растерялась. Но я запомнила их! — Глаза ее сузились.— Я их и через сто лет узнаю!

Она посмотрела на Кирюху.

— Ой, Кир, у тебя все лицо... исцарапано...

И как только она произнесла эту фразу, Кирюха почувствовал, что у него саднит, горит все лицо, провел по нему рукой, увидел на ней кровь, и ноги у него сразу ослабли, стали как ватные, голова закружилась.

— Кир! — Зоя бросилась к нему, обхватила его руками, не давая осесть на землю.— Не бойся! Кир, миленький, не бойся! Это царапины!..

Она помогла ему добрести до палаток, усадила возле тлеющего костра, бегом принесла из своей палатки пузырек с йодом и смазала Кирюхе все его царапины и ссадины — следы брошенных ему в лицо взрывом песчинок, сучков, мелких ошметьев самого взрывпакета.

— Ну вот,— сказала она ласково, как маленькому, голос у нее был взрослый, материнский,— ну вот, все в порядке. И ничего страшного. И ничего уже не болит.

Кирюха молчал, голова у него все кружилась и кружилась, в ушах снова ныл комар, Зоины слова доходили словно издалека...

Когда вернулись взрослые, они прежде всего вытаращили глаза на Кирюхину физиономию:

— Что за вождь краснокожих?!

Но Кирюха и к их возвращению все еще не пришел в себя — рассказывала обо всем Зоя. Она рассказывала, и лица у взрослых мрачнели, а когда она дошла до того, как Кирюха вырвал у Грузного взрывпакет, Олег Александрович побледнел, бросился к Кирюхе:

— Ах ты, беда какая! Да тебя контузило, видно!.. Голова кружится? Тошнит? Ты меня слышишь? А, Кирюха? Как же это ты!..

Если бы Кирюха знал, как же это он!.. Все, что случилось недавно, казалось ему сном. Он и не думал, что совершил смелый поступок. До сих пор еще все холодеет внутри, сжимается в комок, глаза застилает жуткий черный свет, когда вспоминаешь тот миг!.. Миг, когда шипел, как палочка бенгальского огня, черный бикфордов шнур... Миг взрыва... Страшно!..

— Ведь тебя могло убить, дурень ты этакий! Герой нашелся!..— Олег Александрович стиснул Кирюхины плечи.

А Иван хмуро проворчал, что глупо было бро-

саться на браконьера, как на дот, разумнее было бы запомнить номер «газика». И Зоин отец сказал, что нужно было запомнить номер, что Кирюхин поступок был безрассудный. Ведь даже подумать страшно, чем это могло кончиться!

И тут на взрослых гневно закричала Зоя:

— Как вам не стыдно?! Это были бандиты! Бандиты, понимаете?! Они... мерзко ругались! — У нее перехватило дыхание, в глазах сверкнули слезы. — Кир — герой, а вы!.. Вы на него!.. Он... он как Юзик Боровяк поступил!.. Он пионер!..

...Вечером Кирюха увидел маму.

— Какая красивая!.. — шепотом сказала Кирюхе Зоя. — Просто прелесть!..

А Кирюха ужасно волновался, как будто видел маму на телеэкране впервые в жизни. Он сидел рядом с Зоей на деревянном широком табурете в горнице у Людвиги Францевны, смотрел на экран, и даже коленки у него прыгали от волнения: он ждал! Ждал, когда мама посмотрит только на него, поздоровается с ним условленным жестом: помашет незаметно правой рукой. И улыбнется только ему. Об этом она условилась сегодня утром с Олегом Александровичем по телефону, когда Олег Александрович звонил в Минск из лесхоза.

Мама выговаривала какому-то сердитому человеку в очках, что в зонах загородного отдыха трудящихся в продаже не хватает безалкогольных напитков и мороженого, а сердитый сердито оправдывался и заверял, что в ближайшие дни положение изменится.

— Вот и прекрасно, — сказала мама и улыбнулась. — Только непонятно, почему вы сердитесь?

И сердитый тоже ей улыбнулся, правда, кисло и сказал, что он не сердится. Мама обратилась к другому человеку, в кителе с орденскими колодками, стала расспрашивать его, какие в этом году открылись новые туристские маршруты, как налажен быт на турбазах, и заметила, между прочим, что сейчас в туристском лодочном походе находится ее сын. И в этот момент ее показали самым крупным планом, мамино лицо заполнило собою весь экран, и она слегка помахала правой рукой. И улыбнулась. И поздоровалась с Кирюхой глазами. Опустила и подняла веки: «Здравствуй!» Передача шла еще минут десять, а потом на экране снова осталась одна мама и быстро сказала:

— Очередное заседание «Клуба деловых людей» окончено. Вела заседание Антонина Пирожкова.

Телевизор выключили, и Людвига Францевна, внимательно разглядывая Кирюху, так, словно впервые его видела, сказала уважительно, что он похож трошки на эту пригожую женщину, которая только что выступала.

— От чуды какие пошли на свете!.. Увидел мати аж из такой далечыны, это ж надо!.. — Она помолчала и пригорюнилась: — Юзичек мой как бы радовался телевизору!.. Так ничего, окромя войны, и не увидел...

Потом она потчевала всех молоком и говорила, что, судя по описанию, те два злыдня, которые нынче утром глушили рыбу, из-за которых лицо посекло хлопчику, — это Баркун Микола и Михась Шидлюк, что их надо искать в Селищах, там они работают в какой-то конторе. Баркун — начальником, а Шидлюк у него шофер. Они часто сюда наезжают, невпервой глушат рыбу — хорошо бы их прижучить, злыдней!..

— А Селища вам как раз по дороге будут. Они за островом. Остров большой, пригожий, в пригожем месте. Там Щара в Неман впадает, и вода там широкая, что тебе море, а на острове дубы растут — целый дубовый гай.

Взрослые продолжали разговаривать с Людвигой Францевной, а Кирюха и Зоя вышли из хаты на крыльцо.

— Какой ты счастливый, Кир, — тихо сказала Зоя. — И я тоже счастливая!.. — Она засмеялась тихонько. — А знаешь, почему? Потому, что я узнала тебя!.. Правда!.. А когда я увидела твою маму, я еще больше тебя узнала. Она очень добрая, умная и очень хорошая! И ты тоже хороший и добрый... И смелый!.. Бежим к реке?

И Зоя внезапно спрыгнула с крыльца и помчалась. А Кирюха с минуту стоял ошеломленный, счастливо растерянный.

Он догнал Зою там, в лагере, у реки. Подошел к ней, стал рядом. В реке отражалось звездное небо, у самой береговой кромки мерцали тельца мертвых мальков. И плетеное лукошко стояло на берегу, кошик, как говорят в Белоруссии, и в этом кошике лежали два окоченелых окуня. И где-то далеко-далеко за рекой печально лаял пес. Лаял и подвывал в тоске...

Кирюха молчал. Как выразить свою ненависть к людям, которые могут раздавить собаку, которые ругаются отвратительными словами — как будто плюют тебе в лицо, плюют на березы, на сосны, на реку, на звездное небо!.. Как хорошо жить! И как трудно...

Кирюха вздохнул тяжело-тяжело. Он не мог, не умел сказать Зое, что он чувствует. И когда снова далеко за рекой пролаял пес, печально подвыл и умолк, Кирюха сказал только:

— Жалко Балабона...

— Не надо, Кир, — тихо откликнулась Зоя. — Не надо, а то я заплачу. Лучше посмотри на небо. — Она взяла его за руку. — Видишь, вон там, справа, три яркие звезды? Это и есть Лев, твое созвездие. Самая яркая его звезда называется Регул. Видишь, он бело-голубой. А в «хвосте» Льва самая яркая звезда — Денебола. А вон та оранжевая звезда называется Арктур. А эта красноватая — Антарес. Она в моем созвездии, в Скорпионе. А треугольник видишь? Вот этот? Его образуют Вега, Денеб и Альтаир. Он так и называется — Летний Треугольник. Он служит вехой навигаторам... Вега красивая, правда? — Запрокинув голову, Зоя смотрела прямо в зенит. — Немая Вега...

— Почему немая? — Кирюха тоже смотрел прямо в зенит, на голубоватую, похожую на громадную каплю росы звезду.

— Так ее Блок назвал, — сказала Зоя и продекламировала звучные и таинственные, как само звездное небо, стихи, которых Кирюха никогда не читал и не слыхал:

О, край небес — звезда Омега,
Весь в искрах, Сириус цветной,
Над головой — немая Вега
Из царства сумрака и снега
Оледенела над землей.

— Сириуса сейчас вообще не видно, — сказала Зоя. — В наших широтах он светит зимой, ранней весной и осенью. Между прочим, Сириус — главная звезда в Большом Псе. Созвездие далеко на юге, как будто Большой Пес от нас туда убежал... Жаль, что мы его не видим, это очень красивое созвездие...

Она помолчала, грустно улыбаясь звездам, а потом сказала тихо:

— Бросай!!! — рявкнул Грузный и плашмя повалился на землю.

— Знаешь, для меня теперь Большой Пес — это наш Балабон. Он не погиб, он убежал от нас к звездам, правда?..

И еще она сказала то, о чем недавно, только что, думал Кирюха, сказала о тех двоих, кого Людвига Францевна назвала злыднями:

— Почему бывают такие плохие люди? Такие жестокие дураки?

— Мы их найдем! — горячо сказал Кирюха. — Мы!..

Он хотел сказать еще что-то, но тут в реке всплеснула какая-то большая рыба. Звезды заколыхались на тихой волне, задрожали мириадами огоньков и потонули в темной воде, как искры в небе. Кирюха и Зоя замерли и, держась за руки, смотрели на реку долго-долго... ★

К 70-летию со дня рождения Льва Кассиля

Судьба его книг прекрасна!

Вот уже пять лет мы не слышим его голоса, не видим его в школах, в домах пионеров. Но жизнь его продолжается в книгах! А судьба произведений Льва Кассиля удивительна и прекрасна!

Великое счастье писателя, когда книги его знают все, для кого они написаны, когда знают героев его произведений так, будто это герои не литературные, а люди, существовавшие или существующие в самой что ни на есть реальной жизни.

И правда... Трудно отыскать мальчишку или девчонку, которые не читали и не любили бы его книги «Кондуит и Швамбрания», «Вратарь республики», «Черемыш — брат героя», «Дорогие мои мальчишки», «Великое противостояние», «Ранний восход», «Чаша гладиатора»...

Помню, как после одного из спектаклей московского ТЮЗа, созданного по повести Льва Кассиля «Будьте готовы, Ваше Высочество!», окрыленной высокой темой интернационального братства, юные зрители обступили Льва Абрамовича — они просили писателя о том, чтобы и герои других его книг тоже пришли на сцену. И тут я еще раз убедился: ребята сдружились с благородными рыцарями, бескорыстными, смелыми и находчивыми людьми, которые действуют, борются за счастье людей на страницах кассилевских произведений.

Лев Кассиль был мечтателем, романтиком... Мечтал он о том, что непременно должно прийти к людям и сделать их очень счастливыми. Именно об этом его книга «Про жизнь совсем хорошую». Она о нашем коммунистическом завтра!

И вас, дорогие ребята, Лев Кассиль растил гражданами этого прекрасного завтра. Он звал вас к таким свершениям, одухотворял такими мечтами, такими высокими стремлениями, воспитывал в духе таких идеалов, которые необходимы человеку коммунистического будущего.

Лев Кассиль был другом Владимира Маяковского. Он называл Маяковского трибуном за нерасторжимость его таланта и революционного пафоса, за искусство общения с читателем не только через книги, но и лично. Кассиль и сам был писателем-трибуном. Мы навсегда запомнили его голос: добрый, когда речь шла о друзьях, о родной стране и литературе, гневный, когда речь шла о недругах. Голос патриота, борца, воспитателя...

А воспитывал он не только тех, кому в первую очередь адресовал свои книги, то есть юных читателей, но и нас, младших собратьев по перу.

Недавно состоялось VI Всесоюзное совещание молодых писателей. Среди писателей, руководивших совещанием, было много кассилевских воспитанников. При его заботливом участии прошли эти литераторы путь от учеников до учителей... Это он убедил их в том, что писать для детей почетно и ответственно, что званием детского писателя надо гордиться. По сути дела, почти все послевоенное

Лев Абрамович Кассиль работает.

поколение детских и юношеских писателей ощутило на себе доброту и взыскательность Льва Абрамовича, обогатилось бесценным богатством его опыта.

Спасибо ему!..

Анатолий АЛЕКСИН,
лауреат Государственной премии РСФСР имени Н. К. Крупской и премии Ленинского комсомола

Твои хорошие друзья

Появилась на свет отличная книжка, и я хочу о ней рассказать. Название ее знакомо читателю «Пионера» со стажем. Те, кто выписывал наш журнал в 1973 году, помнят, наверное, повесть **«Жизнь и мечты Ивана Моторихина».** Помнят они и автора ее — ленинградского писателя Александра Алексеевича Крестинского.

Иван Моторихин — это деревенский мальчик, твой современник и твой ровесник, неугомонная, боевая душа. И в то же время очень чуткая душа, и, как мы узнаем из повести, душа очень ранимая... То везло в жизни Ивану Моторихину, а то вдруг как не повезет!.. Навстречу врагам своим и горестям всегда старается шагать Ваня с высоко поднятой головой. Но, оказывается, как это нелегко бывает! Про это в повести написано очень правдиво и точно! Много здесь страниц по-настоящему грустных, и много страниц по-настоящему веселых... как говорится, до слез.

В книжке Крестинского есть и еще одна повесть — «Штиблеты для дедушки». Она про необыкновенного, огромного, очень добродушного и очень мудрого старика. Старик умел чинить всякий кухонный скарб — керосинки, кастрюли, сковородки, примусы... Тебе, наверное, странновато сейчас читать про починку примусов и керосинок. Но история, про которую рассказывает писатель, произошла до войны, то есть очень-очень давно. Читаешь повесть, и сам будто взрослее становишься, будто вспоминаешь, как жили тогда, до войны. Хотя ты ни одного дня там не жил. Ты даже еще тогда не родился!.. Ты всматриваешься в людей, про которых говорит Александр Крестинский. Они стоят перед тобой как живые, как знакомые. Читаешь

повесть и понимаешь, что все здесь чистая правда!

Еще в книге есть несколько рассказов. Они о войне, о ребятах, которые жили в блокадном Ленинграде. Все мы знаем, каким был тогда этот город — холодным, голодным... Но ленинградцы выстояли и победили!

Так пишет Александр Крестинский. И это тоже чистая правда.

С. ИВАНОВ

Джеймс РИВЗ

О чем поет река?

Несется куда-то река
И лодочку нашу качает.
О чем-то река напевает
На дудочке из тростника,
О чем — я не знаю пока.

Ах лодочка, милый наш дом,
Куда-то неторопливо
На веслах тихонько плывем,
Качаясь, качаясь, плывем.
Колышутся темные ивы.

И к ночи, забравшись в постель,
Я плыть начинаю сначала.
О лодочка-колыбель,
Меня и во сне ты качала,
Качала, качала, качала.

Проснусь... Только где же я, где?
Как будто бы дома, в постели.
Но листья опять зашумели,
Летя над водою к воде.
А волны все пели и пели...

Ветер

Вхожу в любые двери
без всякого ключа,
Бывает, листья дуба
срываю сгоряча.
Я грозовыми тучами
умею управлять
И крепостные стены
умею сотрясать.
Но иногда на цыпочках
прокрасться я готов:
Могу пройти по саду,
не разбудив цветов.
Порой волную волны,
суда гоню на мель,
Переношу я крыши
за тридевять земель.
И вдруг утихну сразу —
и нежно, на весу
Гвоздики дикой запах
я в дом ваш принесу.

Медленно

Медленно гальку лижет волна,
Медленно тень плывет у окна,
Медленно лошадь поклажу везет,
Медленно вышел старик из ворот.
Медленно стрелка считает часы,
Медленно сохнут капли росы,
Медлит улитка, но медленней всех
Мох по стене поднимается вверх.

Какие бывают дома

Под холмом еле-еле
Виден кроличий дом:
У него в подземелье
Повернешься с трудом.

Дом синицы — повыше,
Неплохое жилье!
Но квартира без крыши,
Как всегда, у нее.

Дом улитки изогнут —
Лишь она и поймет,
Где же двери, где окна,
Где же выход, где вход.

А коттедж каждой
рыбы —
Утверждать я готов! —
Повторяет изгибы
Рыбьих тел и хвостов.

Рифма к букве «Ю»

Король послал своих гонцов
Собрать мудрейших мудрецов:
Он к букве «Ю» не мог опять —
Хоть тресни!— рифмы подобрать.
И, перьев отерев концы,
Взялись за дело мудрецы.
Они ломали голову, старались день и ночь,
Но королю, к несчастью, никто не мог
помочь.
Вздохнул король:— Хоть рифмы
не нашли вы к «Ю»,
Но все же за усердье
я вас благодарЮ.

Пора идти домой

— Пора идти домой!—
Часы звенят: «Бим-бим»,
И флюгер золотой
Поддакивает им.
И тени все длинней,
Они скользят, скользят...
И в синеве теней
Уже затерян сад.
На листья и траву
Легко легла роса.
Но слышу наяву
Деревьев голоса:
— Пора идти домой!
Пора, пора, пора...
Земля покрылась тьмой
До самого утра.
Такая ночь вокруг!
Где дом, а где кусты?..
И только флюгер вдруг
Блеснет из темноты.

С английского
пересказал Р. ЗАСЛАВСКИЙ.

КРАСНАЯ ТЕТРАДКА.

Ученые просят выяснить

Летом прошлого года в «Пионере» было напечатано задание ботаников МГУ. Ученые просили ребят сообщить, растет ли в их местах охраняемое реликтовое растение ЧИЛИМ. Его еще называют ВОДЯНЫМ ОРЕХОМ.

В нашей стране около ДВАДЦАТИ ПЯТИ видов ЧИЛИМА. Изучены они пока недостаточно, а растение становится редким, многие виды сохранились в малом числе. Вот почему так важно знать все места, где растет чилим, и охранять их.

В ответ на задание пришли десятки писем от ребят и взрослых, чрезвычайно интересных для ученых. Все новые пункты, о которых ребята сообщили в своих письмах, будут нанесены на карту распространения чилима.

БОЛЬШОЕ СПАСИБО ВСЕМ, КТО ОТКЛИКНУЛСЯ НА НАШЕ ЗАДАНИЕ!

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

Сотрудники Ботанического сада МГУ и Ботанического института имени Комарова АН СССР предлагают продолжить работу.

1. ЧЕМ БОЛЬШЕ МЫ УЗНАЕМ МЕСТ, ГДЕ РАСТЕТ ЧИЛИМ, ТЕМ ПОЛНЕЕ БУДЕТ КАРТА. Особенно нам нужны сведения из северных районов. И тут главное — правильно описать место, где он растет. Это сделали не все. Обязательно указывайте название водоема (если оно есть), расстояние с учетом направления от ближайшего населенного пункта, район и область.

2. ОПРЕДЕЛИТЬ ВИД ЧИЛИМА, КОТОРЫЙ РАСТЕТ В ВАШИХ МЕСТАХ, СМОГУТ ТОЛЬКО БОТАНИКИ. Поэтому просим *прислать нам засушенные растения и плоды чилима.*

Собирать чилим нужно в августе, лучше с лодки, поддевая подводный стебель под самое основание. Потом высушите растения между газетами, накрыв сверху фанеркой и положив на нее груз. Газеты меняйте почаще, сначала — два раза в день, потом — ежедневно. Крупные плоды лучше сушить отдельно в пакете. Не забудьте, что плоды должны быть именно того растения, которое вы засушили. Ведь в одном и том же водоеме может расти чилим разных видов.

Когда растение хорошо высохнет, положите его вместе с газетой между двумя фанерками или листами толстого картона и пришлите нам. Плоды положите туда же или отправьте отдельно в коробочке.

В посылку вложите этикетку, на ней напишите, где растение сорвано. Укажите число, месяц сбора, свою фамилию, имя и адрес.

Посылку отправьте по адресу: Москва, И-10, проспект Мира, 26, Ботанический сад МГУ, Н. В. Груздевой.

3. ПОЗАБОТЬТЕСЬ ОБ ОХРАНЕ ЧИЛИМА!

В некоторых странах — в Индии, Индокитае, Китае, Японии — чилима очень много и его издавна употребляют в пищу. Водяные орехи вкусны и питательны, в них есть и белки, и жиры, и крахмал, и сахар. Но в нашей стране чилима немного, и он становится все более редким. Вот почему увлекаться сбором водяных орехов не нужно. Чилим живет только один год, это растение однолетнее. Каждый его плод — будущее растение. Собирая орехи, мы уничтожаем заросли будущего года.

Многие ребята понимают это. Например, Надя Москвина из Омска пишет: «Моя мама рассказывала, что раньше водяного ореха было очень много. И даже из него пекли вкусный хлеб. В 1972 году он был на реке Оми, но очень мало. Не знаю, есть ли он там сейчас».

Если чилим в ваших местах редкость, не позволяйте собирать водяные орехи. Попробуйте перенести его плоды в другие водоемы, если они есть поблизости. Понаблюдайте за ростом чилима на новом месте.

Многие ребята заметили, что чилим растет сплошным зеленым покровом, плавающие розетки листьев смыкаются друг с другом. Действительно, это растение не выносит сильных течений и ветров и хорошо чувствует себя только, если заросль густая. Еще и поэтому важно оставлять в водоеме побольше плодов.

4. ЧИЛИМ — РАСТЕНИЕ САМООПЫЛЯЮЩЕЕСЯ, НО В ЕГО ЦВЕТКАХ ЕСТЬ И НЕКТАРНИКИ, ПРИВЛЕКАЮЩИЕ НАСЕКОМЫХ. Понаблюдайте, кто же опыляет чилим, какие насекомые прилетают в заросли водяного ореха.

Вести наблюдения хорошо с лодки, рано утром, в безветренных местах. Лодку нужно поставить так, чтобы тень от нее не падала на раскрывшиеся цветки — насекомые этого боятся.

Особенно интересно узнать, прилетают ли на чилим перепончатокрылые насекомые: осы, шмели, пчелы.

Постарайтесь поймать насекомых, которые прилетят на чилим. В коробочках или пузырьках с ватой присылайте насекомых по тому же адресу, что и гербарий.

Мы надеемся, что, выполняя наши задания, вы будете охранять не только чилим, но и все растения вашего края.

Н. ГРУЗДЕВА.

СТАВИМ ПАЛАТКИ, РАЗЖИГАЕМ КОСТЕР— БЕЗ ТОПОРА!

Рисунок И. КРАСУЛИНА.

Ребята из 480-й московской школы часто ходят в походы. Вместе со своим руководителем М. А. Денисовым они научились и костер разжигать и палатки ставить, не срубив ни одного зеленого деревца. Топор уже давно с собой не берут — он настоящим туристам просто не нужен. Правда, к такому походу нужно заранее подготовиться. Вот несколько советов.

Палатка за минуту

В школьной мастерской заранее нужно приготовить прочные, *легкие опорные колья для палаток* (по два на палатку) и *стальные*

кольышки-шпильки для растяжки (на каждую палатку четырнадцать плюс один запасной). Этот комплект послужит для многих походов — легко будет быстро разбить лагерь даже под дождем.

Стальные колышки-шпильки (18—20 сантиметров проволоки) легко воткнуть в землю рукой и каблуком забить до отказа. Один конец нужно заострить, другой загнуть под прямым углом на 2—3 сантиметра.

В походе двое ребят по очереди несут колья, обернутые палаткой. Комплект колышков в чехле — в кармане рюкзака.

Если нет палатки

Если нет палатки, можно сделать ее **из синтетической пленки и заранее заготовленных пяти кольев.**

Ставить палатку надо так: пару кольев скрестить вверху, воткнуть заостренными концами в землю и связать верхушки. Параллельно первой паре поставить вторую. Сверху на перекрестья положить пятый кол и привязать его к верхушкам каждой пары. Каркас с четырех сторон покрыть непромокаемой синтетической пленкой. Три куска пленки подвяжите к каркасу сверху и снизу, а четвертый, торцовый, внизу не привязывайте — пусть он откидывается. Здесь будет вход. На пол постелите клеенку, на нее положите легкие одеяла и надувные подушки. На случай дождя окопайте палатку вокруг и сделайте отводной сток для воды.

Сушняк с «неба»

Сухие еловые и сосновые сучья дереву не нужны, даже вредны: в них заводятся вредители леса. **Поэтому сушняк и надо брать для костра.**

А если нижние сухие сучья уже обломаны, а до верхних не дотянуться?

Моток крепкого шнура или веревки поможет достать сушняк с «неба». К одному концу шнура крепится небольшой металлический крюк. Шнур с крюком легко набросить на высокий сухой сук. Набросил — теперь дергай! Нет крюка, привяжи любую деревяшку, помассивней. Так на любой стоянке вы наберете сухих дров даже в сырую погоду.

Чудо-печка

В спортивных магазинах сейчас продаются алюминиевые котелки с треножником, легкие и удобные. Стоят они недорого. На группу в 12 человек нужно три трехлитровых котелка (для супа, каши, какао). Под каждым разводят из сушняка и шишек небольшой костерик в ямке (дерн обязательно нужно отвалить пластом).

Треножник легко вынуть из земли рукой — он не накаляется — и так же легко воткнуть в другом месте, там, где будете раздавать еду.

Когда костры погаснут, снова закройте ямки дерном. Пусть все будет так, как было до вашего прихода. Назовем такую готовку просто: культура туризма.

Палки-мешалки

Чем мешать пищу в котелке? Алюминиевый половник гнется, может сломаться. Половник из нержавеющей стали годится, чтобы раскладывать еду по мискам, а мешать им неудобно — можно обжечься. *Лучше всего сделать две палки-мешалки:* одну — для супа и каши, другую — для кофе или компота. Один конец палки очистите от коры, на конце другой сделайте врез для петли из стальной проволоки, чтобы вешать мешалку на сук. Иначе в пищу может попасть земля. Удобные эти палки-мешалки, надолго их хватает.

Конечно, как и всю посуду, их надо как следует мыть.

М. ДЕНИСОВ,
учитель школы № 480 г. Москвы.

«Семеро смелых» — так говорят о команде ракетомоделистов из Загорска, завоевавшей звание чемпиона страны в 1974 году.

Дружная команда

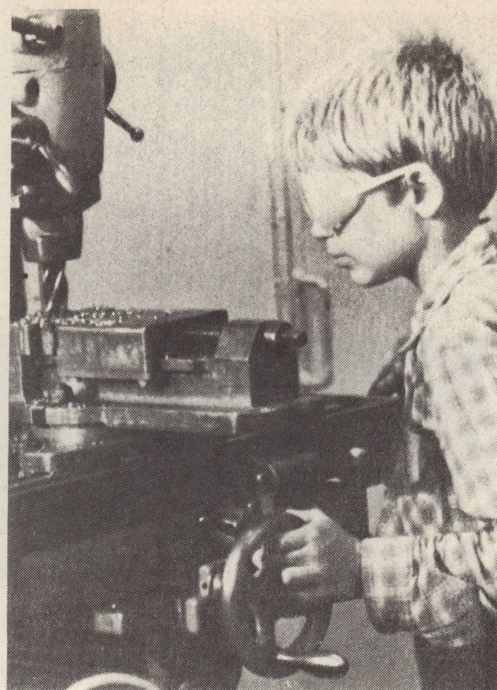
Рисунки А. БОРИСОВА.

На снимке дружная команда загорцев — Леня Захаров, два Сергея — Курков и Селезнев, Аркадий Медведников, Олег Краснов и Александр Климанов. Их тренирует опытный моделист Виктор Николаевич Кузьмин.

Все эти ребята из подмосковного лагеря, знаменитого спортивными победами своих моделистов. Не раз они становились чемпионами РСФСР и всей нашей страны. Дружная эта команда — гордость пионерского лагеря Загорского ордена Трудового Красного Знамени электромеханического завода.

Я перечислил ребят в том порядке, как они стоят на снимке. А если говорить по совести, то Леня Захаров должен был бы стоять все же не в самом начале. Он, конечно, тоже чемпион, как и другие ребята, но чемпион молодой. А вот два Сережи, Аркадий и Олег уже не раз выходили победителями на первенствах Московской области и РСФСР.

За этим станком Олег Краснов вытачивал детали для мотолодки.

У Алеши Волкова и Андрея Карпулева готов парашют.

Виктор Рожков, мастер спорта, один из зачинателей ракетомоделизма в нашей стране и руководитель другой замечательной команды из Ногинска, так прямо и говорит:

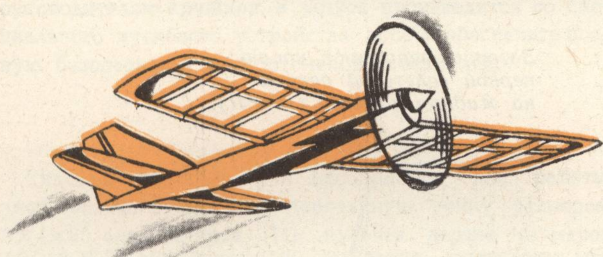
— Загорцы — наши главные соперники. У них и модели сделаны по первому классу и ребята умеют бороться за победу.

Нелегко за одну лагерную смену собрать модели самолетов для воздушного боя. Однако Юре Спиридонову и Сереже Иванову это удается.

Ведет гидрокарт Олег Краснов. Он сам и построил эту быструю моторную лодку.

В руках у загорцев действительно превосходно сделанные ракеты! И спортивные — они соревнуются в высотных полетах. И ракетопланы, которые должны после того, как раскроются крылья, летать как можно дольше. И, наконец, копии легендарных «Востоков» и «Союзов».

Судомоделизм начинается так...

Изготовление таких моделей требует ювелирной точности, их центровка — это целая наука. А как ребята ухитряются уложить в тоненькое тело ракеты огромный парашют со «спускаемым аппаратом», ума не приложу. Однако ухитряются, и после каждого запуска небо расцвечивается легкими куполами парашютов, плавно спускающих «космическую кабину». Настолько плавно, что когда (тайком от руководителя, конечно) озорники спарашютировали... мышонка, тот вернулся на землю абсолютно невредимым, только со страху аппетит потерял.

Да и невелик груз — легонький мышонок, для такого вот парашюта, который держат в руках Алеша Волков и Андрей Карпулев — самые юные ракетомоделисты загорского пионерлагеря!

Есть в лагере и другие кружки. Занимаются в них не каких-нибудь двадцать-тридцать одержимых ребят, а половина всей смены. Здесь они продолжают то, чем занимались зимой на Загорской станции юных техников и чем будут заниматься снова после каникул.

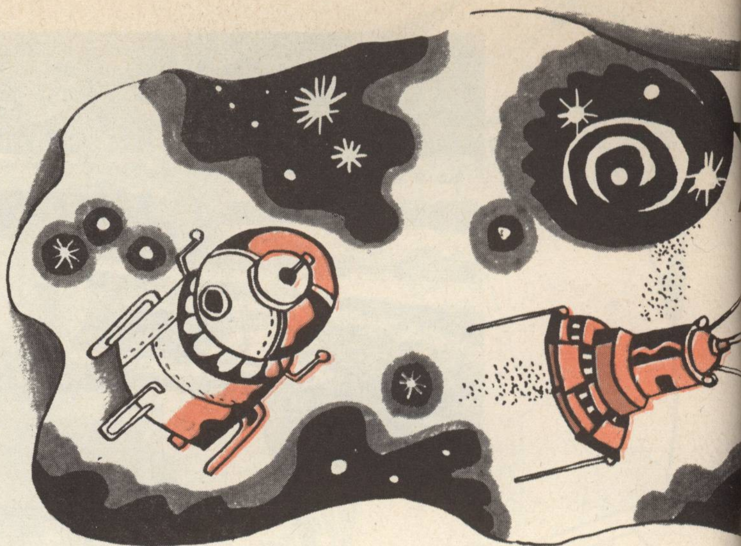
В лагере построен великолепный технический клуб.

Авиамоделисты строят там свои крылатые стрекозы.

Судомоделисты корпят над наборами-посылками. Пусть сверхскоростную модель из них не сделаешь, но посоревноваться можно всласть. А там, глядишь, дело дойдет и до водного мотороллера. «Речная Вятка», сделанная по чертежам журнала «Моделист-конструктор»,— это уже настоящее спортивное судно. И ее тоже построили, собрали до единого шпангоута сами ребята. Строили они и гидрокарт и другие модели под руководством мастера морского дела И. М. Лукьянова.

А что сказать вам о радистах? Они не только карманный приемник за смену собрать успевают, они конструируют сложные электронные приборы! А юные станочники, которые в свои двенадцать — четырнадцать лет на «ты» с любым токарным или фрезерным станком! Без их участия не обходится ни одна военно-спортивная игра, ни один общелагерный праздник, потому что и «оружие» надо сделать, и линию укреплений оборудовать, и спортивный инвентарь привести в порядок.

А те, кто еще только вступает в увлекательный мир техники, ребята из кружка начального моделирования! Их в лагере больше всего. И ходят они очень гордые, что попали в такой замечательный лагерь и что без них тут все как без рук. Кто сделает самые яркие праздничные украшения? Юные умельцы. Кто смастерит огромного дракона для водного праздника? Опять без них не обойтись. И выжигать, и выпиливать, и инкрустировать, и еще многому-многому другому учит их дядя Миша — Михаил Александрович Фадеев, мастер — золотые руки.

Вот такой, товарищи, есть под Москвой лагерь. Я тут ничего не прибавил, хотя не рассказал еще об очень многом. Только... может быть, я уж очень перехвалил загорцев, а у вас лагерь ничуть не хуже?

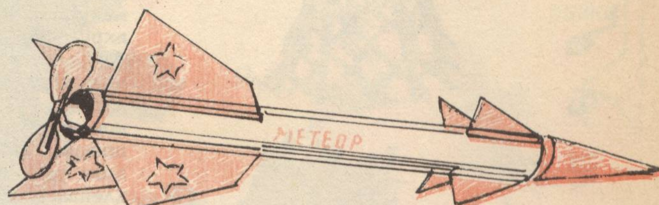
Ю. ГЕРБОВ

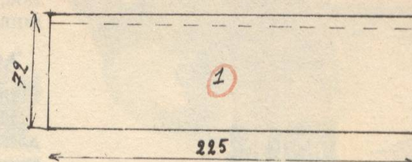
Загорцы запускают копию первой советской ракеты на жидком топливе (ГИРЛ).

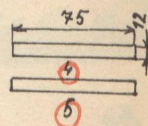

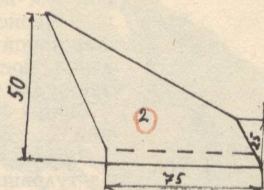
на старте — «МЕТЕОР»

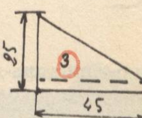
ТВОЯ ПЕРВАЯ МОДЕЛЬ

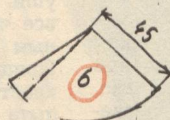

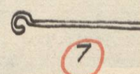
Предупреждаю сразу: на большие спортивные соревнования с такой моделью ездить не стоит — она летает не так высоко и не так быстро, как модель с пороховым зарядом.

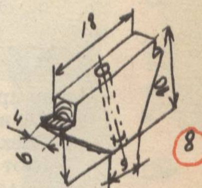
Настоящая спортивная ракета — сложное устройство. Ее можно сделать только в кружке, заряды в такую ракету заправлять разрешается только взрослым, руководителям кружков, а запуск производится со специального пускового устройства, чтобы обеспечить полную безопасность и спортсменов и зрителей.

СОВЕТУЕМ ТЕБЕ НАЧАТЬ С НАШЕГО «МЕТЕОРА».

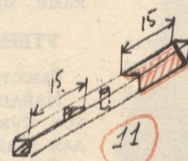
Сначала приготовь все необходимое для работы: **лист толстой бумаги** (1), **деревянную рейку** размером 3×4×60 миллиметров (11), **кусочек дерева** размером 4×15×22 миллиметра (8), **стальную проволоку** диаметром 0,5 миллиметра (7), **резинку** длиной 500 миллиметров, **линейку, карандаш, плоскогубцы, наждачную бумагу, краски и кисточку.**

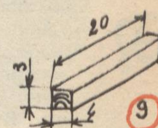

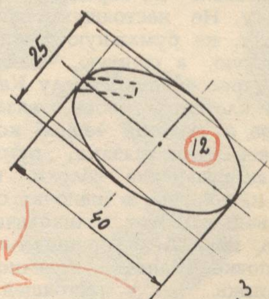

Начнем с корпуса. Сначала вырезаем лист бумаги по размерам, указанным на рисунке 1. Наматываем бумагу на трубочку диаметром 14 миллиметров. Точно так же делается конус, усиливающие пояски (4 и 5) вырежь из фольги. Направляющие рули (2 и 3) тоже вырезаем из бумаги и склеиваем вдвое, а полоску, показанную пунктиром, отгибаем.

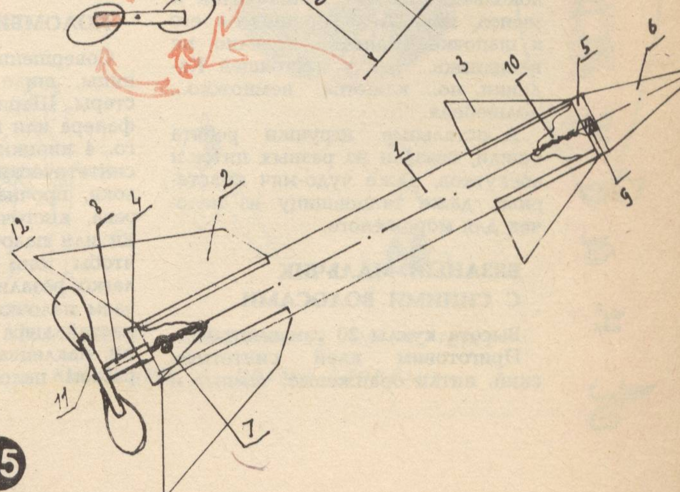
Осталось склеить все это, как показано на сборочном чертеже, и корпус готов.

Подшипник и штырь для крепления резиномотора (8 и 9) нужно тщательно выстругать из кусочков дерева по размерам, показанным на рисунках.

С воздушным винтом придется немного повозиться. Сначала выстругаем рейку (11), и в ней точно посередине проколем отверстие. Из бумаги вырежем шесть лопастей винта. Из них склеим две трехслойные лопасти и потом приклеим их к рейке, как показано на рисунках 11 и 12. Теперь согнем из стальной проволоки крючок (7) и прикрепим его к винту, пропустив предварительно в отверстие подшипника (8).

Осталось натянуть резиновую нить, сложив ее вдвое, закрутить, и **МОДЕЛЬ ГОТОВА К ПОЛЕТУ.**

Ю. Гербов.

— Динь-дон-динь-динь-динь... — не умолкал колокольчик. Но Марина, Алеша и Боб даже не обернулись, не посмотрели, откуда слышится знакомый перезвон.

Они сидели плотным кружком вокруг стола и сосредоточенно следили за тем, что делает Лёка. Колокольчик снова как-то неуверенно прозвенел:

— Д-и-и-ннь?..

И Лёка важно сказала:

— Вот и готово!— И раздвинула ворох лоскутков, ниток, поролона и поставила на середину стола Калинку. Не настоящую, живую Калинку, не бумажную Калинку-маленькую, а сшитую, вывязанную, нарисованную куклу Калинку. В клетчатой юбке, вязаном свитере, с толстой черной косичкой, веселыми глазами, румяными, как рязанские яблоки, щечками и, конечно, в шапочке с колокольчиком. Этот колокольчик и звенел, пока Лёка пришивала его к шапочке. Шапочка, конечно, не невидимка, как у настоящей Калинки, но... кажется, немножко... волшебная.

А остальные игрушки ребята сшили, связали из разных ниток и лоскутков, даже чудо-мяч смастерили, даже танцовщицу из палочек для мороженого.

ВЯЗАНЫЙ МАЛЬЧИК С СИНИМИ ВОЛОСАМИ

Высота куклы 20 сантиметров.

Приготовим клей синтетический, нитки оранжевые, темные и светлые, черные и синие кусочки сукна.

Вяжем крючком столбиками без накида по образцу (в одном сантиметре 4 ряда). Начинаем вязать с макушки. Вяжем плотной вязкой вкруговую голову, туловище, потом левую ногу с ботинком, правую ногу с ботинком. Набиваем ватой. Руки начинаем вязать с кончиков пальцев, набиваем, пришиваем. Потом привязываем к голове уши, вышиваем волосы, приклеиваем глаза, вышиваем щеки, нос, рот, наклеиваем или пришиваем синие суконные башмаки.

ЛОШАДЬ

Высота 20 сантиметров.

Нам нужны: нитки светло-серые для туловища, темно-серые для гривы и хвоста, черные — шнурок для вожжей, кусочки цветного и черного сукна или плотной шерстяной ткани для седла, уздечки, копыт, розовой и голубой ткани для глаз, ушей.

Спицы № 5, клей синтетический.

Вяжем чулочной вязкой, сначала туловище, потом отдельно шею с головой, как вяжется носок, уши. Набиваем ватой. Сшиваем все части, пришиваем к связанным ушам розовую подкладку. Пришиваем уши, делаем гриву и хвост из ниток. Приклеиваем копыта, ноздри, глаза, седло, уздечку. Вышиваем рот розовыми нитками, пришиваем вожжи.

УТЕНОК

Высота 5—7 сантиметров.

Найдите желтую шерсть, желтое сукно для лапок, черное — для глаз, проволоку для лапок.

Склеиваем утенка из двух помпонов, крылышки делаем из ниток, лапки и клюв из сукна. Приклеиваем клюв, глаза. В большой помпон продеваем проволоку — основу лапок, наклеиваем на проволочки фетровые лапки.

КОЛОМБИНА

Совершенно необходимы ножницы, шило, краски или фломастеры. Шарик для головы, тонкая фанера или палочки от мороженого, 4 кнопки, шнурок с бусинкой, синтетический клей, кусок проволоки, прочная нитка, лак для дерева, кисточка. Замочить фанерки или палочки в горячей воде, чтобы они не расщеплялись и легко резались ножницами. Вырезаем палочки для двух боковых частей лифа и 5 палочек для юбки, наклеиваем лиф на юбку. Вырезаем палочки для рук и ног, приклеиваем кисти рук и башмачки. Теперь проделайте дырочки для прикрепления рук и ног, свободно скрепите руки и ноги с туловищем кнопками. Сделайте маленькие дырочки для нитки. Сложите пополам проволочку, вклейте ее в шарик для головы, чтобы конец торчал из шарика, образуя петлю. Прикрепите концы проволоки к центру туловища сзади.

Сквозь маленькие дырочки (по схеме) протяните свободно крепкую нитку. Шнурком с бусиной на конце перевяжите нитки на руках и ногах.

МИШКА

В первую очередь сделаем выкройку из бумаги. Для этого необходимы: бумага, карандаш, линейка и ножницы.

И еще нужны: коричневый искусственный или натуральный мех, немного рыжевато-коричневого и розового сукна, нитки, вата для набивки, эластичный шнурок, кнопка, две красные пуговицы и одна черная (для носа), две белые (для глаз). Клей синтетический.

Делаем половину выкройки из бумаги, вырезаем по ней части из меха, прибавляя на швы: две половинки туловища, два уха и нос и еще два уха, из розового сукна. Сложив выкроенные детали лицом к лицу, сшиваем вместе меховое ухо и суконное. Прямой конец оставьте открытым, выверните налицо. Сшейте туловище (две половинки) вместе с ушами, выверните налицо. Набейте медведя, подверните незашитые края внутрь и зашейте. Выкройте мордочку из меха, сшейте, выверните налицо, набейте. Пришейте мордочку к голове там, где указано на выкройке пунктиром. Пришейте нос. На каждой из белых пуговиц нарисуйте черные зрачки, пришейте в местах, обозначенных на выкройке X. Вырежьте и приклейте рот. На тыльную сторону лап и на подошвы нашейте рыжеватое сукно.

КАЛИНКА

Сошьем куклу из ситца, юбочку сошьем, свитерок свяжем. Нам необходимы: розовый ситец для тела, черные нитки для волос, разные нитки для свитерка, немного красной в клетку ткани — для юбочки, красное сукно — для туфель. Металлический колокольчик и зеленые нитки для шапочки.

Вырезаем по выкройке 2 половины туловища, 4 части для двух ног. Сшиваем и набиваем ватой сначала туловище с руками, потом ноги. Ноги пришиваем к туловищу. Делаем прическу из ниток. Выкраиваем и шьем одежду и туфли. Вяжем шапочку в резинку 1×1, пришиваем колокольчик на шнурке. Вышиваем глаза черными нитками, рот красными. И обязательно нарисуем щеки — ведь у Калинки щеки, как румяные рязанские яблочки.

Рисунки Т. ЛАРИОНОВОЙ.

ЧЕТЫРЕ ИНДЕЙЦА

Ответственный дежурный Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Когда я читал книжку про индейцев, мне понравились вот эти их портреты. Я перерисовал их в свою тетрадку, но забыл подписать, кто из них из какого племени.

Я показал рисунки Деду Буквоеду, и он сказал: первый навах, второй апаш, третий гурон, четвертый сиу.

Пинцет возразил: наоборот, первый — сиу, а потом идут гурон, навах, апаш.

Лупа не согласилась с ним:

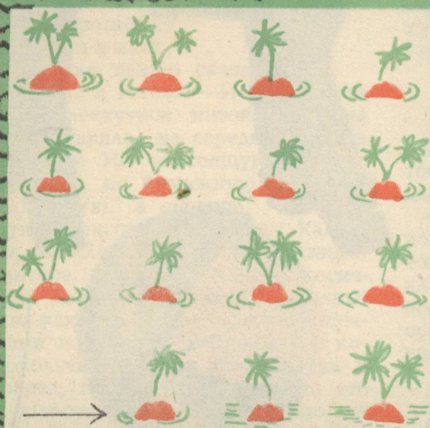
— Ты заблуждаешься, первый — гурон, за ним сиу, апаш, навах.

Я снова заглянул в книжку и увидел, что все мои друзья ошиблись.

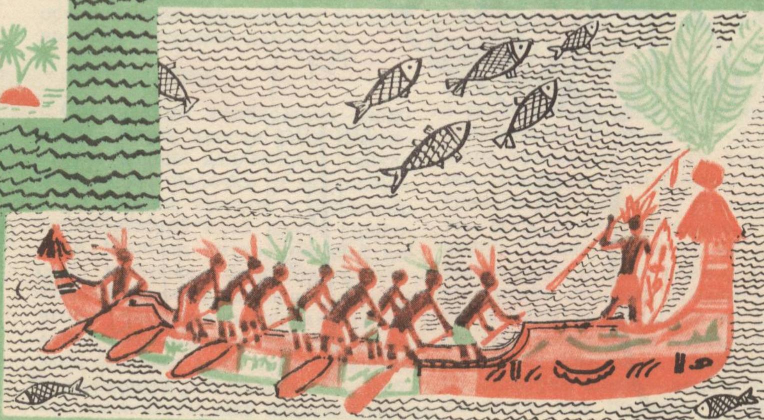
Может быть, ты расставишь подписи правильно. Только учти ошибки и Деда Буквоеда, и Пинцета, и Лупы. Жду ответа.

НУЖЕН РУЛЕВОЙ

Океанские дороги!
Парус неба голубой!
Собирайся! На пироге
Нужен зоркий рулевой!
Острова зовут, и надо
Нам на каждом побывать.
Поворотов же, однако,
Можно сделать только пять.

Повернешь пирогу, дальше
Следуй строго по прямой.
Хитроумная задача.
Нужен зоркий рулевой!

В гостях у облаков

Моя коллекция растет!
Детально я продумал план.
Победой кончился поход,
И вот взбираюсь на Монблан.

* * *

Здесь все совсем не так-то просто,
Всмотрись, подумай, не спеши,
Расставь как следует наброски,
Стихи как надо напиши.

Живжживка

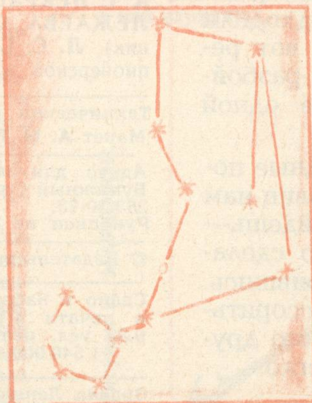

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 6.

Игры Лупы и Пинцета
Поймай кита в небе.
Вот как должно выглядеть созвездие Кита:

Игры Деда Буквоеда.
Что говорит сороконожка?
«Иди с другими в ногу!»
Задачи: «Помоги медведю!» и **«Где сапоги?»** ребята решили правильно. Они назвали все недостающие детали, а сапоги кота нашли в домике.

Спасите ЛЬВА

Бедняга лев попался в сети!
Его спасти сумеет тот,
Кто сопоставит марки эти
И семь различий в них найдет!

САМИ О СЕБЕ

Береги друга!

Однажды после кино мы с Мариной возвращались домой. Подруга заговорила о любимых занятиях. Она увлекается музыкой, а мне нравится делать разные коробочки, полки из дерева. Мы заспорили, что же интереснее. Спорили долго и не заметили, как поссорились. После этого два дня не подходили друг к другу, не разговаривали. Но вот ребята во дворе затеяли игру в «казаки-разбойники». Мы с Мариной оказались в одной команде. И снова стали друзьями.

В школе мы читали книжку «Народные поговорки и пословицы». Одна из пословиц нам очень понравилась: «Друга ищи, а найдешь— береги». Мы с Мариной поняли, что сделали очень большую ошибку, поссорившись. И советуем всем ребятам никогда не ссориться по пустякам, потому что настоящего друга найти очень трудно, а потерять легко.

ЛЕМЕШКО Марина,
г. Варшава, ПНР.

СОДЕРЖАНИЕ

Главный редактор С. А. ФУРИН.

Технический редактор **В. П. БОРИСОВА.**
Макет **А. М. ГРИШИНА.**

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, А-137, Бумажный проезд, 14. 11-й этаж. Телефон 253-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 25/IV 1975 г. А 00853. Подписано к печати 4/VI 1975 г. Формат 84×60. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 540 000 экз. Изд. № 1493. Заказ № 592.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

«БЕЛАЯ ЛАДЬЯ» ФИНИШИРУЕТ

Много интересного произошло в стране шаха. Самые сильные команды пионерских дружин из всех союзных республик оспаривали почетные призы клуба «Белая ладья». Сколько интересных партий было сыграно, сколько красивых комбинаций проведено!

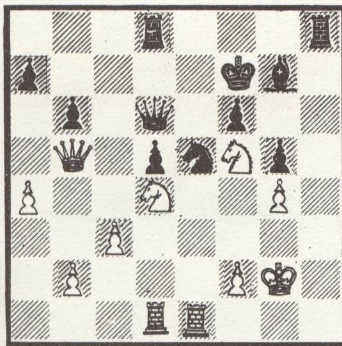
Пешкин внимательно следит за турнирами смелых рыцарей клуба «Белая ладья». Лучшим он вручил переходящий приз журнала «Пионер». Приз этот побывал в Новосибирске в школе № 130 и в Тбилиси в школе № 1. И вновь теперь плывет «Ладья» «Пионера». Попутного ей ветра!

В этом году Пешкин впервые вручил самой дружной и организованной команде еще один приз «Пионера». Претендентов на этот приз было много. О том, как закончился финал в Ростове-на-Дону, мы будем еще рассказывать в следующих номерах.

ТУРНИРЫ И МАТЧИ

В соревнованиях «Белой ладьи» участвовал почти миллион ребят. Среди них есть и кандидаты в мастера и перворазрядники.

На областном пионерском турнире в Горьком уверенно победили перворазрядники **Витя Купоросов и Игорь Сорокин.** У Вити не было ни одного поражения, а Игорь только один раз «споткнулся», играя с четвероклассником **Стасиком Войцеховским.**

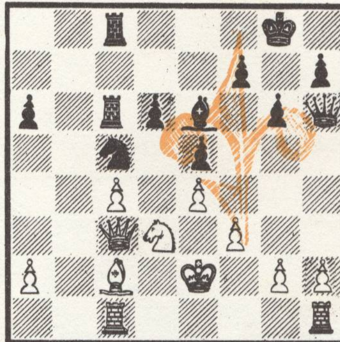
Сейчас ход черных, и Стасик пожертвовал ладью ходом 1... Лh8—h2+. Игорю надо было бы хладнокровно отступить королем на g1, а он неосторожно взял ладью. После 2 Крg2 : h2? Кe5—g4+ 3. Крh2—h3 Фd6—h2+4. Крh3:g4 Фh2—f4+5. Крg4—h3 Лd8—h8+6. Крh3—g2 Лh8—h2+ белые получили мат.

В чемпионате оренбургского Дворца пионеров победил ученик 30-й школы **Миша Каган.** Он выполнил норму кандидата в мастера.

В соревнованиях шахматистов Астраханской области команда школы № 58 четыре раза занимала первые места. В этой команде особенно хорошо играют **Александр Филиппов и Эвелина Радченко.**

Ученик 56-й алма-атинской школы **Булат Асанов** завоевал звание чемпиона Казахстана среди юных шахматистов.

Сереже Терехову из Новосибирска десять лет. Но он добился хороших результатов в областном шахматном фестивале. Вот финал его партии с **Олегом Лутиковым.** Сережа играет черными.

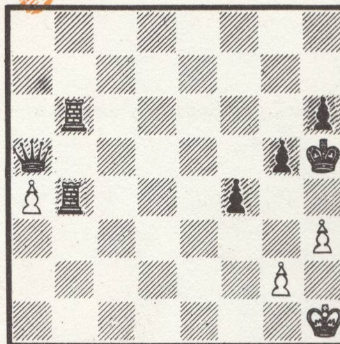

Король белых застрял в центре, и Сережа решительно проводит атаку:

1... Кc5:e4! 2. f3:e4 Лc6:c4 3. Фc3—f2 Лc4:e4+ 4. Крe2—f1 Сe6—c4 5. g2—g3 (если 5. Лe1, то выигрывает 5... Фf4+) 5... Сc4:d3+, и через несколько ходов белые сдались.

КОНКУРС ПЕШКИНА

Кто из вас выиграет в этой необычной позиции?

Найдите, как, начиная игру, белые добиваются победы. **Напишите, понравилась ли вам эта позиция и чем интересны возникающие в ней варианты.**

Рисунок Н. МАРКОВОЙ.

Конкурс морских знатоков

На этой странице художник нарисовал много кораблей — без подробностей, но так, что сразу можно узнать тип корабля. Какие из них тебе знакомы?

Перерисуй те корабли, о которых ты что-то знаешь, напиши, как тебе удалось определить тип корабля. Если ты встретишься с теми, кто сегодня служит на флоте, расспроси их о службе морской и о самом интересном напиши в «Пионер».

Цена 25 коп.
Индекс 70694.